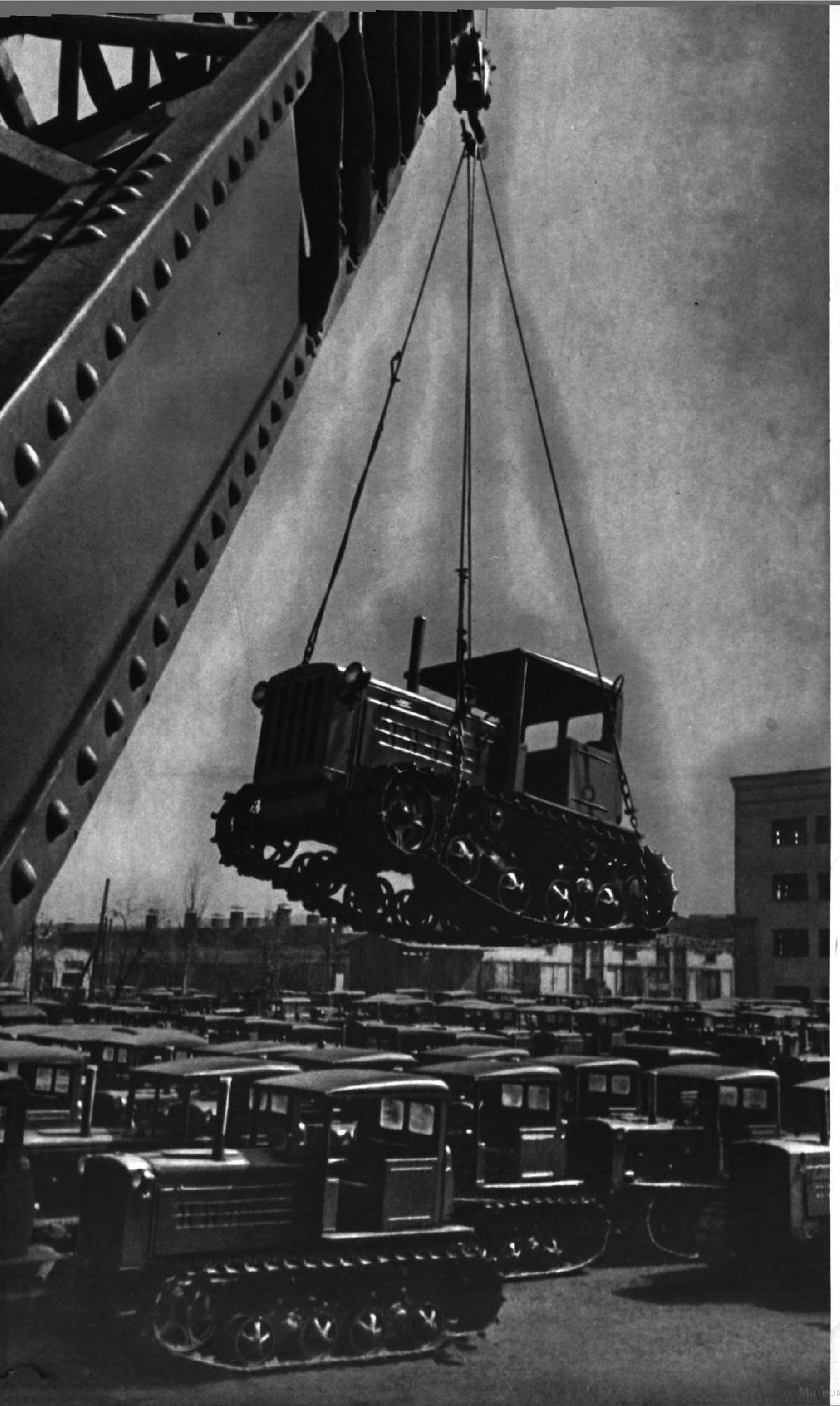

ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сталинградский тракторный завод. Погрузка готовых тракторов.

Фото Г. Зельма

На первой странице обложки: на экзамене в Московском институте стали имени И. В. Сталина. Студентка 3-го курса технологического факультета Д. Н. Гилье сдает экзамен по электротехнике доценту М. А. Молеву.

Фото А. Гостева

На последней странице обложки: юные шахматисты.

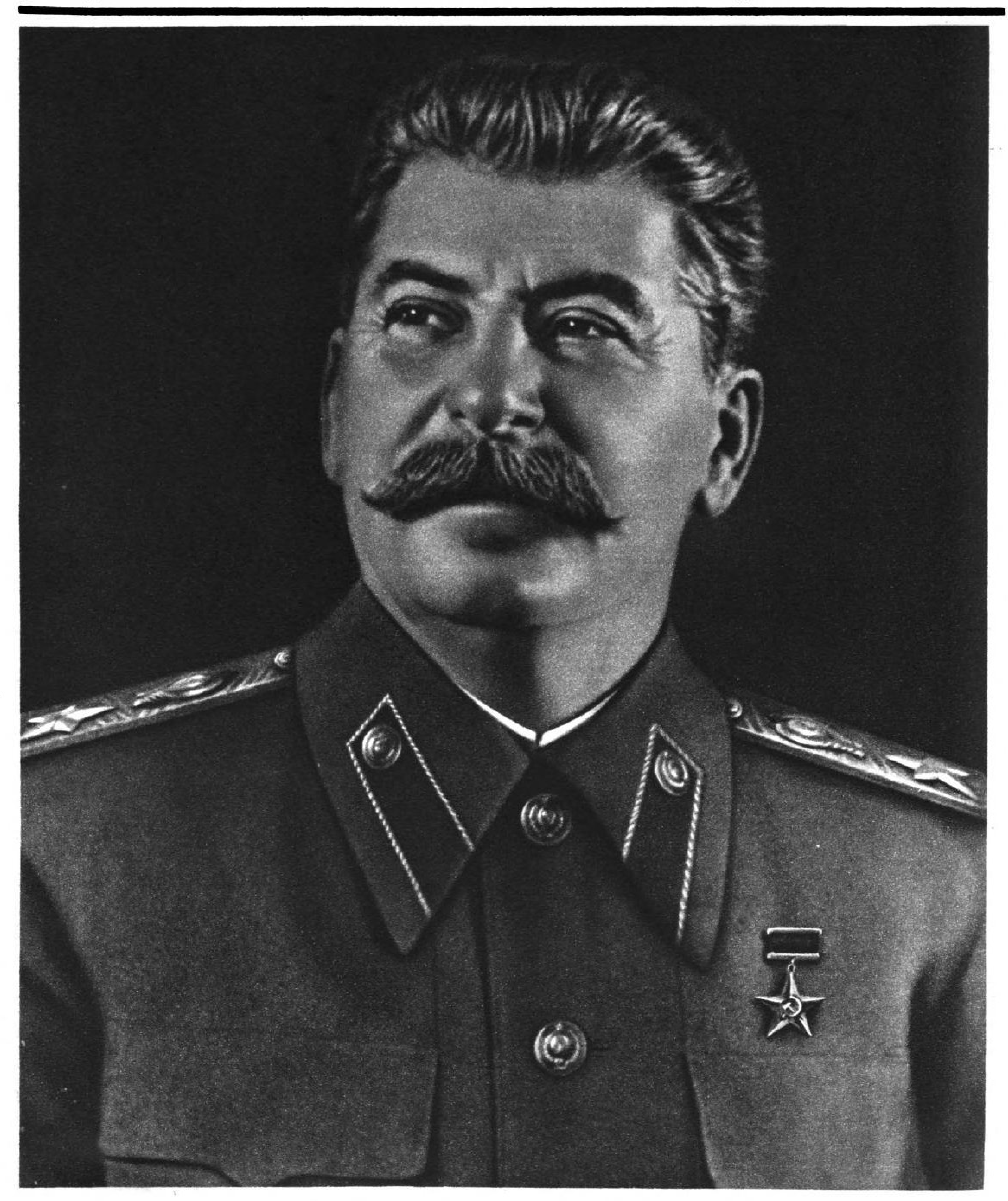
Фотоэтюд Г. Борисова

ОГОНЁК № 26 (1203) 25 июня 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Председатель Совета Министров Союза ССР
Иосиф Виссарионович СТАЛИН

ДЛЯ БЛАГА НАРОДА

Восемь дней заседали в Кремле избранники Советской страны, посланцы ее заводов и колхозов, школ и научных лабораторий — депутаты Верховного Совета СССР. Плоть от плоти народа, облеченные его высоким доверием, прямые выразители его воли, они собрались, чтобы по-хозяйски решать важнейшие вопросы управления государством, вопросы строительства коммунизма. Советская социалистическая демократия в действии — такова была картина работы первой сессии Верховного Совета нового созыва.

Советский народ представляли на сессии лучшие из его сынов, знатные люди Союза, живое воплощение неисчерпаемых народных талантов, вызванных к жизни Великой Октябрьской социалистической революцией. 418 рабочих и 269 крестьян заняли места на депутатских скамьях в обеих палатах — где, в какой из стран капитализма, кичащихся своей хваленой «демократией», это возможно?! Рабочих и крестьян народ выдвинул и поднял на высоты государственной деятельности потому, что они передовые люди советской эпохи, активные строители коммунистического общества, представители нашего советского прогресса. Рабочий-новатор — это творец новой культуры производства, в содружестве с людьми науки открывающий новые пути в технике, толкающий вперед науку. Колхозник-новатор — это мастер земледелия, вооруженный передовой агрономической наукой, не ждущей милостей от природы, а берущей от нее все, что она может дать. Вот почему на скамьях и на трибуне Верховного Совета СССР часто трудно отличить депутата — рабочего и колхозника от депутата — представителя интеллигенции. Стирание грани между умственным и физическим трудом, равноценность рабочих, крестьян и интеллигенции в общей государственной работе, огромный рост культуры советского человека и широта его политического горизонта — таковы замечательные черты социалистического строя, которые ярко проявились на сессии Верховного Совета.

Депутаты съехались на сессию со всех концов нашей необъятной Родины, вдохновляемые и руководимые одним, общим, всенародным наказом.

Более 110 миллионов советских избирателей — весь советский народ — с большой радостью отдали свои голоса на выборах в Верховный Совет кандидатам сталинского блока коммунистов и беспартийных. Тем самым народ полностью, горячо и беззаветно одобрил политику большевистской партии и советского правительства, выразил свою безграничную любовь и благодарность великому Сталину, ведущему страну к коммунизму.

Депутаты Верховного Совета съехались на сессию как выразители этой незыблемой сплоченности всего советского общества вокруг партии Ленина — Сталина. Вот почему вся работа сессии была проникнута замечательным морально-политическим единством, которое заставляет наших врагов дрожать от бессильной злобы. Это единство мыслей и чувств всего советского народа с огромной силой выразилось на сессии в те минуты, когда в общем порыве депутаты поднялись с мест, чтобы приветствовать самого родного, самого дорогого народу человека — великого Сталина. Сила нашего советского единства проявилась и тогда, когда Верховный Совет с исключительным единодушием принял постановление одобрить деятельность Совета Министров СССР и поручить Совету Министров и в дальнейшем выполнять обязанности по управлению государством. Советский народ неотделим от своего правительства, возглавляемого гениальным вождем и учителем трудящихся товарищем Сталиным. Сессия Верховного Совета СССР выразила своим постановлением всенародное одобрение и благодарность миллионов советских людей нашему родному правительству за его великий труд по строительству коммунизма, за его верное и самоотверженное служение Родине.

Сессия рассмотрела и утвердила государственный бюджет Советского Союза. Каждая цифра этого свода доходов и расходов советского государства с исключительной яркостью свидетельствует о великих исторических преимуществах социализма над капитализмом. Каждая статья бюджета подчеркивает контраст между мощно подымающейся вверх, цветущей советской экономикой и гниющей на корню, разлагающейся экономикой капиталистических стран. Бюджет Советского Союза — это полнокровный, энергичный, здоровый пульс планово-социалистического хозяйства. Он не знает губительных перебоев и остановок в виде капиталистических кризисов, рождающих безработицу, нищету народных масс. Наш советский бюджет выражает непрерывный подъем производства, неуклонное повышение материального уровня трудящихся, постоянный технический прогресс, облегчающий труд человека, рост культуры миллионных масс. Забота о благе народа насквозь пронизывает наш советский бюджет — в отличие от капиталистических стран, где правительственные бюджеты выражают прежде всего беззастенчивый и зверский грабеж достояния трудящихся. 120,7 миллиарда рублей ассигновал Верховный Совет СССР по бюджету 1950 года на социально-культурные мероприятия. Это новые тысячи и тысячи клубов, дворцов культуры, больниц, санаториев для трудящихся, школ и яслей для их детей, это щедрая помощь многодетным матерям и престарелым, это новый расцвет советской науки, литературы, искусства. Где, в какой из капиталистических стран мыслимо в наши дни нечто подобное? Где в странах капитала возможно такое широкое и систематическое снижение цен, как в Советском Союзе? Чудовищная безработица, инфляция, неистовый рост цен, катастрофическое падение покупательной способности рабочей семьи, все более жестокое завинчивание налогового пресса — таков удел народа любой из «цивилизованных» западных стран, попавших в железные тиски «плана Маршалла», такова судьба десятков миллионов трудящихся и в самих Соединенных Штатах.

Наш советский государственный бюджет — это яркое выражение исторических побед социализма, в нем видна убедительная правда о победах и успехах советского народа. И эта правда, несмотря на колючую проволоку буржуазной лжи и клеветы, проникает в сознание миллионов и миллионов трудящихся всего мира и делает их пламенными друзьями Советского Союза.

Наш советский бюджет — это бюджет мира. Две трети всех его расходов — это расходы на народное хозяйство и культуру. Ассигнования на оборону страны составляют 18,5% против 32,6% в 1940 году и 23,9% в первом году послевоенной пятилетки. Какое глубокое отличие от агрессивных, человеконенавистнических, антинародных бюджетов империалистических держав! Там, в странах капитала, государственный бюджет в наши дни почти целиком сливается с «частным» бюджетом фабрикантов смерти, некоронованных королей пушек, авиации, химии, там бюджетные расходы все больше совпадают с чудовищными заказами на изготовление средств массового истребления людей. 76% бюджета США — это расходы на гонку вооружений, на подготовку новой кровавой мировой бойни, и лишь жалкие крохи остаются на школу, на здравоохранение. Та же картина в Англии, Франции и других маршаллизированных странах. Эта коренная разница между ярко выраженным созидательным, культурным предназначением нашего советского бюджета и преступной бюджетной политикой поджигателей войны сразу бросается в глаза. Это еще больше привлекает сердца миллионов простых людей к Советскому Союзу как могучему оплоту мира во всем мире.

На своем последнем заседании сессия Верховного Совета с исключительной силой продемонстрировала великую роль Советского Союза как знаменосца мира между народами. Сессия выразила в официальном Заявлении свое отношение к воззванию Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, переданному делегацией Постоянного комитета председателям обеих палат Верховного Совета СССР. Докладчик по этому вопросу на сессии депутат В. В. Кузнецов подчеркнул в своей речи, что мирная политика СССР органически вытекает из самой сущности советского строя, который уничтожил эксплуататорские классы — этих зачинщиков войны. Советский Союз ведет политику мира не фарисейски, а честно и открыто, решительно и последовательно. Мировая общественность на каждом шагу сталкивается с гнусным фарисейством заправил империалистического лагеря, которые под прикрытием блудословия о «мире» толкают человечество к новой военной катастрофе. Всем известно, что делегации Постоянного комитета отправились в разные страны, чтобы передать парламентам обращение Стокгольмской сессии. В США делегация не была допущена вовсе, во Франции вестники мира подверглись наглым издевательствам, грубый полицейский прием встретили делегации и в других странах, где все делается под дирижерскую палочку американских атомщиков.

Жажда крови и долларов, боязнь, что военный бизнес может ускользнуть из рук, приводят поджигателей войны в бешенство. Перед лицом гигантского движения за мир, охватившего все страны и континенты земного шара, фабриканты смерти развернули дикую свистопляску террора и насилий, начали преследовать и бросать в тюрьмы лучших представителей движения сторонников мира — гордость прогрессивного человечества.

С тем большей надеждой и уверенностью обращают свои взоры миллионы честных сторонников мира во всех странах к Советскому Союзу, который издавна и неуклонно защищает святое дело мира и последовательно разоблачает всех и всяческих поджигателей новой войны. Народы всех стран знают, что, когда дело идет о защите мира, они могут смело положиться на советский народ, руководимый коммунистической партией, великим Сталиным!

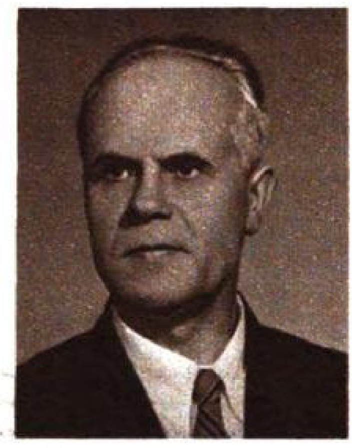
Советский народ в лице сессии Верховного Совета СССР дал такой ответ на обращение Стокгольмской сессии Постоянного комитета, какой вытекает из всего существа благородной, мирной политики Советского Союза. Верховный Совет СССР присоединился к Стокгольмскому воззванию. От имени великой страны социализма сессия Верховного Совета СССР поддержала требование народов: запретить атомное оружие, установить строгий контроль за соблюдением этого запрещения, объявить военным преступником то правительство, которое первым применит это оружие агрессии и массового уничтожения!

Этим Заявлением сессия Верховного Совета достойно увенчала свои работы. Высший орган государственной власти страны победившего социализма сделал новый вклад в международную борьбу за мир, во главе которой идет великий Советский Союз. Открыто и авторитетно выражены воля советского народа к миру и его готовность единодушно поддержать те справедливые требования, которые изложены в воззвании Стокгольмской сессии. Это укрепит силы неисчислимых борцов за мир на земле, это еще больше увеличит их ряды, это вдохновит их на еще более активную борьбу против поджигателей новой войны. Ибо народы знают: с ними великий Советский Союз, с ними вождь всех трудящихся, неустанный борец за мир великий Сталин!

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Николай Михайлович Шверник.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР:

Михаил Петрович
Тарасов.

Михаил Сергеевич
Гречуха.

Василий Иванович
Козлов.

Шараф
Рашидов.

Даниял
Керимбаев.

Василий Барнабович
Гогуа.

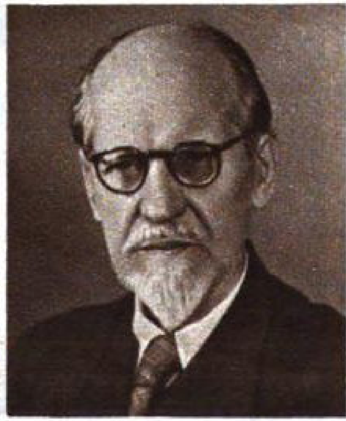
Назар Гейдар оглы
Гейдаров.

Юстас Игнович
Палецкис.

Федор Григорьевич
Бровко.

Аугуст Мартынович
Кирхенштейн.

Турабай
Кулатов.

Назаршо
Додхудоев.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР:

Мацак Петросович
Папян.

Акмамед
Сарыев.

Аугуст Михкелевич
Якобсон.

Отто Вильгельмович
Куусинен.

СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Александр Федорович
Горкин

ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР:

Василий Михайлович
Андрианов.

Мир-Джафар Аббасович
Багиров.

Семен Михайлович
Буденный.

Сабир Ахмедьянович
Вагапов.

Абдурахман Даниялович
Даниялов.

Ян Эдуардович
Калиберзин.

Василий Васильевич
Кузнецов.

Зинаида Александровна
Лебедева.

Леонид Георгиевич
Мельников.

Зиннят Ибетович
Муратов.

Пантелеймон Кондратьевич
Пономаренко.

Михаил Андреевич
Суслов.

Зинаида Тихоновна
Федорова.

Никита Сергеевич
Хрущев.

Матвей Федорович
Шкирятов.

Лицо времени

Галина ШЕРГОВА

Пала роса. Невидная в темноте, она холодила ноги. Но Сергей Иванович уверял себя, что это только бодрит. Да и ночь стояла такая, что грех было спать. Ветви деревьев, уже утратившие очертания, незримо колыхались над головой, только стволы берез белели, как стеариновые свечи.

Нет, он положительно не знает, что рассказать. За семьдесят лет его жизни столько воды утекло. Десятилетним он сел за парту Ходарской школы. В первый день учитель спросил его: «Ма-ма... Сколько слогов?». Он, перепуганный и удивленный, ответил: «А сколько?». Теперь он заслуженный учитель той же Ходарской школы, награжденный орденом. Много воды утекло, много. Сейчас школа готовится к своему 80-летию, и ему нужно выступить с воспоминаниями.

Школа в Ходарах была основана инспектором народных училищ Симбирской губернии Ильей Николаевичем Ульяновым. Конечно, Ульянова Сергей Иванович Федоров помнить не мог. Был бы жив ходаровец Ефрем Пагаев, он бы рассказал, как Илья Николаевич сход в деревне собирал, как объяснял необходимость просвещения для чувашей, «говорил мягко, душепроницательно» (так выражался Пагаев); рассказал бы, как Ульянов лес для школы доставал и сам следил за его перевозкой. Жаль, умер недавно Ефрем. А вот друга Ульянова чуваша Яковлева Сергей Иванович помнит.

Иван Яковлев создал чувашскую письменность, основал в Симбирске первую чувашскую школу, поселив у себя на квартире восемь мальчиков. Всю жизнь посвятил он просвещению родного края. На годичных испытаниях у них в школе в Ходарах присутствовал, да и так много раз бывал.

Однажды в детстве Федоров подслушал разговор инспектора Яковлева с учителем Николаем Максимовичем. Только позже, вспомнив этот разговор, он понял его смысл.

— Господи,— жаловался Яковлев,—как трудно двигать бюрократическую машину, через этот лес к свету выходить! Вот вообразите: в Чебоксарах решили почту открыть. Казалось бы, хорошо. Но земская управа ответила: «Уезд населен почти исключительно инородцами — чувашами и черемисами, которые не ведут никакой переписки и не получают писем». И отказали. Каково? Недавно,— рассказывал далее Яковлев,— говорю одному крестьянину: «Учить надо сына-то». А он: «И верно, будет кому налоги считать. Раньше-то мы на бирках, батюшка, считали, а как воля вышла, в 61-м, так налоги ни на каких бирках не сосчитаешь». Вы же знаете эти налоговые бирки и знаки на них, никому, кроме владельца, неведомые: письменности-то общей нет. А ведь не для сочтения налогов нужна чувашам грамота! Нужно, чтобы выросли из чувашей образованные, полезные народу люди, нужно, чтобы дети наши могли Пушкина и Тургенева по-чувашски читать. Может, некоторые из них и сами будут писать книги...

Сергей Иванович и сейчас помнит эти налоговые бирки. Они висели в углу каждой избы, испещренные непонятными письменами,— вериги нищеты и невежества. Может, и его самого отдали в школу только затем, чтобы открывшаяся ему великая премудрость арифметики спасла семью от полного разорения.

...Сергей Иванович остановился. Невдалеке горел костер. Сергей Иванович сел на кочку и прислушался.

Ночь пахла настоенной на травах росой и ландышем. Ландышем, казалось, пропах лес и даже речная вода.

Мальчики сгрудились у костра. Красноватый свет выделил из темноты их фигуры и огромную тушу спящей рядом рыжей коровы. В отсветах огня она была похожа на глыбу раскаленного металла. Юра Тоньков лежал ближе всех к костру, поднеся книгу почти к самому пламени.

— А ты, Юрка, по-русски «Бежин луг» читал? — спросил Гриша Кузьмин. Он сидел, поджав ноги и глядя поверх костра.— Я читал. Но мне по-чувашски даже больше нравится. Ну, читай дальше.

Юра читал:

— «Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стенящий звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины...»

И в то же время, как бы отвечая этим строчкам, со стороны леса донеслось какое-то странное, глухое покрякивание. Мальчики подняли головы. Юра улыбнулся:

— Вот вам и леший. Все, как написано.

Третий из мальчиков — Валя Сизов,— растопырив пальцы, грел над костром руки. Он был двумя годами старше остальных, учился в 9-м классе и поэтому держался немного покровительственно. Он покосился на Юру.

— Свинья, должно. Смотри ты, какая поздно, а не спит. Еще, поди, яровые поест. Тоже, небось, рада, что пшеницы столько понасеяли. А раньше-то, говорят, у нас пшеницы чуть-чуть засевали.— Он покачал головой, усмехнувшись, видимо, своим мыслям.— Мне один старик рассказывал: лет тридцать назад едет он, а навстречу тетка. «Чего везешь?» — спрашивает он ее. «Гостинец из Казани — лук»,— говорит. Во! Лук — и то был диковина! А сейчас виноград под Чебоксарами студент Орлов развел. Колхоз «Гвардеец», вон, арбузами и дынями в райцентре торгует. Вот какая история!

Гриша перевел на него удивленные глаза:

— И откуда ты все знаешь?

Валентин ответил по возможности небрежно:

— Так. Знаю. Доклад в школе делал. Материалы подрабатывал.

Помолчали. Мир, по-ночному торжественный, дышал и шелестел над головами. Сплошная его синева то тут, то там разрывалась падающей звездой, бликом вспыхнувшей головни. Постепенно мир светлел от еще бесцветной зари. Гриша снова, не отрываясь, стал смотреть поверх костра в сторону Ходар, где силуэты домов с маленькими рыжими точками окон обозначались на небе. По-летнему рано просыпалось село.

— Красиво,— сказал он тихо,— посмотрите: будто дома из черной бумаги вырезаны и на холстину медными кнопками приколоты...

— Эх, Крыма ты не видал! — отозвался Юра.— Вот где красота! Я, когда в Артек приехал, прямо поверить не мог, что такое бывает. Тебя бы туда, уж ты бы стихов целую тетрадку написал! — Он повернулся к Валентину.— У нас в классе недавно опять гришины стихи читали. Про весну. И в стенгазете напечатали. Здорово у него получается! — Он сказал это гордо, будто сам был причастен к гришиной поэтической «славе»; они сидели на одной парте и очень дружили.— Здорово. А что думаете, может, Гришка знаменитый поэт будет! Мало, что ли, в Чувашии писателей? Вот и будет чувашский поэт Григорий Кузьмин — как Семен Эльгер или Петр Хузангай. Вполне свободно.

Валентин одобрительно кивнул, помешал прутиком угли.

— Замечали вы,— снова тихо начал Гриша,— что когда ночь кончается, все, как в кино,— только черное, белое, серое...

— А видели, опять объявление повесили — в школу киномехаников набор идет? — перебил Юра.

Валя махнул рукой:

— Подумаешь, кино! Надо интереснее специальность выбирать.

— А кино что? Не специальность? Не обязательно механиком. Федор Сизов вон в прошлом году нашу Ходарскую школу кончил, поехал в Москву, в Институт кинематографии. Письмо недавно прислал, на режиссера учится.

— Это кому что. Захар Тарасов и Ванюковы в Казани, в университете. Паша Отнюков — тот авиационный кончил, а Антон Перухин в аспирантуре, на философском. Подсчитывали мы на днях: из нашей школы 96 человек с высшим образованием.

Валентин прибавил:

— А до революции во всей Чувашии человек 15 таких было.—Он гордился своей осведомленностью.

— Нет, ребята,— сказал Юра,— а я в электротехникум пойду. Сейчас электричество — первое дело, что ни возьми! Я книжку одну читал. Скоро плотины на Волге настроят. Все изменится, все электричеством делать будут — и в городе и в деревне. Это специальность так специальность!

Гриша с неожиданным любопытством спросил:

— А что, Юра, верно твой отец говорит, что ты с зубами родился?

Юра засмеялся:

— Верно.

— Вот уж ты, наверное, обязательно знаменитым будешь.

Как бы не желая говорить об этом, Юра перевел разговор:

— Смотрите, здорово выходит — школа у нас имени Ульянова-отца, ведь это он нашу школу организовал, а колхоз имени Ульянова-сына, имени Ленина!..

— Здорово, да!.. А что же «Бежин луг»? Ты читай, там на нас похоже — тоже ночь и ребята у костра сидят... читай,— попросил Гриша.

Юра презрительно ухмыльнулся:

— Похоже! О леших разговаривают!

Он наклонился к книге.

...Сергей Иванович не рассказал мне, о чем дальше говорили мальчики-чуваши, но я считаю этот разговор неоконченным.

В связи со школой в Ходарах мне вспомнилось другое.

* * *

Во весь лист вымахнул руку Маяковский: «Слушайте, товарищи потомки!». И потомки слушали агитатора, поэта, главаря.

И здесь, в этой колхозной стенной газете, посвященной его памяти, потомки говорили, чем дороги им звенящие, призывные строки. За 23 года издания своей газеты колхозники привыкли делиться на страницах ее всем, что волновало их. Скажу непреувеличивая, я никогда не видела стенной газеты содержательнее, красочнее и выразительнее, чем «Стахановец» в колхозе «Культура». Самое название колхоза знаменательно. Культура — вот что характерно для сегодняшней чувашской деревни. С чем бы вы ни столкнулись, вы видите ее приметы. Посмотрите хоть комплекты этой стенной газеты. Колхозники изучают жизнь Ильича и любят поэзию Маяковского, обсуждают события во Вьетнаме и ратуют за самую современную агротехнику. А вот и серия карикатур: газета требует открытия нового клуба — затягивают в городе его строительство, а сейчас без него никуда.

И, просматривая номера «Стахановца», я думала о том общем, что видела и в «Культуре», и в «Самолете», и в других чувашских колхозах.

Мы сидели в правлении, когда Петров, председатель колхоза «Самолет», спросил:

— Вы, товарищ Цвирко, начальник землеустроительного отряда?

— Так точно.

— Так вот, товарищ начальник, помогите нам устраивать нашу землю. Планы у нас самые широкие и не терпящие отлагательств. Выйдем, товарищи, из окна правления не полагается на жизнь смотреть.— Николай Петрович Петров взял кепку.

Вышли. Желтые пятна новостроек тут и там протискивались сквозь темнозеленую листву. Мимо питомника, сада, еще непокрытых крыш новых животноводческих ферм и зернохрани-

лица мы шли, вглядываясь, как в колхозе «Самолет» «устраивается земля».

— Обязательно имейте в виду наш кирпичный завод, когда план земель снимать будете,— показал Петров,— на последнем собрании колхозники сказали: «Довольно строить из дерева. Кирпич нужен».

Секретарь райкома партии (он шел с нами) спросил:

— А какой фундамент в свинарнике класть будете: бутовый или шлакобетонный?

— Подумать надо, товарищ Александров,— и добавил: — Сейчас мы планируем все строительство в расчете на механизацию. Переходить на механизированное водоснабжение и приготовление кормов задумали.

И вдруг уже совсем не тем деловым тоном он сказал:

— Эх, был я недавно в Канашской сельхозшколе! Смотрел, как там людей обучают работать на электродойке, электрострижке. Вот и размечтался, что скоро и мы у себя это заведем. Представьте только — в нашей-то «чувашской глуши», как раньше говорили! Да что размечтался! Электростанция у нас есть. Значит, возможно это.

Конечно, это возможно. Поезжайте хоть по реке Цивиль и ее притокам, и, если будете внимательны, вы там насчитаете 36 колхозных ГЭС. Это значит не только вышли из тьмы окрестные села, это значит, что электричество пришло на помощь крестьянскому труду, а новый, производительный труд избавил их от нужды. Конечно, это возможно в республике, на полях которой работают сотни тракторов, комбайнов, где снимают урожаи до 46 центнеров с гектара. Для Героя Социалистического Труда бригадира Ашанина такие урожаи — его рабочие будни.

В Ходарской школе как-то на уроке истории учитель рассказывал о прошлом Чувашии. Он прочитал: «Ядринского уезда, Сорминской волости, деревни Чурашева, чувашин Баландай Танчитов дал живую запись канцеляристу Ядринской канцелярии Демешеву о том, что он занял у него на платеж подушных 7 рублей и отдал ему в работу сына Вурманчу на 10 лет», Чебоксарский чувашин Петр Сметанин взял взаймы у ростовщика Клюева 5 рублей, и за это обязался «всякий скот пасти и присматривать в течение 4-х лет». Дети не поняли учителя.

Этот эпизод открывает самую душу происшедших на чувашской земле преобразований. Ведь дело не только в том, что нашим детям непонятна нужда: им уже совершенно непонятны варварские законы человеческих отношений при капитализме.

А вот планы колхоза «Самолет» им понятны. Петров так и сказал: «Наши планы даже все ребята в селе знают!». Он снова обернулся к Цвирко:

— И передайте в Чебоксарах — пусть поскорее клуб, новый клуб планируют. Это — первое дело. Читали? Чувашский академический театр на гастроли в районы выехал. В гости бы пригласить — неудобно в старом клубе принимать. А то пока только по радио слушаем театры. В будущем году ждем к себе.

Крестьянам уже недостаточно слушать по радио московские спектакли и довольствоваться кинопередвижкой. Они редко вспоминают, как шла на их землю эта жизнь. Как двадцать лет назад избач Моисеев первый раз включил колхозный радиоузел и свой колхозный хор запел песню о Сталине. Песня проникала в дома, звенела за селом, и люди на поле ощутили ее рядом как живое воплощение нового. Первые 17 кинопередвижек открывали чувашам в двадцать восьмом году просторы всей советской Родины. Это утверждалась советская власть. Она утверждалась здесь не только под лозунгами «Даешь трактор!» и «За тяжелую индустрию!». Ее лозунгами были также «Долой трахому!», «За отдельное полотенце!», «За отдельную подушку для детей!». Да, с такими лозунгами шли по чувашским деревням люди из культбригад и женотделов. Так шли по Чувашии большевики. Они создавали больницы, школы, они несли с собой книги.

...Я иду по выставке чувашской книги. «60 названий выпущено после войны. 14 переведено на русский язык»,— читаю я. Мелькают названия: Аркадий Эсхель «Красота жизни», Алексей Талвир «Мой завод», и я думаю: «Если бы видел Яковлев!.. Да нет, в 1871 году, когда он создавал только алфавит для чувашской письменности, он и не мог помышлять об этом...» Я беру книгу Сеспеля Мишши и раскрываю ее:

Кто на свете перенес
Столько мук и горя?

Чья счастливая стезя
Затерялась в поле?

Чья соленая слеза
Так лилась в неволе?

И судьба, как полночь,— чья?
И черна и тяжка?

Чья же, если не твоя,
Женщина-чувашка?

Пусть перечтет эти строки в день 30-летия своей республики председатель президиума Верховного Совета Чувашской АССР Зоя Андреева, пусть прочтут их министр пищевой промышленности республики Прасковья Калинкина и кандидат медицинских наук Фадеева. Когда-то, когда Зоя Андреева хотела стать фельдшером, дома сказали ей: «Брось! Не женское это дело!» Вряд ли они могли подумать тогда о том, что женское дело — управлять государством.

☆ ☆ ☆

Это чувство знакомо всем, кто много ездит. Побываешь на каком-нибудь заводе — и потом ловишь в газетах каждое упоминание о нем, а встретив его марку где-нибудь в другом конце страны, радуешься, будто встретил старого, доброго знакомого. И если ты вернулся из Чувашии, то потом в московском метро, вдруг увидев табличку «От комсомольцев Чебоксарского завода электроаппаратуры московскому метрополитену», ты остановишься. И на Днепрогэсе, и в заводских цехах, и в Академическом Малом театре, увидев марку этого завода, подумаешь: «Как там, в Чебоксарах? Как Слава Осянин, держит ли еще первенство во всесоюзном соревновании? Что сейчас делает Юля Андреева, чувашская девушка? Ведь ее слава гремит по всей республике... А какую роль готовит она сейчас в заводском драмкружке?»

Когда ты войдешь в кабинет, где стоит письменный стол, сделанный на шумерлинском комбинате, тебе захочется узнать, как дела в Шумерле, как живет шаблонщик Пастухов Василий Лаврентьевич. Наверно, опять какое-нибудь приспособление придумал. Интересно, вернулся он уже из Москвы, с сессии Верховного Совета? Выполнила ли Шумерля годовой план по кузовам для «москвичей» к июлю? Директор говорил, что выполнят.

Захочется узнать обо всех людях, которые создавали аппараты или мебель. Это не просто работа мастеров — это высокое творчество. Собирая реле, Юля Андреева думала об украинских колхозниках, которым электричество помогает менять жизнь. И стол этот делали для того, чтобы за ним были написаны лучшие книги о нашей стране и составлялись планы переустройства земли.

Ты едешь в поезде, он тормозит на разъезде. Мимо бесшумно проплывает встречный состав. Ты читаешь клеймо на вагоне: «Капитальный ремонт. Канаш». И тебе захочется растолкать мирно посапывающего соседа и сказать ему: «Посмотрите, это ведь в Чувашии вагоноремонтный завод. Там и в Алатыре паровозоремонтный есть. Это в Чувашии, в той Чувашии, где раньше даже слова «станок» не знали. А теперь там 70 процентов работающих на заводах — чуваши. Это же замечательно!» И твой разбуженный сосед не рассердится на тебя.

☆ ☆ ☆

Я сказала, что считаю неоконченным разговор мальчиков у костра. Он не окончен потому, что им еще предстоит говорить и мечтать. Потому, что об этом разговоре хочется говорить другим. Хочется говорить о приметах нашей эпохи. Они не только в том, что на смену деревянной сохе пришли комбайны, а на смену рогожным кулям — сложные реле.

Приметы нашего времени в людях, в их духовном мире, о котором не могли думать многие мечтатели старого времени. Это деревенские мальчики у костра, заинтересованные судьбами республики и слагающие стихи по заветам Пушкина и Маяковского. Это чувашская девушка Юля Андреева, которая не только может сдать в ОТК отличную деталь, но и воплотить на сцене заводского драмкружка образы Островского и Шекспира.

Это шаблонщик Пастухов, который создает свои приспособления, чтобы весь его завод работал лучше, который считает, что «для себя одного зачем придумывать, если другим от этого пользы нет?». Он и не умеет мыслить иначе. Это девочки из чебоксарской школы, которые по ночам придумывают способы спасения заключенных из греческого концлагеря.

Приметы эти — высокая социалистическая культура, всеобъемлющая и пронизывающая всю нашу жизнь. Это не мертвая эрудиция, не холодная техника. Это душа нашего строя. Она запечатлена на лице времени.

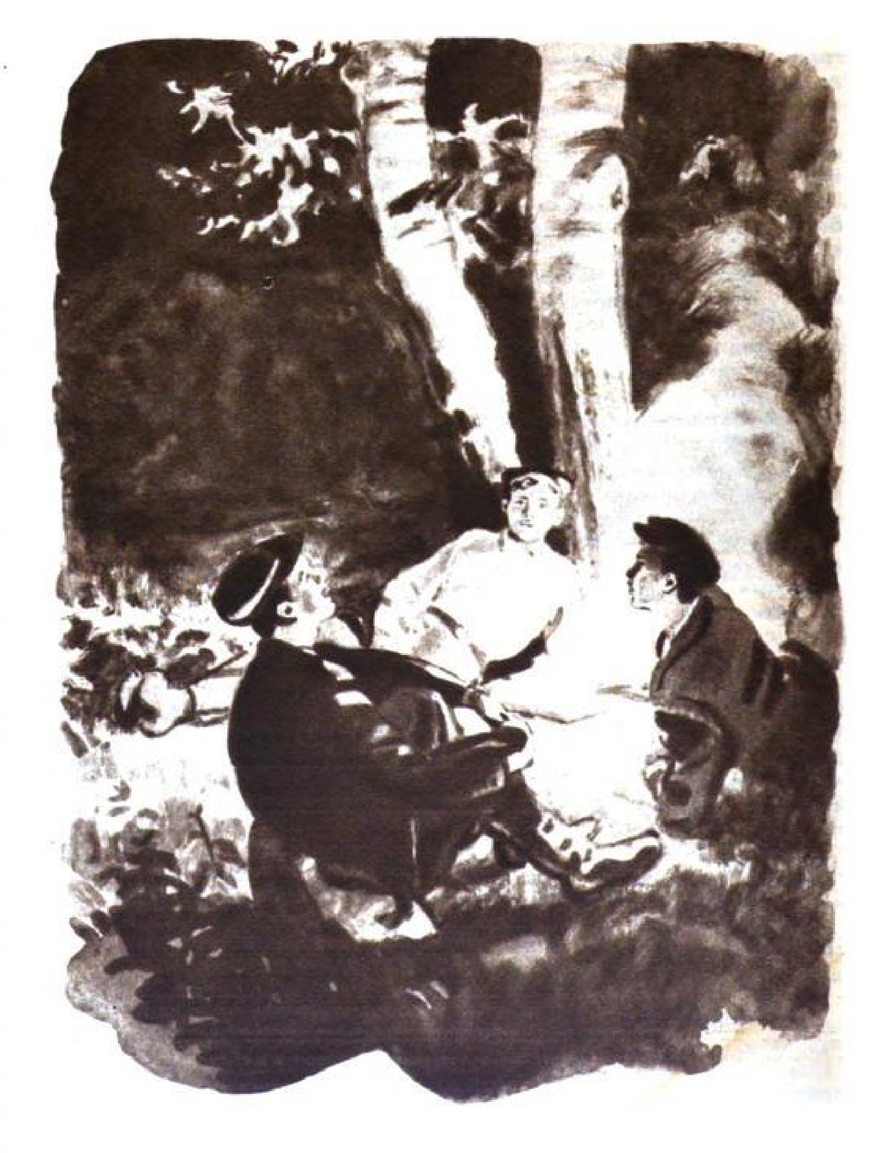

Рисунок В. Лодягина

Страницы жизни

(Из записок о советском рабочем)

К. БУКОВСКИЙ

В прокатном цехе «Красного Выборжца». Григорий Матвеевич проводит беседу — обзор журнала «Сторонники мира».

Фото Д. Трахтенберга

В шкафу у Григория Матвеевича Дубинина хранится личный архив. Тут листы из тетрадок со старыми записями, приглашения на слеты стахановцев, на собрания писателей, в Дом культуры на встречу с гостями из Латвии. Делегатский билет I съезда ударных бригад с пометкой: «Голос — решающий». Телеграммы. Конверты с адресами: «Ленинград. Литейный, д. 2, члену Советского комитета защиты мира» или просто: «Разметчику Дубинину». Тут газетные вырезки: с извещением о смерти отца — Героя Труда, старейшего рабочего «Красного Выборжца», участника революций 1905 и 1917 годов, с изложением речи Григория Матвеевича на городском митинге сторонников мира, на Дворцовой площади. Тут жизнь Григория Матвеевича, простого советского рабочего, стахановца, большевика; жизнь, наполненная трудом и широкой общественной деятельностью. Каждый листок, каждая вырезка — страница этой жизни.

Бриан и Гриша Дубинин

Пожелтевший номер ленинградской молодежной газеты «Смена» от 6 декабря 1928 года. Он воскрешает всего-навсего один день из жизни мира, страны, людей, о которых в нем говорится. Но это не один день, а облик мира, страны, людей.

«Бриан заметает следы».
«Тов. Кашен разоблачает тайную дипломатию».
«Англия. Голодает миллион горняков».
«Германия. Металлисты преданы, но не побеждены».
«Япония. Каторжные работы коммунистам».
Телеграмма: «Париж. 5. В парламенте тов. Кашен выступил с большой речью о франко-советских отношениях. Обрисовав успехи строительства социализма в СССР, оратор указал, что всеобщая ненависть против СССР со стороны империалистов вынуждает советское правительство, несмотря на его стремление к миру, содержать армию для целей обороны.
Бриан уверяет, что «никто не замышляет нападения на Россию». Тов. Кашен опровергает это...».
Снимок: «Англия вооружается». Подпись под снимком: «Несмотря на все свои мирные уверения, английское твердолобое правительство усиленно готовится к новой империалистической войне. На снимке: Военные маневры в Суссеке Даунс».
Телеграммы: «Из Москвы»:
«Открылась Сессия ЦИК'а СССР. Утверждается бюджет».
«Перед VIII съездом профсоюзов. Съезжаются иностранные гости».
«Совет Труда и Обороны утвердил программу заводов с/х машиностроения на 1928—29 г.г.».
«Совнарком РСФСР установил еще 3.000 стипендий в вузах. Всего 48.000 стипендий».
На второй полосе очерк: «Поэты цифр и машинных деталей» — о группе молодых рабочих «Красного Выборжца»:
«В механическом цехе Гриша Дубинин создал инициативную группу молодых рабочих. Рабочие заявили: «Мы согласны работать в этой группе, чтобы участвовать в улучшении нашего производства». Сам Гриша Дубинин еще в фабзавуче разработал немало проектов улучшения производства своего завода. Придя в цех, он начал эти проекты проводить в жизнь».

Портрета Бриана в газете нет, однако лицо его ясно и без портрета. Гриша Дубинин смотрит с листа молодым, ясноглазым. Было ему тогда двадцать два года.

Двадцать лет спустя

Оба они ждали выхода на трибуну. Оба волновались и, чтобы умерить хоть немного волнение, шепотом вели разговор.

Не зная друг друга, они говорили только о том, что их окружало: о цветах, увивавших колонны зала, о людях в ярких восточных одеждах, о гостях из Европы и Азии. Зал был полон красок. Он был похож на весну, и им казалось, что это весь мир явился сюда — огромный, цветущий и радостный.

Председатель сказал:

— Слово имеет товарищ Дубинин.

Один из них встал. Другой приподнялся тоже.

— Вас? — спросил он.

Тот молча кивнул головой.

Другой потоптался у кресла.

— Ничего! — сказал он вдруг, успокоившись. — Скажешь, как надо!

И пожал руку.

Потом выступали другие. Гость — английский священник — сказал: «Говорить в Советском Союзе о мире — все равно, что ехать в Тулу со своим самоваром». Зал одобрительно загудел: «Верно».

Когда сосед тоже вернулся с трибуны, Дубинин сказал себе: «Ташмухамед Сарымсаков, да ведь это ж ученый, президент Академии наук в Ташкенте!»

Так они познакомились.

* * *

После речи Дубинину посылали записки. В одной было сказано: «Гриша, в обед задержись маленько у выхода. Хохлов».

Григорий Матвеевич даже привстал: «Хохлов тут! А я и не знал».

Хохлов был его старый приятель из Харькова. Люди они были разные: Хохлову шел уже шестой десяток, и он считался старейшим разметчиком в городе. Но это не помешало им близко сойтись. Теперь старик сидел где-то рядом в зале. «Наверно, делегатом от Украины», — догадался Дубинин.

В обед они встретились.

— Ну, спасибо, — сказал Хохлов. — Здорово ты их отделал. Видал, что творят мерзавцы. Целый свет норовят под раскрой пустить!

У Дубинина отлегло. Он ждал, что ему за что-нибудь да достанется от старика. Друг был крут характером.

Они шли в буфет.

— Ты, брат, тоже хорош, — говорил Хохлов. — Нет, чтобы самому старика отыскать. Про Харьков совсем позабыл. Я тут сижу, слушаю: «Когда ж он про разметку скажет, про то, как надо с металлом?» Или ты уж оратор теперь, не разметчик?

Дубинин махнул рукой: «За все сразу досталось!»

* * *

Президент уже начал беспокоиться: пропал сосед. Но тот вскоре явился. В руках он держал все тот же листок с заметками для выступления. Президент пошутил:

— Что, Григорий Матвеевич, еще раз на трибуну идешь?

Григорий хотел пояснить, но тут к ним подошел делегат Китая.

— Хорошо, — сказал китаец по-русски, обращаясь к Дубинину. — Очень хорошо!

Он поднял большой палец и прикрыл его сверху ладонью. Григорий Матвеевич улыбнулся: жест был понятный.

Китайца звали Лин Цян-юнь. Он был портовым механиком. У Григория Матвеевича он спросил про Евгения Савича. Когда тот удивился, откуда на берегу Китайского моря могут знать его друга, фрезеровщика с Невы, механик сказал:

— Большая скорость! Нам очень нужна большая скорость.

Когда Лин Цян-юнь ушел, Сарымсаков сказал:

— Ну, вот, Григорий Матвеевич, придется теперь с Шанхаем вести переписку. Только уж вы, пожалуйста, и нам пишите, в Узбекистан.

Дубинин сказал, что президент как хочет, но курсы для ташкентских разметчиков пусть поможет организовать. Литературу для курсов он вышлет из Ленинграда, через Дом техники.

Труд и дружба

«Город Ленина.
Завод «Красный Выборжец».
Разметчику Дубинину.

Уважаемый товарищ Дубинин! Дошел до меня слух, что ты разметчик хороший, и решил я вызвать тебя на социалистическое соревнование. Я тоже, как и ты, участник Великой Отечественной войны, прошел от Финляндии до Маньчжурии. В сентябре 1946 года вернулся на свой родной завод, в свой любимый разметочный. С сентября 1946 года по настоящий момент я уже сделал одиннадцать

годовых норм. Я размечал щиты Днепрогэса, цельносварные домны Запорожья и Криворожья, которые уже дают стране чугун. Работая, как правило, без напарника и без подручного, я выполняю среднюю месячную норму на 300—400 процентов. В своем цехе избран секретарем парторганизации.

По рукам, что ли! Если принимаешь вызов, прошу выслать ответ и условия соревнования.

С коммунистическим приветом, разметчик Днепропетровского ордена Трудового Красного Знамени завода имени В. М. Молотова

Федор Петриченко».

Письмо вместе с другими в общем пакете пришло в Одессу с пометкой секретаря парткома: «Переслать Дубинину в санаторий».

Григорий Матвеевич вынул другое письмо. Писал Изя Минцис со станции Павшино, под Москвой. Он сообщал, что выполнил шесть с половиной годовых норм, и интересовался, есть ли на «Красном Выборжце» автоматические кернеры. «Я на днях поставил делительную головку, — писал Изя, — но беда, нет у меня в плите продольных пазов. Посоветуйте, как это сделать».

Кроме того были письма от севастопольского фрезеровщика Виктора Шиленкова, от разметчика Чеботарева из Тамбова и от группы разметчиков с николаевского завода имени Марти.

Григорий Матвеевич написал Петриченко, что хотел бы заехать к нему на обратном пути из Одессы. Через несколько дней пришла телеграмма: «Жду». А еще спустя неделю Григорий Матвеевич сидел в чисто прибранной комнате на Новых Кайдаках.

Петриченко угощал. Он ждал, пока гость отправит в рот последнюю галушку, и просил жену «подсыпать» обоим. Тягаться с ним было трудно. Сложения он оказался могучего, и во всем человек был крупный — на таком заводе работал. Но ничего... Дубинин ел галушки исправно.

Сидели они допоздна.

— Слушай, Гриша, — сказал вдруг Федор Корнеевич,— а можно мне приехать на праздник к вам, в Ленинград?

— Чего же нельзя? — ответил Дубинин. — Приезжай, посмотришь, кстати, и наш завод.

— Он большой?

— Откуда ж большой, для бельгийского консула строили... В начале века...

Петриченко встал.

— Да, город Ленина, — сказал он, весь загораясь.— Я думаю вот что, Григорий Матвеевич, три нормы в месяц для нас с тобой маловато. Давай-ка, пиши четыре.

...Наступили праздники. Петриченко приехал в Ленинград рано утром. Григорий Матвеевич встретил его на Московском вокзале, и они пошли пешком, сначала по Невскому, потом Литейным проспектом. От Литейного поднялись вверх по Неве. Когда устали, зашли к Степанову, разметчику с «Большевика», у него посидели. Потом опять пошли. И так ходили весь день, пока Григорий Матвеевич не сказал:

— Довольно! Больше ноги не идут.

Петриченко пробыл в Ленинграде неделю. Как только кончалась смена, он брал Григория Матвеевича за руку:

— Пошли!

У Финляндского вокзала он спрашивал:

— Этот памятник вы отливали?

— Да.

— «Красный Выборжец»?

— Да.

— А когда Ленин сюда приехал, ты ходил встречать?

— Ходил.

— Сколько ж тебе было?

— Мальчишкой ходил, с отцом.

Петриченко вздыхал:

— Да, тебе есть что вспомнить.

На четвертый день Дубинин сказал:

— Ну, все войны и все революции исходили. Теперь давай миром займемся, Федор Корнеевич.

В этот вечер они были на заводе имени Сталина. Петриченко там ждали стахановцы. Потом Дубинин представил его в Технологическом институте. На кафедре начертательной геометрии Федор Корнеевич сделал доклад. Кафедра решила издать его доклад брошюрой.

Друзья расстались в вагоне.

— Поедешь на юг, заглянешь опять? — сказал Петриченко.

— Ладно, — ответил Дубинин. — Вари побольше галушек.

Замечание лектору

Лектор был научный работник. Он выступал в лектории Городского комитета партии и говорил о новых методах стахановского труда.

Григорий Матвеевич слушал внимательно. Называлось много знакомых фамилий. Вырисовывался облик нового человека, советского рабочего — творца, общественного деятеля. Все более зримо проступала роль новаторства в развитии общества.

Об одном только почему-то умалчивал лектор — о дружбе труда с наукой. Или, лучше сказать, науки с трудом.

Григорий Матвеевич так и заметил:

— Все хорошо, товарищ лектор. Но вот как бы нам, разметчикам, подружиться с учеными? У нас есть что сказать друг другу.

Лектор был большевик и замечание принял как надо.

* * *

В аудитории Ленинградского технологического института шла лекция. Слушали научные сотрудники пяти кафедр. Читал среднего роста, плотный, светловолосый, светлоглазый человек, более похожий на мастерового, нежели на профессора.

Это был Григорий Матвеевич.

Начал он храбро, но скоро замялся. Холодком каким-то тянуло из зала. Григорий Матвеевич даже почувствовал, что в горле стало вязко, никак не вытащишь фразу.

После он думал: с чего это? Может быть, слово «лекция» его напугало? Или что говорил он с кафедры, а не просто с площадки в цехе? Нет, дело было не в этом! Холодком-то от людей тянуло, от тех, кто считал, что напрасно теряют время. Сколько таких было в зале? Скажем, половина.

Должно, с досады он рубанул:

— Разметчику часто приходится договаривать после конструктора.

Кто-то в зале сказал:

— Ого!

Григорий Матвеевич поправил очки:

— Бывает, бывает!

Он привел примеры. В зале вдруг «потеплело». И вязкость с языка куда-то исчезла.

— Разметчик — творец! Он творит геометрию на металле. Он видит ошибку технолога. Нельзя, чтобы геометрия, тем более начертательная, была оторвана от производства. Раскрой металла — дело государственное. На любом раскрое можно сэкономить миллионы, на металле — больше. Пусть ученый станет рядом с рабочим у разметочной плиты. Пусть рабочий взойдет на кафедру. Пусть опыт сдружится с теорией, скорей придем к коммунизму!

Домой Григорий Матвеевич вернулся поздно. Его долго не отпускали из аудитории.

* * *

В тетрадке у Григория Матвеевича записано кое-что из того, что происходило после лекции в Технологическом институте:

«Заседание кафедры начертательной геометрии совместно со стахановцами «Красного Выборжца».

«При кафедре открылись курсы для разметчиков ленинградских заводов. Учится 30 человек».

«Разметчик Павел Кузнецов из Алма-Аты прислал свою книжку. Обсуждали на кафедре. Сообщение сделала Марья Антоновна Федотова с Путиловского. Кузнецову ответил доцент Дешевой».

«Объявлено соревнование кафедр. Вызов послан десяти кафедрам: в Свердловск, Одессу, Киев и другие города».

«На «Красном Выборжце» создана творческая бригада. Вошли: брат Николай, мастер Банковский, токарь Полешов, слесарь Бужинский, конструктор Доброскок и трое научных сотрудников института. Бригада работает над новым способом волочения труб».

«Откликнулась одесская кафедра. Там собирались вместе с разметчиками. Выступал Халиф с завода Марти. Доцент Ширяев сказал: «Давайте, товарищи, договоримся: когда в сентябре в Ленинграде разметчики начнут второй год обучения в своем семинаре, мы в Одессе приступим к первому году. Кафедра берет на себя руководство».

«Послана литература в Ташкент, президенту Академии наук Ташмухамеду Сарымсакову».

«Написали вместе с доцентом Дешевым статью «Об одной из форм связи науки с производством».

Вечером, после работы

В этот вечер Григория Матвеевича пригласили сразу в два места: на улицу Софьи Перовской — к ремесленникам — и на Невский, 46 — в Научное инженерно-техническое общество металлургов.

У ремесленников был городской клубный вечер. Сначала они сами рассказывали о своем училище, потом стали слушать Григория Матвеевича.

Он рассказал им об Урале; о новых городах; о бывшем глухом таежном поселке Турьинске, где родился русский гений Попов и где недавно пущен трамвай; о рудниках, золотых приисках, о новых гигантских заводах; о разметчике Кирилле Столбове с Уралмаша, своем первом сопернике, который обогнал его в прошлом году на целых 20 процентов.

— Недавно исполнился год, как мы, ленинградцы, послали письмо товарищу Сталину,— сказал Григорий Матвеевич. — К этой годовщине я выполнил две пятилетки.

Он опять вернулся к Уралу. В Каменск-Уральском есть ремесленное училище № 40. У них стоит поучиться. Он заходил в училище, потому что сам когда-то был в ФЗУ. И братья его вышли оттуда.

* * *

В НИТО металлургов шло заседание правления. Его открыл член-корреспондент Академии наук СССР Михаил Михайлович Карнаухов. Он сказал, что вниманию членов правления предлагается два основных вопроса: сообщение стахановца-разметчика Григория Матвеевича Дубинина о поездке его на Урал и сообщение профессора Николая Александровича Кузнецова о слете сталеваров мартеновских и электрических печей, посвященном проблеме скоростных плавок. Правление приняло повестку дня.

Сообщение Григория Матвеевича касалось всего одной стороны жизни уральских заводов — той, которая больше всего могла интересовать присутствующих. Он сообщил, что серовские металлурги добились коэффициента использования полезного объема домен, какого не знает еще ни Западная Европа, ни Америка. Коэффициент доменщика Геннадия Фукалова — 0,64. На Среднеуральском медеплавильном заводе срок работы отражательных печей от ремонта до ремонта продлен до 26 месяцев вместо обычных 12. Выясняется возможность продлить межремонтный срок до трех лет. На Ново-Тагильском металлургическом заводе 75 процентов рабочих имеют семилетнее образование. Уралмаш в подарок товарищу Сталину изготовил чудо техники — шагающий экскаватор. Разметчик Кирилл Столбов упорно прокладывает новые пути в раскрое металла, его методы изучаются в уральских вузах. Владимир Битков, разметчик из Богословска, на вопрос, чего не хватает рабочим завода, ответил: «Дружбы с наукой...»

Часы пробили одиннадцать. Председатель решил задать Дубинину последний вопрос.

— Григорий Матвеевич, — сказал он,— не можете ли вы сообщить нам также о вашей работе на Урале, как члена Комитета сторонников мира?

Григорий Матвеевич ответил:

— Я делился стахановским опытом.

Потом, помолчав немного, он сказал:

— Я думаю, что вся наша жизнь, Михаил Михайлович, — жизнь сторонников мира. И моя, и ваша, и его вот, сталевара Новикова, и всех нас, советских людей. Я ходил до самого Берлина, но шли мы не к войне, а к миру. И труд наш только для мира!

Поблагодарив Григория Матвеевича, члены правления перешли к вопросу о скоростных плавках.

г. Ленинград.

Герой Социалистического Труда М. Д. Лаврентьева, колхозница сельхозартели имени Ворошилова, Яльчикского района, Чувашской АССР.
Фото В. Евграфова

Депутат Верховного Совета СССР от Чувашской АССР М. И. Иванова.

Братские дары китайского народа

В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Научные сотрудники разбирают альбомы, присланные в подарок из Китая.

Из далекого Пекина — столицы нового, свободного Китая — пришла очередная посылка, дар братского народа.

Специалист-китаевед заботливо рассматривает каждый экземпляр... Здесь «Чжиши» («Знание»), «Шидай» («Эпоха»), «Юи» («Дружба») и десятки других изданий, выходящих в Пекине, Мукдене, Шанхае.

Новые китайские книги и журналы пополнили фонд литератур зарубежного Востока Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Этот фонд насчитывает около 120 000 книг на китайском, японском, монгольском, арабском, турецком, санскритском, малайском языках.

В одном лишь собрании китайских изданий Ленинской библиотеки десятки тысяч томов. Китайские коллекции, накапливавшиеся в Москве десятилетиями, включают инкунабулы, первопечатные книги далеких эпох. Эта сокровищница культуры отражает многовековую историю Китая и охватывает самые различные области знаний. Исключительную ценность представляет коллекция из 12 500 ксилографических книг. Здесь свыше 5000 томов обширнейшей в мире энциклопедии «Ту-шу-цзи-чен» (издание конца XVII — начала XVIII в.), произведения периода царствования Монгольской династии (XIII в.), династии Минов (XIV—XVII вв.), наконец, Цинской династии (XVII — начало XX в.).

По мере укрепления культурных связей между СССР и новым Китаем Ленинская библиотека непрерывно пополняется новыми коллекциями.

Богатые дары Всесоюзному книгохранилищу привез из Пекина в конце прошлого года А. А. Фадеев. В частности, он вручил Ленинской библиотеке от имени Пекинской государственной библиотеки новое издание сочинений крупнейшего классика китайской художественной литературы Лу Синя (20 томов), роскошный альбом, отражающий народно-освободительную борьбу в Китае (издание 1949 года).

Большую ценность представляет комплект газет, запечатлевших великие дни провозглашения Мао Цзе-дуном Народной республики в Китае.

Из Пекина получены оригинальные издания китайского лубка, гравюры на дереве, революционные плакаты китайской компартии и Народно-освободительной армии.

Пекинский государственный университет прислал Ленинской библиотеке новейшие труды китайских ученых по филологии, археологии, а также старые издания, в частности, так называемые древние истории (100 томов). Обогатилась библиотека новыми изданиями произведений вождя китайской компартии и китайского народа Мао Цзе-дуна. В Москве сейчас имеются четырехтомное и шеститомное собрания избранных произведений Мао Цзе-дуна и ряд отдельных изданий его статей и речей.

В библиотеку поступила богатая коллекция книг современных китайских писателей, имена которых широко известны далеко за пределами Китая: профессора-экономиста и политического деятеля Чэн Бо-да, автора переведенной на русский язык книги «Четыре семейства Китая», прогрессивных писателей старшего поколения Мао Дуня, Го Мо-жо и других.

Ленинская библиотека получила также из Пекина переведенные на китайский язык произведения классиков марксизма-ленинизма: «Капитал» К. Маркса (все три тома), десять изданий «Коммунистического Манифеста», сотни изданий трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Советские научные и художественные произведения широко переводятся на китайский язык и проникают в самые отдаленные районы освобожденного Китая. В ответ на дары китайского народа библиотека имени В. И. Ленина послала в Пекин и другие центры республики много книг и периодических изданий, отображающих строительство коммунизма в нашей стране.

Д. ДАВЫДОВ

ЛЕКТОРИИ В КОЛХОЗАХ УЗБЕКИСТАНА

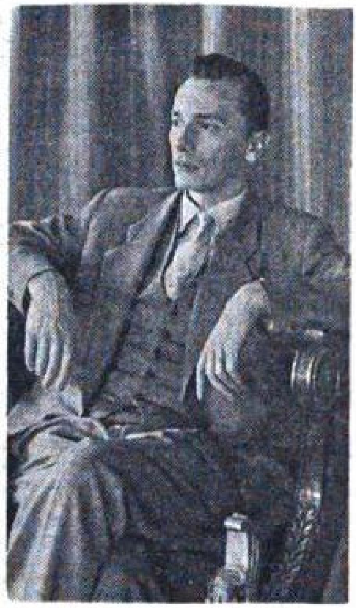
Лекторий в артели имени Л. М. Кагановича, Янги-Юльского района, Ташкентской области,— 227-й колхозный лекторий Узбекистанского общества по распространению политических и научных знаний. В них прочитано с начала прошлого года более 7 тысяч лекций по различным отраслям знаний. До конца года в республике будет организовано еще более 100 колхозных лекториев.

На снимке: в лектории колхоза имени Л. М. Кагановича выступает с лекцией о международном положении действительный член Общества по распространению политических и научных знаний Бахрам Рахманов.

Фото В. Косовского и И. Глауберзона

СИМФОНИЯ МИРА

Беседа с польским композитором Анджеем Пануфником

Польский композитор Анджей Пануфник.

— Миллионы моих соотечественников, с воодушевлением откликнувшихся на историческое воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, подписывали его обычно в кругу семьи. В этом был глубокий смысл: голосуя за мир, мы голосуем за счастье своего домашнего очага, своих родных, своих детей, неотделимое от счастья всего нашего народа, от мира во всем мире.

Люди новой, подлинно народной, демократической Польши едины в своей воле к победе дела мира, в своем гневном презрении к империалистическим хищникам — поджигателям войны. Наш народ по праву гордится тем, что первый Всемирный конгресс деятелей культуры, поднявших голос в защиту мира, происходил на польской земле, во Вроцлаве.

Я был делегатом этого конгресса. Я слышал вдохновенные речи представителей сорока пяти наций, людей различных вероисповеданий и убеждений, сплоченных единой целью: мир — миру, война — войне! И я понял: сейчас нельзя быть просто благожелательным наблюдателем, сейчас надо быть борцом. Мало любить мир — нужно воевать за него! Мало ненавидеть войну — нужно драться против нее!

За два года, которые прошли со времени Вроцлавского конгресса, выросло и окрепло наше убеждение в том, что мир можно сохранить. Его можно сохранить благодаря той борьбе, которую ведут все прогрессивные силы человечества, возглавляемые Советским Союзом.

В этой борьбе польские деятели культуры, работники искусств стремятся быть на передовой линии. Мы служим миру прежде всего своим творчеством, памятуя прекрасные слова Владимира Маяковского:

И песня,
и стих — это бомба и
знамя...

Лучшие произведения моих товарищей-композиторов посвящены миру, созидательному труду народов. Я назову «Кантату в честь труда и мира», написанную Болеславом Войтовичем, лауреатом Государственной премии. Я назову имена Романа Палестера, Тадеуша Шелиговского, Альфреда Градштейна, Ежи Сокорского, Гражины Бацевич, которые в своих симфониях, кантатах, гимнах и песнях воспевают свободную и счастливую Польшу, дружеское сотрудничество миролюбивых народов.

Под благотворным влиянием идей социализма, идей мира искусство Польши очищается от всего ненужного, случайного, наносного, с него слетает формалистическая шелуха, и в нашей литературе, живописи, музыке все сильнее и сильнее звучит реалистическое начало.

Да будет мне позволено сослаться на собственный пример. Несколько лет назад я написал «Трагическую увертюру», посвященную трагедии Варшавы, которую на моих глазах разрушили фашистские варвары. Увертюра была пронизана пессимистическим настроением, в ней отсутствовал пафос борьбы, многое было высказано языком сложным, недоступным широкому слушателю. Миновали годы, и жизнь заставила меня пересмотреть свои творческие позиции. Я ездил по городам и селам моей страны, увидел и полюбил нового человека новой Польши — борца, созидателя. И я не мог не воспеть его. Но прежние средства были уже непригодны для этого. И я обратился к народному творчеству. Оно помогло мне создать «Сельскую симфонию», заслужившую первую премию на Шопеновском конкурсе и недавно исполненную на Пражском весеннем фестивале. Это произведение славит мирный труд польских крестьян, ставших подлинными хозяевами земли и преобразующих ее.

Сейчас я работаю над «Симфонией мира». Это должен быть мой скромный вклад в могучее движение сторонников мира.

По счастливому стечению обстоятельств создание «Симфонии мира» совпало у меня с поездкой в Советский Союз. Может ли быть у человека, который стремится воспеть мир, более чудесный источник вдохновения, чем жизнь Советской страны, чем труд и борьба ее великого народа, строящего коммунизм! Мне трудно говорить сейчас о впечатлениях, переполняющих все мое существо, — так они глубоки и ярки. И если хоть в какой-то даже самой малой степени мне удастся отразить эти чувства в моей симфонии, я буду бесконечно счастлив.

Я видел Москву — спокойную, величавую, могучую Москву, ее строителей, пионеров, ученых, музыкантов. Меня бесконечно обрадовало и, скажу прямо, поразило, как здесь знают, любят, ценят и трогательно берегут искусство и культуру не только своего народа, но и всех народов мира: я слушал концерт Баха в исполнении оркестра Московской филармонии и Ленинградской хоровой капеллы, в исполнении, равного которому ничего нельзя назвать. Я слушал в Большом театре «Гальку» нашего Монюшко в постановке, затмившей все виденное мною до сих пор. Все в Советском Союзе говорило мне: вот страна, воплотившая в жизнь великие идеалы, вот отчизна сверкающих талантов, вот народ, который искренно хочет жить в мире со всеми народами!

Мы вместе с вами во всем, наши советские друзья, — в строительстве новой, несказанно прекрасной жизни, в борьбе за мир и счастье народов. Мы с вами друзья навек!

Ширится движение за мир в Англии

(Письмо из Лондона)

Британский комитет сторонников мира надеется, что число подписей под мирным обращением, которое адресуется английскому парламенту, составит несколько миллионов. Первый тираж обращения с общим числом возможных подписей в 3750 тысяч был распродан в течение трех недель с начала кампании (петиция продается организациям сторонников мира по цене 6 пенсов для покрытия почтовых и других расходов). Второй тираж, на полтора миллиона подписей, распродан наполовину, готовится третий тираж.

Печатные издания Британского комитета расходятся по стране в большом числе. Иллюстрированная газета под названием «Этого не будет никогда», призывающая к широкой борьбе против угрозы новой войны, распродана в количестве 250 тысяч экземпляров.

«Большая» печать Англии, ведущая разнузданную антисоветскую пропаганду, естественно, замалчивает деятельность Британского комитета сторонников мира, но местная печать под давлением общественного мнения вынуждена кое-что сообщать о движении за мир.

В июле в Лондоне созывается Второй конгресс сторонников мира Великобритании. На этом конгрессе будет представлено уже 150 областных и районных комитетов мира.

Растет с каждым днем активность рабочих масс в борьбе против поджигателей новой войны. Транспортники, особенно железнодорожники, ведущие борьбу за повышение заработной платы, не забывают о лозунге мира. Журнал лондонских автобусных рабочих «Платформа» писал: «Мертвый не получает никакой зарплаты: ни «замороженной», ни другой...» «Продуктом войны» являются мертвецы. Миллионеры Уолл-стрита толкают нас на этот путь, и, по их расчету, дело англичан — поставлять трупы в следующей небольшой вечеринке (юмористический оборот, означающий: в следующей мировой войне). Поэтому сохранение мира — это величайшая из всех проблем, это для нас вопрос жизни и смерти». Машиностроители согласны с транспортниками: их профсоюзный комитет в северном районе Лондона, добивающийся повышения заработной платы на один фунт стерлингов, так сформулировал требования рабочих: «За фунт и за мир!»

Житель одного из сельских районов пишет в адрес Британского комитета сторонников мира: «Пришлите мне листы обращения на 1000 подписей. Мне 74 года, и у меня только одна рука, но я организую заполнение этих бланков и попрошу прислать мне ещё».

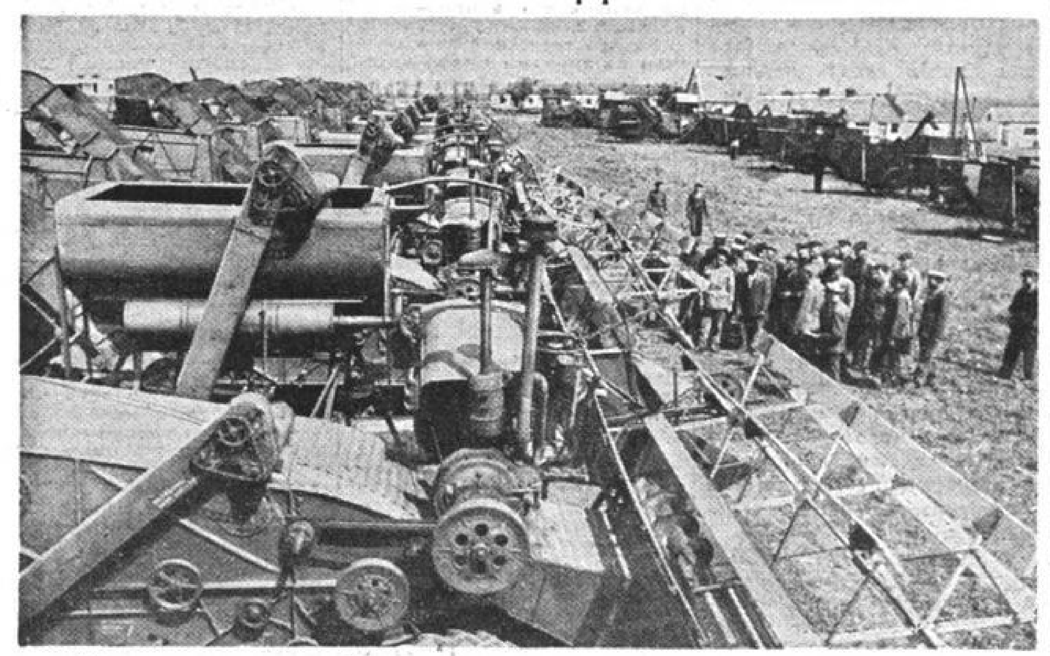
Простые люди Англии дают достойный ответ на клевету реакционной печати, будто движение сторонников мира есть «затея коммунистов». Англичанка В. Томас заявила на состоявшемся недавно Конгрессе сторонников мира в Западном Уэльсе: «Я беспартийная, но я хорошо вижу, что коммунисты ведут борьбу за мир потому, что в этом заинтересованы все англичане».

В резолюции, единодушно принятой на конгрессе в Западном Уэльсе, выражается решительный протест против недопустимого нарушения советской территории американским бомбардировщиком 8 апреля.

Эта резолюция была предложена представителями семнадцати отделений союза горняков, двенадцати организаций компартии, пяти религиозных организаций, трех отделений союза машиностроителей и других рабочих организаций.

И. БОРИСОВ

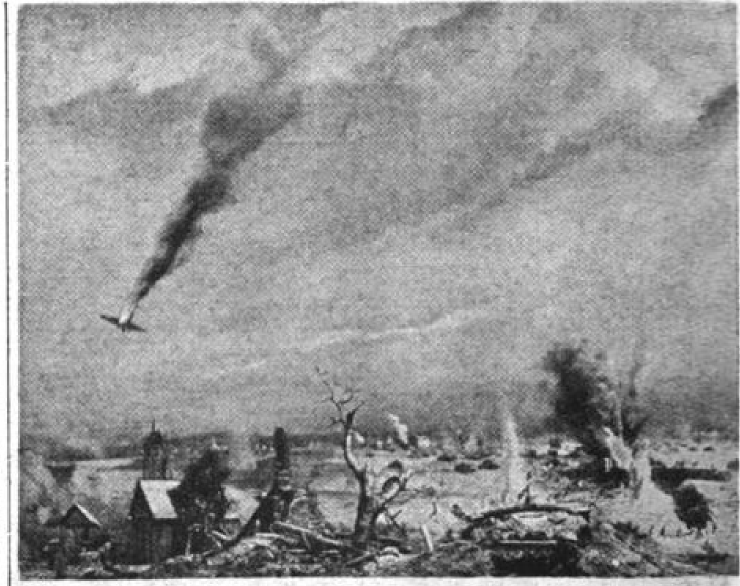
Комбайны выходят в поле

На широких просторах Приднестровья раскинулись поля колхозов Рыбницкого района, Молдавской ССР. Их обслуживает Воронковская МТС — одна из самых крупных в республике. Коллектив механизаторов вместе с колхозниками борется за высокий урожай. Пятнадцать тракторных бригад МТС соревнуются за право называться бригадами отличного качества.

На снимке: самоходные комбайны на центральной усадьбе МТС перед выходом в поле.

Фото П. Лисенкина (ТАСС)

Диорама «Первый бой на границе».

ОНИ ПЕРВЫМИ ПРИНЯЛИ БОЙ

На стенде висит карта, испещренная цветными значками. Яркой линией очерчена государственная граница. Черные стрелы ведут к флажкам, обозначающим пограничные заставы вдоль многоводной реки на западных рубежах Советской страны.

Черные стрелы — путь фашистских орд, вероломно напавших на нашу Родину 22 июня 1941 года.

По этой карте, ставшей теперь музейным экспонатом, вел бой с гитлеровцами начальник одной из застав лейтенант Кузьма Ветчинкин.

...Июнь 1950 года. Подполковник К. Ф. Ветчинкин, народный избранник, участвует в работе первой сессии Верховного Совета СССР. Быть может, сидя в кремлевском зале и решая важные государственные дела, вспоминал тов. Ветчинкин, как девять лет назад он принял бой с вражескими бандами. Горстка храбрецов под его командованием вступила в неравную схватку с двумя ротами гитлеровцев и отбила одиннадцать атак.

Насмерть стояли пограничники. Четырнадцать часов удерживал лейтенант Кузьма Ветчинкин шоссе, не давая противнику продвинуться вперед. Когда прибыло подкрепление, советские воины отбросили фашистов за границу.

За боевой подвиг лейтенант был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Многие факты героического поведения зорких часовых нашей страны удалось восстановить лишь значительно позднее. Интересные документы, фотографии, схемы и другие экспонаты, запечатлевшие те незабываемые дни, собраны в Музее пограничников в Москве.

...Застава на западе страны. Здесь пограничники отбили 17 фашистских атак. Одиннадцать раз они сами переходили в контратаки и заставляли гитлеровцев отступать.

На другой заставе 12 наших воинов одиннадцать суток сдерживали натиск противника.

Предсмертная записка помощника начальника заставы пограничного отряда младшего лейтенанта Н. Д. Синокопа.

Нельзя без волнения смотреть на пожелтевший от времени клочок, на котором наспех написано: «Погибну за Родину, но живым врагу не сдамся». Этот листок был обнаружен в медальоне на груди павшего смертью храбрых младшего лейтенанта Николая Синокопа.

...Гитлеровские полчища разгромлены. Советские пограничники вернулись на свои посты. На одной из выставленных в музее фотографий запечатлен момент, когда на рубеже социалистической Отчизны вновь устанавливается пограничный столб.

Я. ЯКОВЛЕВ

СТРАДНАЯ ПОРА НА ПОЛЯХ ГРУЗИИ

На полях колхоза имени Ленина, Гардабанского района, Грузинской ССР, началась страдная пора: идет уборка урожая. На элеваторы уже прибыли первые автомашины с зерном.

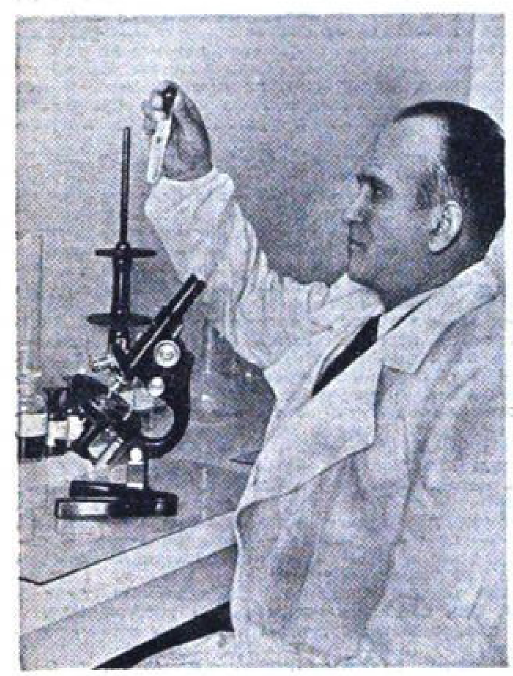
На снимке: колхозники грузят зерно для отправки на элеватор.

Фото М. Квирикашвили (ТАСС)

В ЛАБОРАТОРИИ Г. М. БОШЬЯНА

Г. М. Бошьян в своей лаборатории.
Фото Ал. Лесса

Здесь почтальон, — пожалуй, самый частый гость. Каждое утро он приходит с туго набитой сумкой и передает вахтеру объемистую пачку писем. Затем он достает несколько запечатанных конвертов и деловито, как свой человек, замечает:

— А вот эти письма передайте лично Геворгу Мнацакановичу.

Не первый день приносит почтальон письма заведующему лабораторией биохимии и микробиологии Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии Г. М. Бошьяну.

За последнее время Бошьян получил более полутора тысяч писем со всех концов Советского Союза. Пишут ученые, врачи, колхозники.

Теперь уже вся Советская страна знает об огромном значении работы Г. М. Бошьяна. Она зародилась и выполнена во Всесоюзном институте экспериментальной ветеринарии не случайно. Это научное учреждение богато передовыми традициями.

Институт был создан в 1919 году. Сейчас он находится недалеко от Москвы, в бывшей подмосковной усадьбе князей Голицыных «Кузьминки». Крупнейшие советские ученые-ветеринары разрабатывали здесь наиболее эффективные методы лечения животных. В стенах этого института профессор И. И. Иванов впервые в мире создал методы искусственного осеменения животных; здесь зародилась новая наука — гельминтология, связанная с именем крупного советского ученого — академика К. И. Скрябина; здесь профессор С. И. Драчинский нашел оригинальные способы борьбы с чумой скота, а академик С. Н. Вышелесский — с сапом лошадей и туберкулезом скота.

Путь Г. М. Бошьяна в науку — это путь, характерный для многих ученых в стране социализма. Он родился 42 года назад в семье бедного армянского крестьянина. Родители не имели возможности дать мальчику образование. Лишь в 14 лет он сел за букварь. В 1928 году Геворг Бошьян закончил девятилетку, а затем поступил учиться в Ереванский ветеринарный институт. После четырех лет упорных занятий Г. М. Бошьян успешно закончил институт и был принят в аспирантуру Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии. С тех пор он работает в этом научно-исследовательском учреждении.

...Мы в лаборатории Г. М. Бошьяна. Широкоплечий человек с высоким лбом и седеющими висками сидит в кабинете. Он отвечает на очередную обильную почту.

Геворг Мнацаканович рассказывает о своих научных трудах, о лаборатории.

— Как только я пришел в институт, я поставил своей задачей найти способ борьбы с болезнью лошадей, так называемой анемией. Эта болезнь уже описывалась и раньше, лет сто назад, но все оставалась загадкой для мировой науки. Было известно лишь, что она вызывается невидимым вирусом. Никто из ученых не мог найти возбудителя этой болезни и точно объяснить причины ее распространения.

Однажды Бошьян исследовал в лаборатории кровь лошади, погибшей от анемии. На стеклышке под микроскопом он обнаружил какие-то микробы. Откуда они взялись?

Вместе со своими помощниками М. С. Шабуровым, М. Н. Поповьянцем, В. Е. Щуревским, А. П. Волосковой, лаборанткой Н. А. Чулковой и другими ученый производил эксперимент за экспериментом. Он приходил на работу в 9 часов утра и просиживал за опытами до 3 часов ночи. Опыты эти привлекли серьезное внимание, для них была создана прекрасная лаборатория. В 40 комнатах ветеринары, микробиологи, патологоанатомы, химики изучали с помощью микроскопов, поляриметров и другой аппаратуры природу вирусов и микробов.

Но не только в стенах лаборатории шло изучение этой важной проблемы. Обширные исследования ученый проводил на опытной базе института. Она расположена в одном из подмосковных районов. Сейчас здесь две лаборатории, несколько скотных дворов, где помещаются лошади, коровы, овцы, свиньи; выстроены своя электростанция, жилые помещения. Абсолютная изоляция создает условия для многосторонних исследований, предупреждения и лечения болезней.

Г. М. Бошьян приготовил лечебно-профилактическую вакцину против анемии. Ее предупредительное и лечебное воздействие огромно. После того, как 35 здоровым лошадям и жеребятам была введена вакцина, их отправили в конюшни и на пастбища, где содержались больные анемией животные. В течение 18 месяцев наблюдал Геворг Мнацаканович за ними. Условия для переноса заразы были самые благоприятные. В жару слепни и другие насекомые носились в воздухе и садились на скот. Но ни одна из вакцинированных лошадей не заболела.

Три с половиной тысячи здоровых и больных анемией лошадей подверг изучению Г. М. Бошьян. Наконец он пришел к выводу, который заставляет сейчас пересмотреть основы современной микробиологии.

Советская наука получила действенное средство борьбы с вирусными заболеваниями. Это подтверждают сотни благодарственных писем, которые приходят от знакомых и незнакомых корреспондентов в адрес Г. М. Бошьяна.

Н. ИВАНОВ

Неопубликованный снимок

В 1929 году А. М. Горький посетил Соловецкие острова и осматривал здешний зверопитомник. Среди встречавших его была сотрудница питомника Надежда Михайловна Большакова. Алексей Максимович интересовался зверями, брал на руки искусственно вскормленных лисят. Сопровождавшую его Н. М. Большакову Горький шутливо называл «киргизочкой».

Алексей Максимович снялся с Н. М. Большаковой, а на листе из блокнота написал: «Киргизской девушке М. Горький от души желает всего хорошего. 23.VI—29 г. Соловки». (Снимок публикуется впервые.)

Перед строем курсантов аэроклуба зачитывают письмо, полученное от бывшего питомца клуба.
Фото П. Редько

Летный день в аэроклубе

К этому высокому бело-голубому зданию в выходные дни и в свободные от работы и учебы часы спешит молодежь города Алма-Аты. На фасаде здания вывеска: «Аэроклуб».

К услугам любителей авиационного спорта прекрасно оборудованные кабинеты, классы. Здесь много наглядных учебных пособий, аппаратов, схем, действующих моделей. Опытные преподаватели — многие из них прошли школу Великой Отечественной войны — руководят воспитанием будущих летчиков, штурманов, авиамехаников, планеристов.

Сегодня летный день. Курсанты на аэродроме. Ладно сложенные юноши и девушки, с трудом скрывая понятное волнение, отправляются в первые учебные полеты.

Вот Галя Бейсенова. Худенькая, даже хрупкая на вид девушка с глубокими темными глазами. Еще в аульной школе родилась у нее мечта стать летчиком.

— С детства я видела степи, которым нет ни конца, ни края,— негромко рассказывает Галя.— На коне не проскакать их за месяцы, а самолет доставлял к нам почту из Москвы на вторые сутки. Прилетали врачи, артисты, ученые. Степь была тихой, однообразной, авиация приносила какую-то новую, стремительную жизнь. Вот я и захотела учиться летному делу.

С завидной настойчивостью Бейсенова стремилась осуществить заветную мечту. И добилась своего упорством, волей. Сейчас она студентка техникума связи и курсант летного отделения аэроклуба.

У Гали Бейсеновой много друзей-одноклубников. Всех их объединила любовь к авиационному спорту. Виктору Вдовину недавно минуло двадцать лет. Он хороший токарь, ежемесячно выполняет норму на 150 процентов. В аэроклубе Вдовин — отличник учебы. Кадыр Увашев вырос в семье слесаря. Сейчас он бухгалтер и успешно овладевает сложной профессией авиамеханика. С ним соревнуется молодой столяр комбината учебно-технических пособий Борис Медведев.

Футболист цеховой команды фрезеровщик Николай Безверхний мечтает стать летчиком-истребителем. Это крепкий, коренастый, с волнистыми русыми волосами юноша. В его голубых глазах постоянно горят озорные огоньки.

Начальник аэроклуба, бывший командир бомбардировочной авиачасти, подполковник запаса П. В. Костяев рассказывает о Безверхнем:

— Страстно влюблен в авиацию. Юноша уверенно говорит: «Я комсомолец и добьюсь своего, стану летчиком!»

Этого добились уже многие воспитанники Алмаатинского аэроклуба.

Д. СНЕГИН

Здравница на Кировских островах

Тридцать лет назад, в июне 1920 года, в Петрограде, на Каменном острове, был открыт первый в молодой Советской республике дом отдыха для рабочих.

Каменный остров! Эти живописные и близкие от города места петербургская знать облюбовала когда-то для своих летних особняков. Петроградский пролетариат нашел им достойное применение: они стали местом отдыха тех, кто их строил, — рабочих.

Любовно оборудовали питерцы здравницу. Лучшие живописцы, скульпторы, архитекторы составили план ее художественного оформления. В столовые завозили скатерти, мебель, посуду из царского дворца. Несмотря на крайне тяжелое в то время продовольственное положение в стране, дому отдыха были выделены в достаточном количестве хорошие продукты.

20 июля 1920 года на Каменном острове побывал В. И. Ленин. Владимир Ильич осмотрел помещение дома отдыха № 14, расположенного в бывшем дворце графа Половцева, и расспрашивал рабочих, чего им недостает.

Что стало с первыми домами отдыха, послужившими прообразом многочисленных домов отдыха такого же типа, санаториев, открытых для тоудящихся в Крыму и на Кавказе, под Москвой, на Украине?..

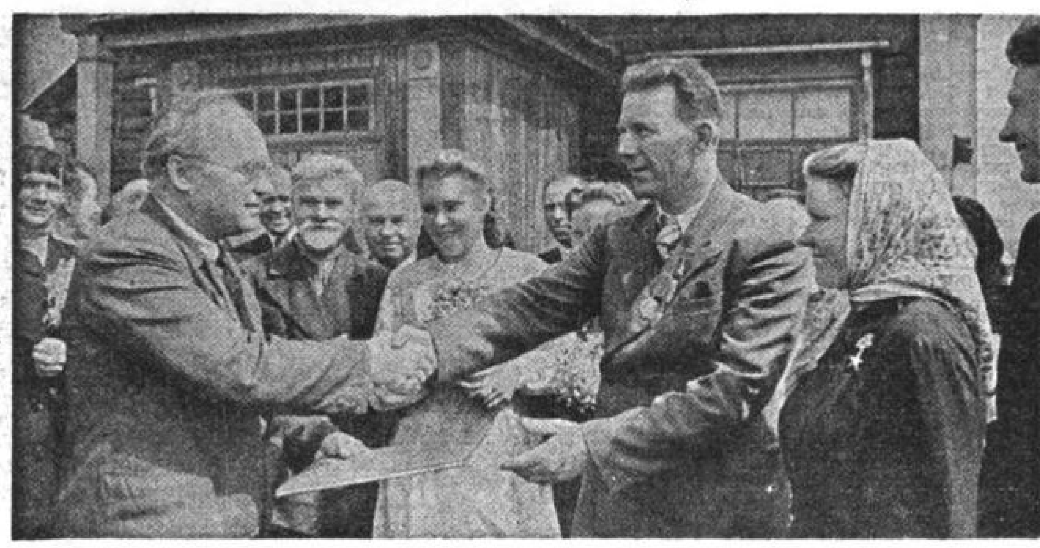
Дом отдыха № 14 превращен в первоклассный санаторий для желудочных больных. У этой здравницы за последний год подросли «братья» — санатории для сердечных больных, для беременных, для матерей с новорожденными детьми.

На Кировские острова приезжают не только ленинградцы, но и москвичи, туляки, новгородцы... За 30 лет здесь отдыхало 600 тысяч человек.

Л. АНДРЕЕВ

Колхоз-юбиляр

Далеко за пределами Горьковской области идет добрая слава о колхозе имени Тимирязева, Городецкого района. Недавно исполнилось 20 лет со дня его организации. На праздник в колхоз приехал профессор Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева А. Г. Шестаков, который передал юбилярам приветствие от академии.

На снимке: профессор А. Г. Шестаков (слева) поздравляет председателя колхоза, депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда И. А. Емельянова.

Фото Н. Капелюша

Юные краеведы Кубани

Опустели классы, двери школы заперты на замок. Наступили летние каникулы. Но попрежнему каждый день у дома № 59 по улице Чкалова в Краснодаре собираются ребята.

Они пересекают широкий двор, обходят приземистое кирпичное здание, торопятся в свой сад.

Ученики 39-й мужской средней школы с полным правом называют «своим садом» этот небольшой участок земли, огороженный забором, стиснутый городскими строениями. Они сами создали его. Каких только культур не посадили здесь юные натуралисты! Володя Данилин проводит опыты по скрещиванию различных сортов томата. Эдуард Яцкий выращивает суходольный рис, не нуждающийся в поливке. Женя Валик интересуется ветвистой пшеницей.

Преподаватель А. М. Коломиец и школьники — юные натуралисты — в своём саду.

Фото Г. Санько

В саду самые разнообразные деревья и кустарники. Тут и саженцы клена, и дикая черешня, и каучуконосный бересклет, и самшит, и редкостная акация с ярколиловыми цветами. С предгорий Кавказа, из степей — отовсюду, где проводили ребята прошлогодние каникулы, привозили они в школу образцы растений.

«Люби и изучай свой край» — таков девиз устава школьного общества краеведов. Двести тридцать пять учеников состоят в этом обществе, основанном по инициативе преподавателя Анатолия Михайловича Коломийца.

Коренной уроженец Кубани, партизан Великой Отечественой войны, Коломиец ещё позапрошлым летом организовал туристский поход группы ребят по памятным местам Краснодарского края. С рюкзаками за плечами, как заправские альпинисты, школьники карабкались по скалистым тропам Афипского перевала, пересекали вброд горные речки, ночевали в палатках и под открытым небом. Они посетили места боев легендарного отряда Героев Советского Союза братьев Игнатовых, побывали на побережье Черного моря. На привалах участники похода выпускали стенные газеты, вели журнал наблюдений над природой.

Поход закончился, юные путешественники вернулись домой. С огромным интересом читали их записи все школьники. Новые энтузиасты краеведения появились среди ребят. Под руководством преподавателей биологии Полины Павловны Савченко и Адриана Порфирьевича Острого был разбит опытный пришкольный участок.

Интересная программа краеведческих работ намечена школьниками и на нынешнее лето. 50 ребят во главе с А. М. Коломийцем отправляются в туристский поход Краснодар — Сочи. Они побывают на нефтепромыслах Майкопа, в Кавказском заповеднике, Красной Поляне, будут изучать флору влажных субтропиков, записывать местный фольклор.

Недавно юные краеведы Краснодара завязали переписку с учащимися города Кола, Мурманской области.

«Хотим по вашему примеру создать у себя в школе общество изучения родного края», — пишут кубанским друзьям школьники Заполярья.

С. МОРОЗОВ

В горах Сихотэ-Алиня

В труднодоступных горных районах Сихотэ-Алиня раскинулись села, где живет маленький удэгейский народ.

Год от года растут культурные запросы бывших таежных кочевников. Охотники-удэгейцы просят присылать больше газет, журналов, книг. Молодежь и старики неизменно с радостью встречают появление в селе кинопередвижки. Они могут по нескольку раз с огромным интересом смотреть киноочерк «Удэге», ярко рассказывающий о расцвете удэгейского народа за годы советской власти.

Но есть в горах Сихотэ-Алиня села — они расположены в верхнем течении бурной и порожистой реки Бикин, до которых можно добраться только на легких, вертких батах, выдолбленных из ствола осины. Ни один киномеханик не рискнул еще воспользоваться для поездки туда батами.

Недавно во Владивосток пришло письмо улунгинских колхозников, просивших прислать им кинофильмы. Так как ни по земле, ни по воде добраться до этого селения почти невозможно, решили воспользоваться самолетом.

В путешествие отправился механик Василий Марьясов.

Два «ПО-2» поднялись с аэродрома и взяли курс на горные кручи Сихотэ-Алиня. Заранее оповещенные по радио о вылете самолетов, жители Улунги расчистили на берегу Бикина площадку, и машины благополучно приземлились.

Охотники колхоза «Таежник» тепло встретили гостей. Прежде чем приступить к показу картины, Марьясову, как и пилотам, пришлось побывать почти во всех домах небольшого селения. В колхозном клубе улунгинцы просмотрели кинофильмы «Оборона Царицына», «Великое зарево», «Мичурин», «Счастливая встреча», «Свинарка и пастух» и «Немая баррикада».

Василий Никитич Марьясов оказался не только смелым и опытным киномехаником. С большим интересом охотники слушали его выступления перед началом каждого сеанса. Он с успехом исполнял и обязанности лектора.

Приморское управление кинофикации намечает посылку самолетов с кинопередвижками во все отдаленные пункты края.

Р. АГИШЕВ

ВАГОН НЕ БУДЕТ ОТЦЕПЛЕН

Представьте себе, что в вагоне, в котором вы едете, обнаружилась какая-нибудь неисправность. Проводник коротко объявляет пассажирам: будем отцеплять. Приключение не из приятных. В лучшем случае придется перебраться в соседние вагоны, чтобы не отстать от состава.

А теперь представьте, что вы, пассажир, даже и не узнали о происшествии. Погорели буксы, ослаб бандаж колесных пар, что-то произошло с рессорами, подшипниками — и все это за несколько минут исправлено во время очередной стоянки поезда. Расписание не нарушено, поезд продолжает следовать.

Кто же устранил неисправность?

Проводники. Поездная бригада.

В обычном представлении проводник — это человек с метелочкой или лампой «летучая мышь» в руках; он проверяет билеты, объявляет станции при подходе к ним поезда; хороший проводник старается обеспечить удобства в пути.

Но, как известно, на транспорте нет маленьких людей. Рядовые работники — проводники — творят ныне большие дела на Закавказской железной дороге.

Начальник Тбилисского пассажирского отделения К. А. Пайчадзе проанализировал причины отцепки вагонов и установил, что безотцепочный пробег вагонов можно намного удлинить: вместо 40—45 тысяч километров довести его по меньшей мере до 100 тысяч километров.

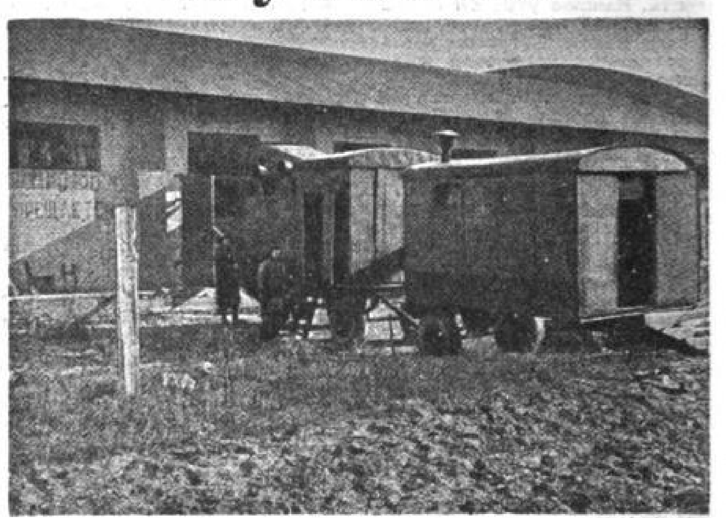
Свыше 300 проводников изучили вторые профессии — слесаря, плотника, смазчика. Первые же опыты безотцепочного ремонта вагонов в пути увенчались серьезными успехами. Вагон № 1734 поезда Тбилиси — Сухуми (начальник — Л. Д. Мелия) требовал отцепки из-за неисправности подшипника. Обнаружилось это на станции Риони. Поезд стоит здесь 10 минут. За 5 минут дефект был устранен силами поездной бригады. Сейчас на ее счету 160 тысяч километров безотцепочного пробега вагонов. Бригада поезда Тбилиси — Ереван довела пробег до 150 тысяч километров.

На Закавказской железной дороге 20 поездных бригад-«стотысячников». Они сберегли сотни тысяч рублей. Шестьдесят процентов сэкономленной суммы получили сами бригады в виде премии.

Движение «стотысячников», возникшее по почину К. А. Пайчадзе, распространяется по всей сети дорог Советского Союза.

Н. НОВИЦКИЙ

«Кузбасс»

Речь идёт не о крупнейшем угольном районе страны. Этим именем названа сконструированная советскими специалистами передвижная зерносушилка, имеющая большое значение для народного хозяйства.

На колхозных и совхозных полях зреет новый урожай. Партия и правительство приняли на днях постановление о проведении уборки урожая и заготовок сельскохозяйственных продуктов в 1950 году. В числе других боевых задач, поставленных в этом важнейшем документе, указывается и на необходимость «...обеспечить немедленную просушку всего влажного зерна, поступающего от комбайнов и молотилок, на токах и сушилках...» Непросушенный хлеб трудно сохранять: он самосогревается, портится.

Стационарных установок для искусственной сушки хлеба в колхозах и совхозах пока еще недостаточно, и к тому же они далеко несовершенны.

Серьезную проблему массовой механизированной сушки хлеба, особенно в северных и восточных районах страны, решает «Кузбасс». За время опытной эксплуатации этого агрегата хлеборобы и заготовители убедились в больших его достоинствах.

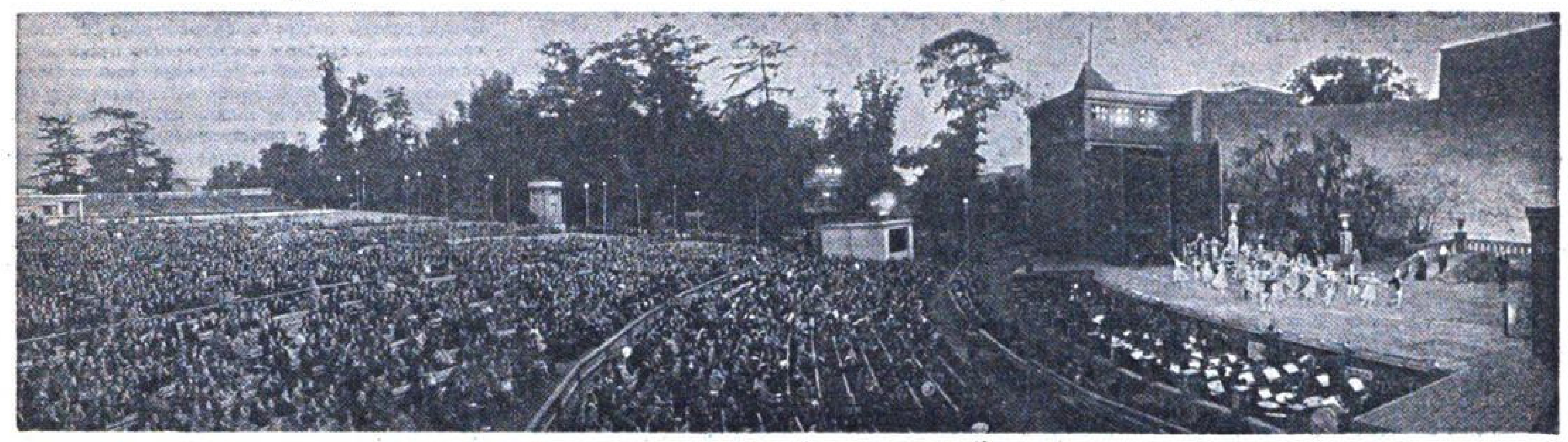
С помощью трактора или грузовой автомашины передвижная зерносушилка быстро и легко перебрасывается с места на место. Придет она в колхоз и станет у самого тока, где высятся горы обмолоченного хлеба; скоро задымит топка, работающая на местном топливе, и горячие газы в смеси с воздухом начнут поступать в сушильные камеры, через которые пропускается влажное зерно. Сушка идет непрерывно, автоматически и, что очень важно, равномерно. Наиболее трудоемкие процессы — загрузка и выгрузка зерна — полностью механизированы. Дождь — не помеха, так как оба автофургона, на которых смонтирована зерносушилка, крытые.

Большую работу по созданию новой сушилки проделал Всесоюзный институт зерна. В содружестве с ним коллектив Кемеровского завода сельскохозяйственных машин в Кузбассе первым начал выпускать передвижные зерносушилки. В этом году их будут изготовлять и другие заводы. В нынешнюю уборочную кампанию сельское хозяйство получит сотни таких сушилок. Они найдут широкое применение не только в колхозах и совхозах, но и на элеваторах, на складах заготовительных организаций.

Агрегат «Кузбасс» — плод творческих усилий группы наших ученых и инженеров. За разработку конструкции сушилки, освоение и внедрение ее в производство присвоено почетное звание лауреата Сталинской премии тт. А. П. Гержою, В. И. Беляеву, Н. И. Гречищеву, О. Б. Кирзнеру, В. Ф. Самочетову и М. А. Скороварову.

Г. НОВОСЕЛЬСКИЙ

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЗРИТЕЛЕЙ

Балет «Лебединое озеро» на сцене Зеленого театра Центрального парка культуры и отдыха имени Горького. Фото П. Евгеньева

В Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха имени Горького в разгаре летний сезон. На гигантской площадке театра уже выступали тысячи музыкантов сводного духового оркестра Московского Военного округа, Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии, ансамбль песни и пляски МВД. Была поставлена «Спортивная сюита», в которой, кроме объединенного хора и оркестра, было занято более 250 спортсменов и... 16 мотоциклов.

Многотысячному зрителю показаны также две постановки балетного коллектива Большого театра СССР — «Красный мак» и «Лебединое озеро».

Задолго до начала гастролей в парке в мастерских Большого театра писались новые декорации. Условия Зеленого театра необычны: открытое небо с мерцанием настоящих звезд, густая живая зелень деревьев и кустов — прекрасное дополнение к сказочному лесу Одетты.

Огромные размеры сцены потребовали дополнительной работы от режиссера — пришлось увеличить число исполнителей до 150 человек.

Обе постановки готовились с участием М. Семеновой, Г. Улановой, М. Габовича, С. Кореня и других ведущих мастеров театра.

Уже прошли первые спектакли, артисты освоили новую сцену, подружились с аудиторией. Спектакли тепло встречены зрителями.

Ветераны футбола

Это казалось неправдоподобным — вас словно перенесло на много лет назад. В самом деле: футбольный матч на стадионе «Динамо» 16 июня 1950 года с участием таких известных в прошлом футболистов, как В. Тетерин, А. Лапшин, В. Смирнов, В. Павлов, С. Ильин, Б. Кочетов. В свое время они защищали спортивную честь Советского Союза в матчах с зарубежными командами, выступали за сборную СССР, РСФСР и Москвы.

В нынешнем сезоне первенство столицы по футболу оспаривают команды мальчиков, юношей, взрослых и ветеранов. Команды старшего возраста ЦДКА и «Динамо» до их встречи провели по пять матчей. И тот и другой коллективы не имели поражений. Динамовцы забили 23 мяча, не пропустив в свои ворота ни одного, армейцы — 13, пропустив 2 гола.

И вот идет матч между этими популярными командами. На поле — 22 футболиста, среди них 13 заслуженных мастеров спорта, испытанных, видавших виды бойцов.

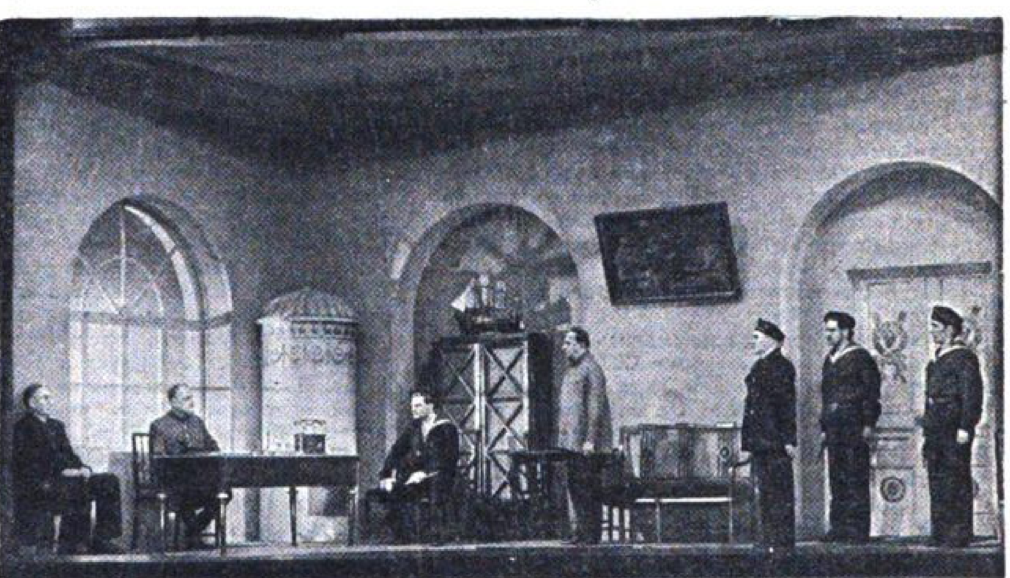
В команде ЦДКА самые старшие—К. Лясковский и П. Коротков, каждому из них 43 года, у динамовцев — С. Ильин и В. Тетерин, им по 45 лет.

Матч вызвал большой интерес, собрав свыше 20 тысяч зрителей. Закончился он победой армейских футболистов со счетом 1 : 0.

На снимках: вверху — московский стадион «Динамо». 1929 год. Матч между сборными командами РСФСР и Австрии. Василий Павлов (в белой майке) борется за мяч; внизу — московский стадион «Динамо». 1950 год. Матч между командами старшего возраста ЦДКА и «Динамо». Динамовец Василий Павлов (крайний справа) пробил по воротам. Мяч перехватил вратарь ЦДКА Борис Набоков.

Летние гастроли

Сцена из спектакля «Незабываемый 1919-й» в постановке Государственного академического Малого театра.

Фото М. Сахарова

Конец сезона, по мнению старых театралов, приходит с весной. «Мертвый сезон», — говорилось раньше о летних месяцах. В наше время оба эти понятия устарели.

Можно ли говорить теперь о конце сезона, когда наступает такая ответственная пора, как летние гастроли? В столицу Союза, в республики, на курорты, в промышленные районы, города и села выезжают на лето театры.

Около 80 театральных коллективов обслуживают сейчас сельскохозяйственные районы и колхозы. Гастроли — это творческий отчет перед новым зрителем, и театры тщательно к ним готовятся. Пересматривается репертуар, показываются новые постановки.

За лето этого года более 300 театров побывает на гастролях.

Москвичи увидят спектакли Киевского украинского академического театра имени Ивана Франко, которые начнутся 1 июля. На смену киевлянам приедет старейший русский театр — Ярославский драматический имени Ф. Волкова, ныне празднующий свое двухсотлетие. Москвичи увидят также постановки Эстонского театра оперы и балета.

Этим летом трудящиеся Прибалтики отмечают 10-летие со дня своего освобождения. На праздник в прибалтийские республики едут академические театры: МХАТ — в Таллин, Ленинградский театр драмы имени Пушкина — в Ригу, Малый театр — в Вильнюс.

Широко проводятся межреспубликанские гастроли: РСФСР и Украинская ССР обменяются за лето 30 театрами.

Отдыхающие на южных курортах страны увидят постановки театров Москвы, Ленинграда, Грузии, Азербайджана, Свердловска.

В репертуаре большинства гастролирующих театров по 10—12 спектаклей. Помимо гастролей целых коллективов, в ряде спектаклей оперных театров республик и городов выступают ведущие артисты Государственного академического Большого театра СССР.

Мы связались по телефону с директором Государственного академического Малого театра, находящегося сейчас в Киеве, народным артистом Союза ССР М. И. Царевым. Он рассказал:

— Наши гастроли в столице Украинской республики проходят успешно. За послевоенные годы театр впервые приезжает в Киев в полном составе. Мы показываем здесь наши лучшие постановки, в том числе пьесу украинского драматурга А. Корнейчука «Калиновая роща». С огромным интересом отнесся зритель к спектаклю «Незабываемый 1919-й» Вс. Вишневского, в котором воплощены образы великих вождей революции В. И. Ленина и И. В. Сталина.

В Киеве мы пробудем до 2 июля. За месяц покажем 70 спектаклей, организуем выезды на крупнейшие заводы и фабрики города. Встретимся также с передовыми колхозниками области, со школьниками и театральной общественностью столицы. Наши гастроли мы рассматриваем как творческий рапорт коллектива трудящимся Украины.

И. СЕМЕНОВА

ОТКРЫТИЕ ИСПАНИИ

О. САВИЧ

Рисунки Бор. Ефимова

В поисках Атлантиды

В прошлом году Испанию посетили 12 500 американских туристов. Возможно, что некоторые из заокеанских гостей и интересовались остатками римского водопровода или картинами Веласкеса. Однако в наши дни тяга американцев к поездкам в Европу имеет мало общего с жаждой художественных впечатлений.

Одновременно с туристами у испанских берегов крейсировал флот США, заходивший и в гавани. Военные корабли преследовали, оказывается, научную цель: они искали следы Атлантиды — мифической страны, якобы существовавшей тысячи лет тому назад. Поисками руководили, вероятно, те же самые «ученые», которые искали на горе Арарат остатки Ноева ковчега. Ни сухопутные, ни морские туристы, разумеется, Атлантиды не нашли, как не был найден руль, которым управлял Ной в волнах потопа. Они уплатили Испании долг 450-летней давности: когда-то испанцы открыли американский континент, думая, что делают это только для себя; сегодня американцы с теми же намерениями открывают Испанию.

Этим занимаются лица высокопоставленные. 19 сенаторов, 10 депутатов палаты представителей, 19 официальных делегатов разных департаментов, 9 уполномоченных банковских и промышленных трестов вели дружеские беседы с Франко, его министрами, испанскими банкирами. Туристы единодушно выражали глубокое восхищение результатами своего открытия: они нашли в Испании режим, идеально приспособленный к потребностям Уолл-стрита. Франко пленил их не только изысканным обращением, но и «стопроцентным американизмом», почти невероятным у европейского туземца.

Открытием Испании занимались также 206 генералов и высших офицеров США. Они обследовали 46 аэродромов и 33 порта. Как люди военные и, следовательно, в меру молчаливые, о результатах они не распространялись. Зато болтливая печать объявила по обе стороны океана, что аэродромы и порты приведены в полную боевую готовность.

46 аэродромов и 33 порта — это цифры 1949 года. А в целом, по словам бывшего главы республиканского правительства Хираля, «по всей Испании построено и заложено более 300 аэродромов. Они инспектируются и управляются американскими военными в высоких чинах».

Испания располагает 50 гражданскими самолетами старых типов и 300 военными самолетами столь же устарелой конструкции. Таким образом, на каждый самолет приходится по аэродрому, к тому же столь обширному, что он может принять весь воздушный флот Испании, гражданский и военный, оставив достаточно места и для машин американских инспекторов.

В свое время, причалив к американскому берегу, Колумб заложил крепость и построил склад запасов. Теперь на Тенерифе выстроено здание генштаба воздушных сил США, а часть порта Ля Лус приобретена компанией Стандарт ойл для нефтяных хранилищ. Кроме того в Испанию из США прибыл гитлеровский профессор Карл Виртц, чтобы «изучить вопрос об открытии лаборатории по разработке проблем современной физики». Но, как свидетельствуют некоторые американские ученые, дистанция от науки до атомной бомбы — только подпись Трумэна.

Колумб привез в Америку «дары культуры»: горы грошовых бус, несколько лошадей и много бочек с порохом. Вместо бус американцы везут в Испанию фильмы о гангстерах; вместо лошадей — быстроходные «джипы» для нужд испанской жандармерии; вместо пороха — все виды современного вооружения. Как-никак, за 450 лет произошел некоторый прогресс!

Американцы явно не хотят отстать от испанских завоевателей XVI века. Поспешно и по дешевке они скупают акции и контрольные пакеты испанских предприятий: рудников, сталелитейных и химических заводов, верфей, банков, страховых компаний, железных дорог, общества воздушных сообщений «Иберия», фирм, торгующих апельсинами, готовым платьем... «— Что там? Веревочка? — спрашивает в «Ревизоре» Осип.— Давай и веревочку!» И очередной «турист» приобретает канатную фабрику...

Испания в терновом венце

Пояс предместий, окружающих столицу, испанцы называют «терновым венцом Мадрида». Даже фалангистская газета «Арриба» пишет с беспокойством:

«Страшный смрад и обнищание тернового венца превосходят все ужасы, какие можно вообразить. Чудовищная нищета царит в этих свинарниках, полных нечистот. Зайдем в любой. На голой земле единственные пожитки — двое нар на семью из отца, матери и семерых детей. Рядом — три кровати на 11 человек, составляющих три другие семьи. Люди смотрят на нас с ненавистью. Терновый венец Мадрида представляет собой подлинную угрозу блестящему, веселому, уверенному в себе центру города».

В Мадриде миллион четыреста тысяч жителей. Из них около полумиллиона живут в «терновом венце». И такой «венец» есть у каждого испанского города. Множество крестьян ютится в пещерах. Официальная статистика признает, что в стране не хватает 550 тысяч квартир. Это не значит, что нет пустующих. В Сан-Себастьяне, например, сдается тысяча квартир. Но месячная плата за самую дешевую комнату ровно вдвое больше среднего месячного заработка квалифицированного рабочего.

«Сегодня человек, проработав 10 часов в день, не может вернуться в собственное жилище. В этом положении не только рабочие, но и адвокаты, врачи, чиновники»,— писала испанская газета «Пуэбло».

118 миллионов песет было потрачено в прошлом году на строительство... казарм и помещений для офицеров. Это — все, чем «блестящий Мадрид» ответил на «угрозу «тернового венца».

Впрочем, в том терновом венце, что надет на голову всей Испании, отсутствие жилищ — только один из шипов, и не самый острый.

В 1936 году, когда рабочей семье (двое взрослых, двое детей) надо было тратить в месяц 320 песет, ее глава зарабатывал 300—400. Прежняя жизнь обошлась бы сегодня в 2300 песет, а рабочий зарабатывает 400—600.

Стоимость всех выдач по карточкам не превышает 40—50 песет. Фактически все покупается на черном рынке. На мадридском черном рынке кило хлеба стоит 16,5 песеты. Получая по карточкам 150 граммов в день, рабочий вынужден тратить весь дневной заработок только на хлеб.

Но для этого он должен иметь работу. На католическо-фалангистском языке безработица зовется «проклятием неба», «проклятием века», «проклятием прогресса». Не публикуя цифр, газеты пишут о безработице с плохо скрываемым страхом и настойчиво предлагают радикальный способ — создание концентрационных лагерей для безработных: поскольку небо, век и прогресс прокляли их, с ними и надо обращаться, как с преступниками.

Испания — страна земледельческая. Но, даже согласно официальной статистике, из 3676 тысяч батраков постоянную работу имеют 560 тысяч.

Нигде нет такого количества нищих, как в Испании. Но если прежде нищенствовали одиночки — преимущественно женщины и дети,— то сегодня подаяния просят целые семьи.

В Испании на тысячу рождающихся детей умирают в возрасте до одного года 99 — наивысший процент в Европе. Три четверти испанских детей в возрасте от 5 до 12 лет больны туберкулезом. Цифра взята из газеты «Эспанья».

По закону, дети до 14 лет не должны работать на производстве. Но капиталисты охотно принимают детей на работу, не считаясь с законом, так как знают, что он никогда не соблюдается. И есть случаи, когда ребенок получает за 10 часов работы одну песету!

Закон не запрещает детям работать в поле. Их рабочий день часто кончается кровавой рвотой. Помещики уверяют, что дело тут вовсе не в изнурении, а в том, что крестьянские дети, да и их родители питаются сорными травами, к чему их, конечно, «никто не принуждает!..»

«Диарио де Барселона» пишет: «Приходится говорить о самоубийствах испанских детей; до наших дней этого не бывало».

Таковы шипы из тернового венца испанского народа.

Прогулка по «блестящему» Мадриду

Путешественник, который приехал бы в Испанию, чтобы посмотреть нравы, в первый же день отметил бы одну особенность мадридских улиц.

Сияет небо, белоснежны здания банков, роскошны витрины. Но в магазинах народу мало, а рядом, на тротуаре, настоящий базар. «Что это?» — спрашивает путешественник. «Черный рынок, сеньор».

Площадь дель Кармен. Горы живности, рыбы, зелени. «А это что?» «Черный рынок, сеньор». «А покупать может каждый?» «Да, нужны только деньги». «Вот продают хлеб. Но ведь он по карточкам?» «Да, но здесь вы можете купить хоть тысячу караваев». «А вон ребенок в лохмотьях продает кусок сахару,— сахар ведь тоже по карточкам?». «Ребенок, сеньор, продает свой паек, вчера впервые за три месяца выдали по сто граммов. Но оборотистый человек может купить здесь и тонну». «Эта торговля, наверно, запрещена?». «Да, сеньор, ребенка полиция может прогнать». «А остальных?». «Остальных не тронут».

Путешественник заходит в кафе. Он предупреждает: карточек у него нет. Официант смеется: «По карточкам мы не отпускаем, сеньор, без карточек — все, что угодно». Посетитель уже прошел первоначальное обучение, он усмехается: «Понимаю,— черный рынок».

К нему подсаживается изысканно одетая, но плохо побритая личность. «Сеньор — иностранец? Сеньор интересуется бизнесом? Не купит ли он партию станков? Или пакет акций солидного предприятия? Например, текстильной фабрики?»

Личность отходит, путешественник подмигивает официанту: «Агент черного рынка?». «Это видный фалангист нашего района,— уклончиво отвечает официант,— он представляет интересы одного монастыря и одного генерала». «Не хотите ли вы сказать, что у вас на черном рынке торгуют все, вплоть до епископов и министров и самого Франко?». «Я ничего не хочу сказать, сеньор, но это именно так».

Продолжая прогулку, путешественник видит все такие же роскошные улицы. Но вот пустырь. Еще пустырь. Разбитый дом. Другой. Путешественник припоминает: испанская война кончилась в 1939 году, в мировой войне Испания не пострадала... «Это развалины 1936 года, сеньор». «И с тех пор ничего не отстроено, не выстроено?». «Церкви, казармы... и еще кое-что... только не жилые дома. Но если сеньор

хочет купить дом, на черном рынке...» «А может быть, у вас на черном рынке продают и людей?». Собеседник не понимает иронии. «Детей можно приобрести и даром, родители будут рады: им нечем кормить их». «А взрослых?» — все еще шутит путешественник. В глазах испанца мелькает искра лукавства: «У нас продают солдат, но они, вероятно, по карману только американскому президенту, а не вам, сеньор...»

Американское «перепроизводство» на испанский лад

Уже три года, как американцы оказывают Испании официальную, полуофициальную и совершенно неофициальную «помощь». В результате этого, а также в итоге собственных усилий франкистского режима покупательная способность населения уменьшилась в 1948 году по сравнению с 1947 на 40 процентов, а в 1949 снизилась еще на 25 процентов. За два года — больше чем вдвое. Оказывающие «помощь» заокеанские опекуны делают из этого вывод на свой лад: раз в стране слишком много товаров, не находящих сбыта, значит, местное производство надо сокращать, а товары ввозить из США!

В 1900 году население Испании составляло 18 миллионов, теперь — 28 миллионов человек. Но в 1948 году, как и в начале века, урожай составил 24 миллиона кинталов зерна. В годы же Республики средний урожай равнялся 43,5 миллиона кинталов.

Промышленное производство составляет половину от уровня 1931—1935 годов. Оборудование не обновлялось, как правило, 25 лет. В Басконии, промышленном районе, на шахтах, заводах, верфях в среднем каждую минуту имеет место одна авария, каждый час один рабочий становится инвалидом, каждые семь часов один рабочий гибнет. Не ясно ли, что Испания «нуждается» не в станках, а... в излишках американского оружия?

Изношенность железных дорог чудовищна: за 11 месяцев прошлого года было 106 катастроф. Но американцам нет до этого дела: они строят новые линии. Эти линии соединяют их порты с их аэродромами. Для испанцев они закрыты.

«Уолл-стрит джорнал» писал: «Иностранные наблюдатели в Мадриде много говорят о возможности близкого всеобщего паралича испанской экономики». Чтобы предупредить этот паралич, американцы скупают акции и контрольные пакеты дышащих на ладан испанских предприятий. Это делается в масштабах, перед которыми гитлеровские «приобретения» военного времени кажутся детской забавой.

«Назад к XIII веку!»

В речах и статьях — потоки пышных слов: «великая нация», «древняя империя», «защитники цивилизации», «национальный путь». В бюджете — водопад непроизводительных расходов: четыре пятых уходит на армию, полицию, суд, на поддержку церкви, на содержание фаланги и самого Франко. На черном рынке — засилье эрзацев. В Валенсии продается молоко трех сортов: чистое — по 9 песет литр; наполовину разбавленное — по 7,5 песеты, очень разбавленное — по 5,5.

На сельское хозяйство ассигнуется 166 миллионов песет (при бюджете в 18 миллиардов). Жалованье одного Франко (в двух лицах: главы государства и главнокомандующего) — 154,5 миллиона песет.

Крупнейшие испанские богачи — это семья Франко, генерал Муньос Гранде (военный преступник, командир «голубой дивизии», разгромленной на Волховском фронте), архиепископ Пля-и-Даниэль, глава фаланги Фернандес Куэста, герцог Альба (владеет 96 тысячами гектаров земли). Как же им не защищать «христианскую цивилизацию», не хранить «вековые национальные устои»? Впрочем, большую часть своих капиталов они из осторожности держат за границей.

Муньосу Гранде поставщик предложил бобы для армии по цене 4,5 песеты за кило. Генералвояка вычеркнул эту цену из договора и вписал: по 8,5. Разницу он положил себе в карман. Архиепископ Пля-и-Даниэль сколотил «общество дешевых квартир», собрал взносы, домов не построил, а деньги прикарманил.

У испанской правящей клики есть своя, с позволения сказать, национальная философия. Ее лозунг: «Назад к XIII веку!» В соответствии с этим лозунгом директор департамента изящных искусств маркиз Лозойя заявил: «Несчастье Испании в том, что были правительства, которые хотели научить народ читать и писать». «Защитники цивилизации» стараются теперь ликвидировать это несчастье. Они уже добились того, что в Испании 60 процентов неграмотных.

Расходы на народное образование составляют в бюджете менее одного процента. Из 31 тысячи школ осталось 20 тысяч, зато функционирует 35 тысяч церквей. Чтобы получить место в учреждении, требуется не аттестат об образовании, а свидетельство церкви, что кандидат — добрый католик. Профессор получает 10 тысяч песет в год, учитель — 7 тысяч, а самый низкий полицейский чин — 12 200 на всем готовом...

Продается один толедский клинок, один!..

Несколько месяцев тому назад Франко сказал корреспонденту «Интернэйшенел ньюс сервис»: «Европейские круги не только рассчитывают на экономическую и продовольственную помощь США, они готовы дать и кровь своей молодежи».

Франко зазывает на черном рынке империализма:

— Кровь, хорошая кровь, первосортная кровь!..

Газета «Абесе» пишет: «Наш полуостров в Европе ближе всего к Америке. Виго лежит примерно на широте Нью-Йорка, и американцам неизбежно придется высаживаться или приземляться с необходимым вооружением именно здесь. Здесь они соединятся и сконцентрируются, чтобы направиться в районы предусмотренных действий. Мы рассматриваем Испанию, как место сбора всех элементов, которые посылает Америка, как базу для реорганизации армий и вооружения, как средоточие всех усилий и как генштаб, где будет принято решение о начале великой битвы между Востоком и Западом».

— Сдается спокойное, удобное помещение для войны!.. Лучше, чем у всех соседей! — расхваливают свой товар фалангисты.

Генерал Унгриа обещает американцам: «Мы будем иметь 50 тысяч офицеров и два миллиона солдат в возрасте до 30 лет».

— Свеженькая кровь в любом количестве!

Недавним декретом Франко реорганизовал свою армию так, чтобы ее «структура и тактика полностью совпадали с американскими».

— Приходите и командуйте нами!..

И вдруг, в ответ на все зазывания, на собачью готовность кусать кого прикажут, раздается скептический голос газеты «Нью-Йорк таймс» — отнюдь не коммунистической, неизменно прославляющей мудрость Трумэна. Ее испанский корреспондент пишет в феврале 1950 года: «Если возникнет война, то франкистская армия будет в основном состоять из самого Франко...»

— Продается один толедский клинок, один!..

За свободу и мир

Кто же правильнее расценивает силу испанской армии и силу франкистского режима: сенаторы и генералы США или вышеупомянутый журналист?

Американские сенаторы и генералы не знают испанского языка. Лозунги Франко переводятся для них на английский. Да и стоит ли переводить: разве это не их собственные лозунги? А журналист, видимо, слыхал о лозунге, который втихомолку ходит среди испанских рабочих: «Работай столько, сколько ешь». Слыхал он и о том, что число забастовок на заводах в этом году намного превысило их количество за два предыдущих года.

Сенаторы и генералы ездят в автомобилях; журналист, видимо, походил и пешком. Он мог видеть на стенах листовки и надписи: «Долой Франко!», «Франко — это война, республика — мир!», «Испанский народ никогда не будет воевать против советского народа!», «Американцы, убирайтесь вон!». Сами испанские газеты жалуются, что стены испещрены противоправительственными надписями.

Может быть, журналист прочитал и листовку партизан Арагона: «Урожай плох, но Франко отдал секретный приказ реквизировать все до последнего грамма, потому что он должен собрать большое количество продовольствия для новой войны. Он готовит эту войну по приказу североамериканцев и рассчитывает для нее на ваших сыновей, как на дешевое пушечное мясо».

По всей Испании крестьяне восстают против реквизиций, часто с оружием в руках, при поддержке партизан. А партизаны сражаются без перерыва уже 11 лет, с тех пор, как Франко захватил власть, и число их все растет — нет ни одной провинции, где бы не было сражений и стычек. В конце апреля под Валенсией партизанами были убиты в перестрелке майор и лейтенант франкистской «гражданской гвардии».

Испанцы называют министерство внутренних дел «министерством террора»: оно убивает и гноит в тюрьмах сотни тысяч патриотов. Но террором Франко не задушил воли к свободе, он не обманул и не увлек молодежь; на это жалуются все его газеты. В той же Валенсии выходит подпольный орган «За мир» — это говорит само за себя. Организация объединенной социалистической молодежи Каталонии направила американскому консулу письмо, в котором заявила, что испанские юноши и девушки не будут воевать против Советского Союза. О том, как такие факты беспокоят франкистские власти, можно судить по недавнему случаю в Сен-Себастьяне. Группу студентов, изучавшую тайно произведения Маркса, арестовали и судили за... «подготовку вооруженного восстания»!

Другой журналист — из газеты «Рейнольдс ньюс» — однажды написал: «Оппозиция к режиму Франко охватывает до 95 процентов всего населения». Эта простая истина недоступна мозгам американских сенаторов и генералов. Франко зазывает американцев, Франко распродает им Испанию, Франко торопит войну только потому, что иначе он боится не усидеть на спине народа. Ему нужно вооружение против народа, ему необходима американская оккупация для защиты от народа.

Заключенная в сеговийской тюрьме патриотка писала в письме дочери, для цензуры называя Ленина по имени: «Владимиро сказал, что тюрьма — школа борцов». Эту тяжелую школу проходит сейчас народ Испании. Настоящей Испании американцы не открыли. Но когда они столкнутся с ней лицом к лицу, не придется ли им сломя голову мчаться назад, за океан.

В ГОРУ

В. ТЕНДРЯКОВ

В правлении колхоза имени Ворошилова собрался актив. На столе стоит микрофон, и каждое слово, сказанное здесь, повторяют репродукторы на квартирах колхозников.

За столом, на хозяйском месте, человек со спокойным взглядом и негромким голосом — председатель колхоза Владимир Александрович Демидов...

— Тише, товарищи, начинаем!..

Сухой щелчок — микрофон включен. На полуфразе обрываются шумные разговоры. Василий Филиппович, мастер по кирпичному делу, поворачивается на стуле. Стул скрипит, все оглядываются на старика, он смущенно подносит ко рту кулак и так застывает, вспомнив, что кашляни сейчас — разнесется по всему колхозу...

— Внимание! — произносит Демидов. — Собрание колхозного актива объявляю открытым...

Вот они здесь, его друзья, помощники, люди, на которых он смело может положиться, люди, именуемые активом. Демидов оглядывает их внимательно, пытливо, будто видит впервые. Бригадир Рогов (он в пальто: нездоровится, сказываются фронтовые ранения) — один из первых, с кем начал свою работу в колхозе председатель; он да Глухов. Теперь Глухов — животновод колхоза. Вон он сидит в первом ряду. Лицо его, изрезанное резкими морщинами, кажется немного сумрачным, но человек он простой и душевный.

Рядом с Глуховым — Осорин, молодой парень, был недавно рядовым колхозником, ныне выдвинулся. Пока его бригада идет вслед за роговской, но чувствуется: скоро тяжеленько будет тягаться с Осориным тихому на поворотах, осмотрительному Рогову.

А бригадир трактористов Связов, коммунист, человек своего слова, в любом деле не подведет.

Все они не подведут. Верные люди. Демидов еще раз оглядывается кругом и в торжественной тишине начинает свою речь:

— Сегодня мы, товарищи, последний раз перед общим собранием колхозников обсуждаем план переустройства нашего колхоза. Будем строить новые дома для колхозников, ставить новые конюшни, скотный двор, свинарник, птичник. Вот передо мной план,— председатель бережно разгладил на столе бумаги, — план строительства...

* * *

Владимир Александрович Демидов стал председателем колхоза имени Ворошилова в тяжелое для артели время. Стояло засушливое лето 1946 года. Паучьими лапами расходились по рыжей, спеченной земле трещины. Одинокие среди полей деревья желтели от жары и раньше времени роняли сморщенный лист. Все жили в страхе перед неурожаем.

В то засушливое лето, как никогда раньше, проявил себя Связов. И днем и ночью доносилось в село рычание тракторов. И днем и ночью, в две смены, трактористы Связова проводили лущение, пахали пары, бороновали, снова перепахивали, создавая основу будущего урожая. В сердцах колхозников пробудилась с новой силой тревога за судьбу артели, жажда к труду без устали, до самозабвения. И все это дало чудесные плоды.

На другой год, глубокой осенью, шоферы, проезжавшие через село, останавливали машины, выглядывали из кабинок и с удивлением спрашивали у принаряженных прохожих:

— Что это, вроде день будний, а у вас на каждом доме флаг вывешен?..

А потом шоферы увидели, как вдоль разукрашенной кумачовыми лозунгами улицы двигался обоз: в гривах лошадей — ленты, лентами перевиты дуги. Водителям машин стало ясно: большой нынче день на селе. Обоз торжественно останавливался у каждого дома, и с шутками, смехом сгружались мешки с зерном:

— Получай на трудодни, хозяева!

Колхоз имени Ворошилова праздновал День урожая. Три дня веселилось село Курылево!

Хлеб — хлебом, но это только половина колхозного хозяйства. Вторая половина — животноводство.

Демидов вместе с Глуховым рьяно взялись за дело. В артели появилась отдельная бригада по кормодобыванию, затем из всего стада выделили лучших коров в так называемую раздойную группу. Они были на особом, повышенном рационе, и доили их уже не три раза в день, а четыре. Особое внимание уделяли приплоду от этих коров.

И вот сейчас, на собрании актива, председатель колхоза говорит:

— Тесно становится скоту в старых дворах. Строиться надо. У нас есть теперь хлебные излишки. Большой доход получаем от свинофермы, птиц. Есть, значит, средства, чтобы строиться...

Было время — обходились без радио и электричества, а теперь не можем представить себе наше Курылево неосвещенным, квартиру любого нашего колхозника — без репродуктора. У нас не было библиотеки — сейчас она есть. Колхозники требуют расширить ее. Меняется жизнь у нас: меняются люди, растут их запросы. Наши старые дома-мазанки что ни день, то больше кажутся неуютными... И вот здесь, в этом плане, записано: построить новые дома, такие, чтобы мы год—другой спустя могли в каждый из них провести водопровод и паровое отопление.

Владимир Александрович на минуту остановился, взял со стола бумагу и сказал:

— Вот такие у нас дела. Что ж, перейдем к цифрам.

* * *

Пустынным выглядит в этот вечер Курылево. Тишина. Ровный свет электрических фонарей освещает задумчивые домики. И в каждом из них слышен неторопливый голос Демидова. Послушать со стороны — он говорит о скучных вещах. За каждым словом — цифра. На новую конюшню потребуется кирпич, — цифра. На новый скотный двор — цифра. Плюс на силосную башню — цифра. Кругом — цифры! Но люди слушают их, как сказку, ибо за ними видится жизнь, будущее.

И уже заранее можно сказать: завтра не один колхозник зайдет к председателю, поздоровается, усядется, вынет кисет и степенно скажет:

— Вот, Владимир Александрович, на скобы железные брошено по смете... — и он назовет одну из многочисленных заветных цифр, услышанных вчера. — А у нас железо есть подходящее... Что, если самим?.. Все экономия будет...

То голос хозяина, которому дорога каждая копейка, труженика земли, которого партия большевиков, советский строй научили смотреть на жизнь широко, с позиций всего государства.

Голос этот крепчает год от года. Еще не так давно, когда колхоз становился на ноги и заедали его хозяйственные трудности, председатель не всегда мог получить совет даже у активистов. А сейчас сколько их у него, советчиков! И у каждого большая забота об общем деле.

Было время, когда от неудач Демидов терялся. Как-то поехал в райком партии, к секретарю, товарищу Игнатьеву.

— Трудно приходится, Михаил Григорьевич. Того не хватает, другого недостает, в одном месте заштопываем, в другом рвется. Голова от забот трещит и у меня и у членов правления.

— А ты сделай так, — ответил Игнатьев, — чтоб не только у тебя да у правления, а у всех колхозников забота о хозяйстве была, чтоб каждый болел душой за артель, отдавал все, что знает, умеет. Тогда и в колхозе дело веселей пойдет.

Демидов задумался: как добиться того, что советовал секретарь райкома? Он решил все хозяйственные расчеты выписать и вывесить на видное место.

Когда это сделали, в правление пригласили всех колхозников. Демидов видел, как близко к сердцу приняли они все, что написано было на больших листах бумаги. И ни одно общее собрание не было таким бурным, никогда еще столь страстно не обсуждались колхозные дела, как в тот вечер.

— Почему указано, навозу мало? По дворам чище собирать — еще несколько возов наберется!

— Я осенью с луку да с капусты не 50, а 80 тысяч доходу дам, — обещала бригадир Малякова.

— А пасеку забыли? Почему в план не включили посадки защитного сада? — допытывался пчеловод.

Конечно, сразу все вопросы не смогли разрешить. Да и не в этом главное. Важно было другое. Люди почувствовали себя хозяевами, ответственными за общее дело.

...Демидов кончил доклад о новом строительстве в колхозе. Он поведал людям о своих мечтах, твердо веруя, что они поймут его.

Село пока еще имеет неказистый вид: широкую дорогу обступают старенькие мазанки. Но никто уже не сомневается в том, что скоро придет время, когда вдоль этой же дороги встанут кирпичные дома, каждый по крышу в фруктовых садах. Водопровод, паровое отопление, электрические плиты, мотоциклы во дворах, агрогород — завтрашний день колхоза имени Ворошилова! И он обязательно наступит, этот день! Теперь уже ни у кого нет в том сомнения.

Последний из числа неверов, крепкий, кряжистый старик-молотобоец Андрей Васильевич Катков, открыто перед всем обществом признался:

— Ошибся, братцы!

То было в праздничный День урожая. Покашливая в почерневший от кузнечной копоти кулак, молотобоец держал первую в жизни публичную речь. Говорил он с натугой, слово за словом, будто клал поленницу; поленья — слова весомые — прочно ложились друг на друга.

— Раньше что? Печку по-черному топили... Вместе с телятами спали... А теперь — почет. Это как назвать, не почет разве: хлеб с колокольцами подвезли под окна? Получай, Андрей Васильевич!.. Так я хочу сказать спасибо, а кому спасибо? Нашей партии спасибо! И тебе, Владимир Александрович, от всех нас спасибо!

Старик поклонился председателю.

«Нам теперь вроде ничего не надо: все есть», — так сказал Катков. Демидов думал иначе: «Как много еще нам надо, какое множество дел у нас впереди!..»

Сперва на мельнице было поставлено динамо от трактора. И над ссыпкой загорелась первая, тогда еще единственная на селе маленькая лампочка. В облаке мучной пыли горела она ярким светом — звездочка, предвещавшая свет будущего. Потом привезли настоящий генератор. Дед Катков, глядя, как проводят электричество в конюшню, шутливо усомнился:

— А побежит этот свет в гору? Где б повыше ту машину поставить — все легче ему спускаться, а так, думаю, с натугой пойдет...

В конюшне вспыхнули лампочки, и кони, привыкшие только к тусклому свету фонаря дежурного конюха, шарахнулись в стойлах.

Колхозники спешно рыли ямы около своих домов, ставили столбы. Проходя поздно ночью мимо дома Каткова, Демидов услышал облегченный вздох человека, стоявшего у ворот.

— Ну, кажись, кончил...

— Это ты, Андрей Васильевич?

— Вот тоже столбик поставил.

— Да ведь в гору не пойдет!

— Засветит! — уверенно ответил старик.

* * *

...Собрание актива продолжается. Колхозный плотник Ковелинов, учитывая размах предстоящего строительства, предлагает открыть школу плотников — «свое ремесленное училище». Василий Филиппович Балашев говорит о новом кирпичном заводе, на котором все тяжелые работы будут выполняться с помощью электричества.

Простые люди уверенно готовятся к тому, чтобы высокая культура, наука, искусство — все прекрасное и великое, что доступно человечеству, было в обиходе каждого жителя Курылева. Их руководитель — председатель колхоза Владимир Александрович Демидов — внимательно слушает ораторов. В его глазах спокойная радость и уверенность. Он знает, что перед ним сидят люди, каких еще не знала история, и дано им совершать большие дела.

Ульяновская область,
Майнский район,
колхоз имени Ворошилова.

Сочи. Проспект имени Сталина у дендрария.

Закат солнца.

Сочи. Санаторий имени Серго Орджоникидзе.

Цветет магнолия.

Олеандры.

Сочи. Пляж у санатория «Кавказская Ривьера».

Сухуми. На рейде.

Цветные фото Н. Петрова.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Глава из романа «Открытая книга»

В. КАВЕРИН

Рисунки О. Верейского

Роман «Открытая книга» посвящен истории советской женщины-врача и деятеля науки.
Первые четыре части напечатаны в журнале «Новый мир» за 1949 год (№№ 9 и 10). В следующих частях будет рассказано о жизни Тани Власенковой в одном из южных зерносовхозов и о ее научной деятельности, приводящей к тому, что она становится выдающимся советским микробиологом. Ее открытия вооружают нашу медицину новыми средствами излечения болезней.
Действие второго тома (из которого и взята печатаемая глава) происходит между 1930 и 1940 годами.

Случалось ли вам ленивой рукой снять с полки давно знакомую книгу и вдруг прочитать ее совсем другими глазами? С удивлением находите вы глубокий смысл в том, что прежде казалось поверхностным или случайным. Отдельные, бессвязные черты складываются в картину, и, всматриваясь в эту новую, живую картину, вы догадываетесь, что самое главное до сих пор оставалось в тени.

Это случилось со мной, когда, приводя в порядок свой письменный стол, я наткнулась на заметки и письма, относящиеся к тем годам, когда после окончания института я получила назначение в Зерносовхоз 5, в Сальские степи.

...Ночь. В пустой квартире нового, еще не заселенного дома, в маленькой комнате, которую весь главный хутор называет «лекарней», я сижу над письмом Николаю Васильевичу Заозерскому, моему учителю, у которого я работала на кафедре микробиологии: «Каждый день я вспоминаю наш разговор, дорогой Николай Васильевич, и все больше убеждаюсь в том, что в деревне можно и должно заниматься наукой».

Я кладу перо и задумываюсь. Полно, да в деревне ли я? Двенадцать пятиэтажных домов стоят в необозримой степи. Сегодня утром я видела, как длинный, нескладный садовник вбивал колышки на площади перед управлением и сердился, когда машины наезжали на его воображаемый сад. Длинный ряд домиков, построенных из ящиков, в которых пришли тракторы, тянется через весь Главный хутор — это проспект Коммуны, будущая центральная улица Зерносовхоза 5. А там, в поле, дымятся походные кухни, трепещут под осенним ветром палатки, в зеленых фургончиках спят коротким, тревожным сном комбайнеры, трактористы.

Тихо в новом, пустом, пахнущем известью доме; неоконченное письмо лежит на столе, свет то разгорается, то меркнет — почти меркнет, так что становится виден тонкий рисунок красноватых нитей...

— Откройте! Доктор, вы дома?

Я открываю. Незнакомая девушка, босая, в косынке, наброшенной на плечи, стоит в темном подъезде. Ноги ее до колен залеплены грязью.

— Что случилось?

— Сестренка умирает.

— Чья сестренка?

— Моя.

Девушка плачет.

— Где она?

— В столовой ИТР. Мы подавальщицы. Ночную смену кормим. Она с лесов упала...

Непонятно, каким образом подавальщица упала с лесов. Но расспрашивать некогда.

— Вы придете, доктор?

— Да, да.

— Я побегу, хорошо?..

С чемоданчиком, в котором лежит почти вся аптека и большинство инструментов, я выхожу на проспект Коммуны и останавливаюсь, потому что для того, чтобы попасть в столовую, нужно перейти этот проспект, а перейти его невозможно: грязь лежит на нем — черная, блестящая, густая. Что делать?

Между тем кто-то большой, шумно дышащий, быстро шагающий, надвигается на меня из темноты. Это инженер Репнин, начальник дорожной бригады. Он в комбинезоне, в резиновых сапогах выше колен, в широкополой шляпе. Веревка, переброшенная через шею, привязана к ушкам его сапог — я вспоминаю, как еще сегодня, в той же столовой, он громко хвастался своим изобретением, а я сказала, что он похож на человека, которого собрались повесить.

— Это вы, доктор?

— Да.

— Попались?

— Да, плохо дело.

— Потому что девушкам по ночам нужно спать.

— Полно вам! Лучше помогли бы.

Хохоча, он делает один огромный шаг и, прежде чем я успеваю опомниться, подхватывает меня и осторожно ставит на крыльцо противоположного дома.

— Спасибо, товарищ Репнин.

— Нет, серьезно, доктор, куда вы идете?

Но я уже далеко от него. На той стороне — пс-нель, и через несколько минут давешняя заплаканная девушка встречает меня на пороге столовой.

В раздумье — хотя раздумывать некогда — стою я над ее сестрой, лежащей без сознания, с открытыми глазами, из которых уходит последнее мерцание жизни.

Она не подавальщица, а бетонщица, и упала с лесов на груду песка. У нее небольшой кровоподтек на груди, но ни вывихов, ни переломов. Почему же едва прощупывается пульс? Почему она так неровно, прерывисто дышит? Почему — я тревожно всматриваюсь в лицо — нос заострился, синюха уже тронула губы?

Страница учебника хирургии встает перед моими глазами. Я вижу ее так же ясно, как эту девушку, которая умирает и умрет безусловно, несомненно, через пять — десять минут. «В случаях неотложной хирургической помощи перед врачом прежде всего возникает вопрос «что делать?», а затем — «как делать?» Но что же делать, если врач впервые видит больного в то мгновенье, когда замирает пульс, когда, вздрогнув в последний раз, начинают тускнеть и закатываться под веки глаза? Что делать, если для самого беглого осмотра нет ни одной минуты? Я впрыскиваю камфару — никакой перемены. Искусственное дыхание? Но применяют ли в подобных случаях искусственное дыхание?

— Расстегните комбинезон! Да скорее же, чорт побери!

Я осторожно поднимаю ее послушные руки. Еще раз так же осторожно. Еще десять, двадцать, тридцать раз. Еще сто, двести, триста...

Стараясь не шуметь, кухарка подбрасывает в плиту дрова, передвигает кастрюли. На цыпочках входят и уходят подавальщицы: время не ждет, нужно кормить очередную смену. Кто-то с грохотом вламывается в столовую, его останавливают:

— Ш-ш! Тише!

И в столовой ИТР становится тихо. Говорят шепотом, не двигают стульями, не стучат посудой. Все знают, что в двух шагах, за стеной, идет работа — размеренная, утомительная, однообразная...

Раз — два. Мертвенно синеют полузакрытые веки. Раз — два. Никакой надежды? Раз — два. Пот льет с меня градом. Раз — два. Как странно, по-разному у нее закатились белки! Раз — два. Больше не могу. Еще пятьдесят — и кончено... Ну, а теперь еще пятьдесят!

Женщины столпились вокруг — значит, смена ушла. Кухарка моет плиту. Ого, как разболелась спина! Чорт с ней! Раз — два.

Женщины крестятся, плачут. Раз — два. Ничего не поделаешь. Придется оставить. Еще пятьдесят — и кончено... Ну, а теперь еще пятьдесят. Раз — два. Веки вздрогнули. Вздор, это мне показалось! Да, вздрогнули! Раз — два... Вот теперь нужно всерьез приниматься за дело.

— Помогите мне снять с нее комбинезон. Осторожно, осторожно! Свету больше! Воды! И за работу!

...Через час я возвращаюсь домой. Так же темно на проспекте Коммуны или даже еще темнее. Так же мрачно блестит в темноте дикая, хватающая за ноги грязь. Кажется холодно, ветер. Вся столовая ИТР, в полном составе, наскоро раздав ночной смене оставшуюся перловую кашу, провожает меня. Девушки спрашивают, трудно ли учиться на врача, одинаково ли требуют в институте от мужчин и от женщин; я отвечаю солидно, нетороплиао, а сама слушаю себя и думаю:

«Что же это было? Шок? Ох, как я еще мало знаю!»

Вот и «лекарня»!

— Доброй ночи.

— Доброй ночи, доктор! Спасибо!

— Большое спасибо!

— Да за что же?

— За Лушу!

— Доктор, а она будет жить?

— Непременно!

— Ну, еще раз спасибо! От всей души, доктор!

...Я снова одна. Неоконченное письмо лежит на столе: «Каждый день я вспоминаю наш разговор, дорогой Николай Васильевич...» Завтра допишу. И я с головой ныряю в холодную, сырую постель. Сон приходит мгновенно, но и во сне я чувствую, что случилось что-то хорошее. Очень хорошее! Но что, не могу догадаться.

...И другая история вспомнилась мне, когда, приводя в порядок старые бумаги, я открыла папку, на которой большими буквами было написано: «Зерносовхоз 5» и дата «1930».

...Механик Бородулин заболел вечером одиннадцатого июня — видите, я даже запомнила дату, — и пока на попутной машине я добиралась до Цыганского участка, чуть не «отдал концы», как сообщила мне расстроенная кухарка. Когда я вошла, он лежал в комнатке опытно-испытательного отдела и ругался. Большое лицо с добрыми висячими ушами, придававшими ему сходство со слоном, побледнело. Каждые пять минут он хватался за живот и страшным голосом кричал кухарке: «Уходи, Маша!».

Я посмотрела его, и мне не понравилось, что у него холодная кожа. Это наблюдается при многих желудочных заболеваниях, но у него она была какая-то очень уж холодная и влажная, как у лягушки. Зрачки были расширены, пульс замедлен, в икрах, как он утверждал, «стреляло». Я поставила градусник — тридцать пять и семь.

В общем, это было похоже на пищевое отравление, например, отравление колбасой, о котором я помнила только одно: что оно чем-то отличается от отравления грибами. Точность моего диагноза подрывало то обстоятельство, что накануне болезни Бородулин провожал племянницу: на отвальную были поданы как раз колбаса и грибы. Но, так или иначе, в происхождении болезни можно было, кажется, не сомневаться.

Была уже ночь, когда, дождавшись обратной машины, я перевезла механика в Главный хутор и положила в «больницу» — стационара тогда еще не было, — состоявшую из двух палаток, каждая на 11 человек. К счастью, в той палатке, куда я поместила Бородулина, было немного больных — только трое.

Попрежнему он стонал и кряхтел, жаловался, что ему холодно, отказывался от слабительных и время от времени кричал страшным голосом: «Уходи, Катя!». Теперь у него дежурила сестра, которую звали Катей. Он утверждал, что на Цыганском было гораздо лучше. Может быть! Но не могла же я оставить подобного больного на участке, где кухарка, ухаживая за ним, одновременно готовила обед для очередной смены!

В общем, ему все-таки становилось легче. Температура поднялась до нормальной; бледное доброе лицо с толстым носом и висячими, смешными ушами оживилось. Он уже беспокоился, как без него справятся с ремонтом, ругал какого-то Бесштанько, который был, по его словам, «мастером простоя», и успел сообщить сестре, что «в жизни был одинок». Все это были очевидные признаки выздоровления, и, вернувшись к себе, я даже задумалась, стоит ли ставить анализ. У меня тогда еще не было термостата, а маленькую кладовку, которую я приспособила под термостатную комнату, приходилось, по меньшей мере, часа три согревать керосинкой. Причем, поднять температуру — это было еще полдела! Нужно было поддерживать ее на том же уровне все время, пока не вырастут микробы, — утомительное занятие после дня, полного забот и волнений. Но все-таки я сделала посев и всю ночь сонно тыкалась в кладовую, ругая керосинку, которая ни с того, ни с сего начинала коптить. Прошло десять часов — у меня не было уверенности, но, кажется, этого было достаточно, чтобы в питательной среде появились первые колонии микробов, вызывающих пищевые отравления. Никогда до сих пор я не видела этих микробов, и главное чувство, с которым я рассматривала появившуюся на питательной среде нежную пленку, было любопытство, тем более, что механик, как мне сообщила, заглянув на минуточку, Катя, был уже почти здоров, во всяком случае, чувствовал себя значительно лучше. Я сделала мазок, сунула его под линзу микроскопа и... И так же отчетливо, как в эту минуту бегут перед моими глазами одна за другой черные строчки по белому листу бумаги, я увидела на предметном стекле короткие, слегка изогнутые палочки холерного вибриона... Этому невозможно было поверить — и я не поверила, оторвавшись от микроскопа и обведя комнату растерянным взглядом. Все было на своих местах: две полки с книгами и лабораторной посудой, аптечный шкаф, койка, покрытая простынею, на которой я выслушивала больных. Все по-старому, ничего не переменилось! Но под микроскопом — если верить глазам — были типичные холерные «запятые».

Дрожащей рукой я сменила препарат — все то же! Снова сменила... В «лекарне» было тепло, даже жарко, но внезапный холод прохватил меня с головы до ног, даже застучали зубы. Что же я сделала?

— Что же я сделала? — схватившись за голову, повторила я вслух.

В Главный хутор я отправила механика на рейсовой машине; какие-то женщины подсаживались дорогой, и я не запомнила их одежды и лиц. Я не спросила, как зовут его племянницу, в каком направлении она уехала, кто был на проводах, — даже не спросила, в то время как обязана была телеграфно потребовать, чтобы ее сняли с поезда и немедленно отправили в изолятор! В изолятор (которого, кстати сказать, тогда еще не было в нашем Зерносовхозе) полагалось отправить всех, с кем находился в контакте больной, и прежде всего самого больного, а я преспокойно положила его в одну палатку с двумя астматиками и мальчиком, сломавшим ключицу! Я ничего не сделала, чтобы помешать распространению страшной болезни, которая вот уже пять лет, как была совершенно ликвидирована в Советском Союзе. Напротив, все, что я сделала, как нарочно, было полно таких грубых, преступных ошибок, как будто я сознательно стремилась лишь к одному — превратить в эпидемию отдельный случай холеры.

Стараясь справиться с дрожью, время от времени пробегавшей вдоль спины, по которой, казалось, водили чем-то железным, я прежде всего отправилась к директору и доложила ему о положении дел. Мы говорили недолго — минут двадцать. Еще через двадцать на Цыганский участок уже мчалась машина с лизолом, карболкой и т. д., а в километре от Главного хутора уже разбивали палатки — изолятор на тридцать шесть человек.

...В вязаном лыжном шлеме механик сидел на койке и рассказывал мальчику со сломанной ключицей содержание кинофильма «Кастусь Калиновский». На коленях у него спала кошка — упоминаю об этом потому, что эту кошку я после долгих, мучительных колебаний тоже отправила в изолятор.

Я осмотрела Бородулина очень внимательно и ничего не нашла. Правда, время от времени он еще отлучался из палатки, но куда реже, чем накануне. Температура была нормальная. Лекарства, которые я ему прописала, он за ночь «приел», как он сообщил мне, весело улыбаясь. Бесштанько, как он полагал, уже запорол новый трактор, который недавно прислали на Цыганский участок, и лучше сразу везти с Главного хутора запасные части. Один тракторист, у которого была подобная история с желудком, выпил двести пятьдесят граммов, закусил селедкой и поправился. «Правда ли, доктор, что современная медицина в отдельных случаях рекомендует сильные средства?». Когда он сможет приступить к работе? Хорошо бы, завтра! Дело в том, что послезавтра Бесштанько выходной, а ему, Бородулину, непременно нужно застукать его на простое. «Вы не знаете, что это за человек, доктор! Хитрый, как муха». Племянница, как он надеялся, уже доехала до Ростова, — кстати сказать, прекрасная девушка, зубной техник, сирота и большая любительница литературы и театра...

Он был почти здоров, но что это значило в сравнении со страшной картиной, открывшейся на предметном стеклышке под микроскопом!

Очень осторожно я предложила механику перейти в другую палатку. Там ему будет удобнее, палатка маленькая, сестра будет ухаживать только за ним. Он почти выздоровел, но мне хочется последить за ним, потому что лабораторный анализ показал очень редкое заболевание, совершенно неопасное для жизни, но зато в научном отношении представляющее большой интерес.

Не помню, что еще я сочинила ему, но он вдруг увял, побледнел, лег на койку и, помолчав, жалобно сказал, что сам чувствует, что заболевание еще далеко не прошло...

Часа в четыре заведующий Сальским райздравом с целым штатом служителей и сестер приехал в Зерносовхоз и вежливо, но решительно объявил мне, что берет на себя всю организационную сторону дела.

Это был старый врач, много лет служивший на флоте и под старость поселившийся в Сальске, откуда был родом. Он и был похож на моряка, но не на современного, а из романов приключений — маленький, красный, седой, говорящий низким, хриплым голосом, не выпуская из зубов коротенькую черную трубку. И распоряжения его по своей краткости и решительности напоминали морскую команду. Потом, когда мы познакомились ближе, я сказала ему, что мне все мерещилось, что он сейчас скажет: «Свистать всех наверх!» — и все полезут куда-то наверх и будут торопливо делать что-то морское. Он засмеялся, сделал страшное лицо и прохрипел:

— И полезут!

...В кабинете директора он сидел за столом, а я стояла перед ним навытяжку и докладывала, в общем, кажется, довольно связно. К тому времени у меня были результаты посева на твердой питательной среде, — к сожалению, те же. Обычно сообщения о ходе работы даются по схеме, и мой первый предварительный ответ был: «Вибрион обнаружен, исследование продолжается». Второй ответ я могла дать лишь после так называемой «реакции агглютинации» — в результате этой реакции вибрионы должны были склеиться в беловатые хлопья. Но у меня не было сыворотки. По правилам, наш медпункт должен был располагать полным набором сывороток; я тысячу раз говорила об этом директору и писала в Сальск. Но ничего не прислали, и, воспользовавшись случаем, я теперь сказала об этом заведующему Райздравом. Он проворчал:

— Привезли сыворотку.

Я сказала:

— В таком случае сегодня ночью вы получите второй предварительный ответ.

...Вообще, с той минуты, как доктор Дроздов — фамилия заведующего Райздравом — появился в совхозе и до меня стали доноситься, как эхо, его оглушительные морские команды, я немного успокоилась за противоэпидемическую сторону дела.

Правда, иногда это было какое-то странное эхо. Каждые два — три часа, например, медсестра Катюша, очень хорошая, но на редкость

смешливая девушка, забегала ко мне с очередным сообщением:

— Проехала Кущевку. Кланялась.

Или еще через два — три часа:

— Проехала Батайск. Будьте здоровы.

Проезжала эти и многие другие станции Северо-Кавказской железной дороги племянница Бородулина зубной техник и любительница литературы и театра, которую, несмотря на энергичные телеграммы доктора Дроздова, никак не удавалось словить. Наконец словили уже в самом Ростове и, хотя она была совершенно здорова, на шесть дней отправили в изолятор.

Совершенно здоровы были и двадцать семь человек, смотревших одновременно с Бородулиным картину «Кастусь Калиновский», которую накануне его болезни привозили на Цыганский участок. Совершенно здоровы до сих пор были кухарка, ухаживавшая за механиком, астматики и мальчик, с которыми бок о бок в одной палатке механик пролежал десять с половиной часов. Здоровы были женщины, которые ночью подсаживались в машину и которых с большим трудом удалось разыскать. Что касается самого Бородулина, и он чувствовал себя превосходно, хотя, едва я входила, начинал кряхтеть и делать уныло-озабоченное лицо, как и полагалось больному, который стал объектом научного наблюдения.

Все это было важно, очень важно! Но если никто не заболел, если это была не холера, что за чудо произошло в моей «термостатной»? Откуда взялись на жидких, а потом и на твердых питательных средах характерные, прозрачные колонии холерного вибриона?

В общем, ясно было только одно: что реакцию агглютинации теперь следовало проделать с чистой культурой. «А для этого,— сказала я себе вслух,— прежде всего нужно получить эту чистую культуру».

Ну, что ж! Это было нетрудно. Я отделила несколько подозрительных по своей прозрачности колоний и поместила каждую в отдельную пробирку с косым агаром, то есть с той самой твердой питательной средой, о которой прежде упоминала. Потом подрезала фитили в керосинке (что, разумеется, не имело прямого отношения к получению чистой культуры) и поставила штатив с пробирками в «термостатную» кладовую.

Это было в пять часов вечера — меня вызвали к больным, и, уходя, я, помнится, взглянула на будильник. Потом я пошла в столовую и встретила Репнина, только что вернувшегося из командировки. Он зажег фонарь, чтобы посмотреть на меня — мы встретились на улице,— и остался недоволен.

— Красивая же девица была, — сказал он с огорчением. — Доктор, неужели вас этот тюфяк Бородулин допек? Я его сразу убью, к чему холера?

Мы зашли в столовую, поужинали, я рассказывала, но душа моя была там, в маленькой, душной кладовке, где горела и, должно быть, отчаянно коптила керосинка и где штатив с пробирками стоял на подвесной полке, которую я сама сделала из куска фанеры.

Репнин проводил меня и хотел зайти: «Ей-правда, в жизни не видал вибрионов!»,— но я не пустила. Мы простились на лестнице, и как раз в эту минуту свет стал меркнуть, как часто бывало у нас в двенадцатом часу ночи.

В полной темноте я поднялась к себе и на ощупь открыла «лекарню», которую последнее время, сама не зная почему, стала запирать на замок. Глаза освоились, и я уверенно распахнула дверь своей «термостатной»...

Я увидела **это** сразу, может быть, потому, что керосинка погасла и в «термостатной» было совершенно темно. Пробирки светились — каждая в отдельности — и не рассеянным, а определенным, напоминавшим лунный, голубоватым светом...

Разумеется, можно было предположить, что я сплю: с той минуты, как лампочка стала меркнуть, это было немного похоже на сон. Я обернулась, подумав, что на пробирки упал отсвет луны. Но окно было задернуто шторой, ночь безлунная, и сколько бы раз, обманывая себя, я ни закрывала дверь «термостатной», чтобы внезапно распахнуть ее через минуту, пробирки светились и, казалось, еще сильнее, чем прежде. Голубоватая шапка сияния нежно возвышалась над ними.

Дрожащими руками я поставила штатив в кастрюльку и осторожно спустилась по лестнице... Холерный вибрион не светится. Стало быть, это вибрион не холерный?

До изолятора было ближе всего через поле, и, хотя мне всегда было страшно идти среди гулко стучащей, темной пшеницы, я все-таки пошла напрямик. Палатки смутно забелелись в темноте — гораздо скорее, чем я ожидала!

Держа кастрюльку прямо перед собой, я влетела в дощатый домик, вокруг которого раскинулся изолятор,— здесь жил персонал, привезенный Дроздовым из Сальска.

— Где Иван Афанасьевич?

— У себя, — спокойно ответила незнакомая пожилая сестра, отрываясь от книги, которую она близоруко держала у самых глаз, и глядя на меня с удивлением.

— Проводите меня к нему. Срочное дело!

У Дроздова была отдельная комнатка — немного больше моей «термостатной»,— и он крепко спал, когда мы вошли.

Сестра хотела зажечь керосиновую лампу, но я сердито закричала: «Нет, нет!».

— Что случилось, докторенок? — не вставая, хрипло спросил Дроздов.

— Иван Афанасьевич, простите, что я вас разбудила. Но дело в том, что...— И я осторожно поставила штатив на стул подле его постели.

— Что это значит?

— Не знаю.

— Как не знаете?

— Очень просто. Не имею понятия,— ответила я, стараясь удержаться от вдруг накатившего на меня беспричинного смеха.— Мне нужно было выделить чистую культуру, я посеяла на косой агар, и вот...

Дроздов вскочил. Маленький, в измятой пижаме, с всклокоченными курчавыми седыми волосиками, он вынес стул с пробирками на середину комнаты, крякнул и вдруг быстро обежал вокруг стула. Он зажег лампу — пробирки погасли. Дунул на лампу — опять засветились.

— Д-да! — с детским изумлением пробормотал он. — Ну, что же? Поздравляю вас, доктор. Очевидно, вы сделали большое открытие.

На следующий день эпидемиолог Ростовского губздрава доктор Сокольский приехал в Зерносовхоз и долго рассматривал мои пробирки.

— Теперь у вас будет свой собственный вибрион, — сказал мне этот длинный седеющий грустный человек в пенсне, который, прежде чем ответить на любой вопрос, неопределенно пожимал плечами и который знал холеру в сто раз лучше, чем я. — Как ваша фамилия?

— Власенкова.

— Ну вот, vibrio Vlasenkovi. Это все-таки кое-что. Не каждый врач может похвастать, что он является, так сказать, автором вибриона. А холеры тут у вас нет. Так что, зачем я приехал,— загадка!

Холеры нет, и Бородулин болел не холерой — вот каков был вполне обоснованный вывод, который сделал ростовский эпидемиолог. Но приехал он далеко не напрасно. Он побывал на Цыганском участке и еще на двух или трех и посоветовал мне несколько санитарных мероприятий, простых, но весьма эффективных, — я убедилась в этом скорее, чем ожидала. С поразившей меня тщательностью он изучил все, что произошло в Зерносовхозе с той минуты, как меня вызвали к больному механику. На конференции, созванной Дроздовым в середине дня, он сделал сообщение — и это был великолепный

Образ молодого Огарева

Деятельность Николая Платоновича Огарева неразрывно связана с жизнью и творчеством его гениального друга — Александра Ивановича Герцена. Оба они, по образному слову А. И. Герцена, составляли «разрозненные тома одной поэмы».

Большое значение имеет иконография этого выдающегося революционного деятеля середины прошлого века, обогащенная недавней находкой — новым портретом молодого Огарева.

До сих пор был известен только один портрет кисти крепостного художника, относящийся к юным годам Огарева. Большие задумчивые глаза мечтателя, густые брови, волнистые волосы, зачесанные на лоб, нежные очертания пухлых губ, овал лица оттенен небольшими пушистыми баками. Это — типичное лицо романтика тридцатых годов прошлого века, лицо поэта, каким и был в действительности Огарев.

В архиве автора известных воспоминаний Н. А. Огаревой-Тучковой (второй жены Н. П. Огарева) ныне обнаружен рисунок, сходство которого с описанным выше портретом сразу же бросается в глаза. Беглая линия четко обрисовывает изящный профиль с таким же тонким, заостренным носом с чуть заметной горбинкой, густые брови, припухлые губы и нежный подбородок. Волнистые волосы опускаются на лоб и закрывают виски. Баки отсутствуют. На известном портрете изображена та «тихая грусть», которая, по признанию самого Огарева, всегда была ему свойственна и характерна для его поэзии. Рисунок лучше передает душевную ясность и ту чуть заметную «кроткую улыбку», которую так любил в своем друге Герцен.

Вновь найденный портрет Огарева следует отнести к концу 1839 или к началу 1840 года, когда Николай Платонович вернулся в Москву из ссылки в Пензенскую губернию. Набросок портрета Огарева был сделан, по всей вероятности, в его доме, близ Петровского парка, в один из вечеров, которые часто устраивала в своем доме Мария Львовна, первая жена поэта, урожденная Рославлева.

Сохранилось свидетельство еще об одном портрете Огарева, местонахождение которого неизвестно. Герцен писал в «Былом и думах»: «Портрет этот, подаренный мне, взяла чужая женщина, может ей попадутся эти строки, и она его пришлет мне». «Чужая женщина», которой была, вероятно, писательница Евгения Тур, не откликнулась на призыв Герцена. Местонахождение столь ценного для нас портрета остается неизвестным. Быть может, последние его владельцы прочтут эту заметку и сообщат о самом раннем портрете Николая Платоновича Огарева.

Н. П. Огарев. Рисунок неизвестного художника (Государственный литературный музей).

Н. АНЦИФЕРОВ,
кандидат филологических наук

эпидемиологический анализ, из которого следовало, между прочим, что механик действительно отравился грибами и, таким образом, светящийся вибрион не имеет к его болезни ни малейшего отношения. Это не значит отнюдь, что лаборатория может оборвать работу, напротив, исследование должно продолжаться.

На прощанье я спросила Сокольского, не думает ли он, что светящийся вибрион заслуживает анализа с биохимической точки зрения. Он неопределенно пожал плечами, а потом прочел мне целую лекцию о свечении жучков и гнилушек. Что касается причины свечения бактерий, то он не имел о ней никакого понятия.

Вскоре рассталась я и с доктором Дроздовым, свернувшим свой изолятор через два часа после того, как был получен окончательный ответ. Прощаясь, я попросила разрешения поцеловать его. Мы обнялись, и он сказал растроганно:

— Доктореное, милый, помяните старика, вы далеко пойдете.

...Уехал сальский эпидотряд, сезонники поселились в домике, сколоченном из тары, большая хохлатка с цыплятами бродила на том месте, где сидели в изоляторе скучавшие комбайнеры и рулевые, на Цыганском участке Бородулин давно уже воевал с «мастерами простоя». Огромный по тем временам урожай пшеницы созревал на двадцати тысячах гектаров Зерносовхоза 5, и все — от мала до велика — думали, говорили и заботились только об урожае.

О нем думали и говорили колхозники, заключавшие с нашим Зерносовхозом договоры на уборку своего урожая. О нем думали и говорили студенты, приехавшие из Ростова, чтобы помочь совхозу в сборке комбайнов,— по-хозяйски постукивая разводными ключами, они расхаживали среди раскрытых ящиков, из которых, в стружке, в промасленной бумаге, появлялись все новые детали машин. О нем говорили в мастерских, в поле, на ближних участках и на дальних, где поднимали новые земли под озимь.

Мои больные выздоровели — даже астматики,— но не потому, что им помогло мое искусство, а потому, что в этой атмосфере напряженной, страстной, всеобщей работы некогда, да и неловко стало болеть. Только возглас: «А, **«просвечоный!»** — неизменно раздававшийся, едва Бородулин появлялся в столовой, еще напоминал о смешной истории с холерой.

А в моей «лекарне» все горел по ночам лунный свет. Все больше становилось в мире светящихся холероподобных вибрионов, впервые выделенных из организма человека некоей Татьяной Петровной Власенковой, заведующей медпунктом Зерносовхоза 5 в Сальских степях. Уже добрых три десятка чашек Петри стояли на окнах, медленно загораясь в то мгновенье, когда в комнате становилось темно. Уже в лягушку были введены добрых три кубика культуры моего вибриона, и, к удовольствию многочисленных свидетелей, она стала походить на тех каменных, прозрачных лягушек, которые продаются в магазинах треста «Уральские самоцветы». Я ввела культуру в вену суслика, и вена стала светиться. Каждая живая ткань начинала светиться, едва я вводила в нее культуру своего вибриона. Почему?

Прошло три года, прежде чем мне удалось, работая в Институте биохимии микробов, найти путь к решению этого вопроса.

СТАРШИНА

Конст. ВАНШЕНКИН

Из далекого Клина
Получил старшина
Телеграмму, что сына
Подарила жена.

На поверку построен
Весь личный состав.
Старшина перед строем
Соблюдает устав.

Старшина вызывает
По списку солдат,
Старшина назначает
На завтра наряд.

А в глазах его что-то
Особое есть.
Сразу чувствует рота
Хорошую весть.

Но нельзя шевелиться:
Дисциплина нужна...
На знакомые лица
Глядит старшина.

В батальоне сыграли
Горнисты отбой...
Город Клин, не пора ли
Повидаться с тобой!

Ведь над городом Клином
Воздух, будто вино,
Голосам соловьиным
Там раздолье дано.

Скрипнут новые двери.
Отпуск — месяц подряд...
«Нужно будет проверить
Завтра утром наряд...»

Свет давно погасили..
Задремал старшина...
Над полями России
Тихо встала луна.

ЦИТРУСЫ В ДАГЕСТАНЕ

Матвей ГРУНИН

Еще им зябко, цитрусам, зимой:
Ведь здесь она суровей и угрюмей.
Ах, как им, бедным, хочется домой,
Туда, на юг, в Колхиду иль в Сухуми!

Вот их в траншеях выстроили в ряд.
И, опасаясь зимних испытаний,
Они, ропща негромко, говорят:
— В конце концов, мы нежные созданья.

Едва зима — мы чахнем на глазах,
К тому же мы тревожимся немножко,
Что вы еще прикажете в Хунзах
Идти на подгибающихся ножках.

Те саженцы и впрямь уже дрожат.
Но вот, как мать, детей не забывая,
Приходит Магомедова Айшат —
В колхозе знают, кто она такая.

Она твердит: — Не вешать головы!
К чему необоснованные страхи!
Да я вполне уверена, что вы
Отлично приживетесь и в Хунзахе.
Я ваших треволнений не пойму.
Вы под защитой нашего колхоза,
А значит, вам страшиться ни к чему
Ни снега, ни метели, ни мороза.
Вы будете от них защищены.
Растите, год от году хорошея.

И вот уже щитами до весны
Накрыты неглубокие траншеи.
А час настал — вдвоем с весной Айшат
Пришла к своим заждавшимся питомцам
Долой щиты! И саженцы спешат
Расправить тельца под апрельским солнцем.

Они окрепнут, становясь взрослей;
Ни стужи не страшась, ни урагана
Они шагнут однажды из траншей
В долины и на взгорья Дагестана.

И знаю я, о давних вспомнит днях
Айшат, когда литые апельсины,
Здесь проходя с ребенком на руках,
Она сорвет для маленького сына.

Новые документы о Юлиусе Фучике

Юр. КОРОЛЬКОВ

22 мая 1943 года в пражской тюрьме гестапо бесстрашный борец с фашизмом Юлиус Фучик сделал запись в своем дневнике:

«Закончено и подписано. Для судебного следователя я «подготовлен» со вчерашнего дня. Похоже, что они немного торопятся. Готовится обвинительное заключение и на Лиду Плаха и на Мирека. Не помогла ему трусость.

У следователя все было корректно и холодно до озноба... С обвиняемыми он ни злой, ни добрый. Он не усмехается и не хмурится. Он функционирует. Вместо крови — вода.

Написано, подписано и разбито на параграфы. Там значится шесть государственных измен, затем заговоры против райха, подготовка вооруженного восстания — не знаю, что там еще».

Теперь, через семь лет после гибели замечательного чешского патриота, мы можем видеть и читать это обвинительное заключение с многочисленными параграфами, педантично размеченными на его полях. Перед нами гестаповское дело Юлиуса Фучика, обнаруженное в немецких архивах.

Год тому назад, разыскивая материалы о советских патриотах, боровшихся с фашизмом в подполье нацистской Германии, я нашел среди развалин здания берлинской полиции на Александерплаце пачку документов в грязно-розовых папках. Здесь были следственные материалы гестапо о Галине Романовой, враче из Днепропетровска, о французе Коэн, о пражском железнодорожнике Франце Хранцовски. Здесь было и много других имен. Люди разных национальностей обвинялись в организации групп сопротивления в фашистской Германии. Я перелистывал одну за другой аккуратно подшитые папки с неизменными грифами «Гехайм!» — «Секретно!» или «Тод!» — «Смерть!». Это были летописи борьбы в изложении самих гестаповцев.

На одной из папок я прочитал: «Судебное дело против Фучика Юлиуса, редактора из Праги». Надпись была сделана чернилами, она поблекла от времени. В первый момент находка ошеломила меня. Глубоко взволнованный, я читал и перечитывал дело. Вот приказ начальнику тюрьмы доставить подсудимых в зал заседаний суда, вот обвинительное заключение, приговор, справка о казни. Нет, не оставалось никаких сомнений: это было гестаповское дело Юлиуса Фучика — автора бессмертного «Репортажа с петлей на шее».

9 июня 1943 года Юлиус Фучик сделал в тюрьме такую запись:

«Моя жизнь, видимо, приходит к концу. Конца я не дописал. Его я не знаю.

Люди, я вас любил! Будьте бдительны!»

Теперь мы знаем достоверно, каков был конец героической жизни Фучика. Конец дописали фашистские палачи, казнившие замечательного патриота в берлинской тюрьме Плетцензее 8 сентября 1943 года.

Вскоре после того, как Юлиус Фучик написал приведенные строки, его перевели в Баутцен, в Саксонию, где он и находился почти до самого суда. 27 июля фашистский прокурор Небель — мы знаем теперь его имя, — проводивший следствие, подписал предварительный текст обвинительного заключения. На всех документах стоят его аккуратно выведенные инициалы вместо подписи...

Через день заключение перепечатали, размножили на ротаторе. Оно датировано 28 июля. Вот начало этого обвинения:

«Главный прокурор при верховном суде. Берлин, 28 июля 1943 г.

Арест!

Подданные протектората!

Обвинительный акт.

1) Редактор Юлиус Фучик из Праги XIX, Флигерштрассе, 11. Родился 23 февраля 1903 г. в Праге, женат, подданный протектората.

В 1931 и 1932 гг. несколько раз привлекался к ответственности. Арестован 24 апреля 1942 г., и с 21 мая 1943 г., на основе приказа судебного следователя в Праге, подвергнут предварительному заключению. Сейчас находится в тюрьме предварительного следствия в городе Баутцен».

Далее перечисляются другие участники по делу Фучика — Лида Плаха и Ярослав Клекан, который предал на допросах Фучика и Лиду Плаха.

Прокурор обвинял:

«Подсудимых Фучика и Клекана в том, что с 1941 года до их ареста они являлись руководящими работниками при восстановлении подпольной коммунистической партии Чехословакии, сотрудничали в создании Центрального революционного совета. Этими действиями они организационно и пропагандистски подготовляли государственную измену, а также содействовали врагам империи.

Фучик, кроме того, незаконно носил оружие.

Подсудимая Плаха помогала Фучику...»

Далее перечисляются предъявленные Фучику обвинения, которые в основном повторяются и в приговоре. В частности, гестаповцы обвиняли Фучика и в симпатиях к Советскому Союзу и в том, что он бывал в нашей стране и написал о ней правдивую книгу.

Гитлеровцы придавали большое значение делу Фучика. Об этом можно судить хотя бы по огромному числу копий всех следственных материалов, которые рассылались различным органам в фашистской Германии. Их отправляли в гестапо, в министерство юстиции, в Чехословакию, именовавшуюся гитлеровцами протекторатом, в штаб военной разведки, в генштаб, министерство авиации.

20 августа 1943 года был намечен день судебного процесса. Его назначили на среду 25 августа в 9 часов утра в первом сенате верховного суда под председательством главного судьи Фрейслера. Теперь из гестаповского дела мы узнаем также имена преступников, приговоривших к смерти Юлиуса Фучика. Это были директор областного суда Шлеманн, отставной адмирал фон Нордек, гаулейтер Амельс, представитель верховного главнокомандования Герцлиб и прокурор Небель.

Палачи торопились расправиться с Фучиком. В мае, тайком от тюремщиков, он писал в своем дневнике: «Состязанию пришел конец. Теперь остается лишь ждать... Это — состязание смерти со смертью. Что опередит: смерть фашизма или моя смерть?.. Сотни тысяч людей — и каких людей! — падут еще, пока оставшиеся смогут дать ответ: я пережил фашизм».

Палачи нервничали. Справка о судебном процессе, подшитая к делу, показывает, как спешно учинили гитлеровцы расправу над чешским патриотом. Вот этот документ:

«1 сенат.

Секретарь Шлеманн.

Следствие против Фучика и других.

Процесс состоялся 25 августа 1943 г. в 9 часов.

Предложения: Против Фучика и Клекана — смертная казнь и лишение чести.

Плаха: Оправдать (нет доказательств о том, что она знала о подпольной деятельности).

Приговор: на основе предложения.

Приговор объявлен 25.8.43 г. в 12.05 часов.

Лидмилу Плаха приказано передать в Гестапо».

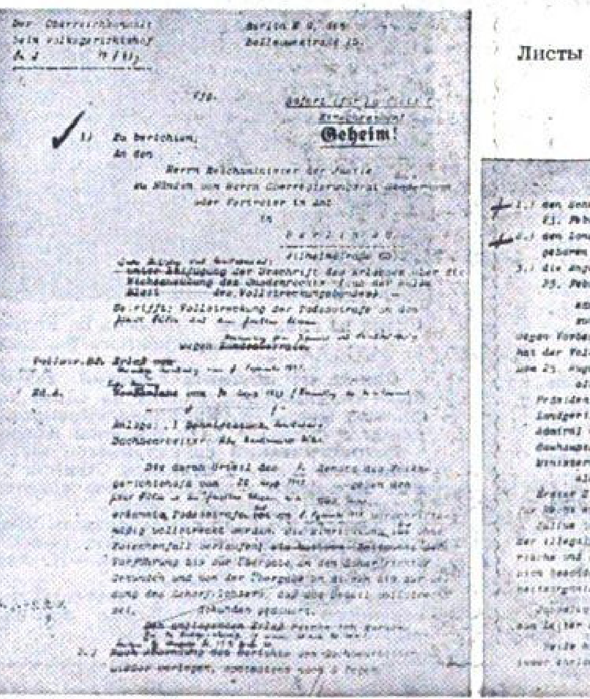
Три часа пять минут длился весь процесс, включая и чтение приговора! Гестаповское дело показывает, что этот приговор подготовили заранее и даже отпечатали на ротаторе. Фашистский суд был только простой формальностью. Но палачи взяли на себя слишком много. Они записали: «Навсегда лишить чести». Как прав был Фучик, когда писал жене из тюрьмы: «Жизнь у нас могут взять, не так ли, Густина? Но нашу честь и нашу любовь не могут».

Даже в самом обвинительном заключении, в приговоре палачи невольно вынуждены были говорить о несгибаемой воле Фучика, о его бесстрашной, самоотверженной борьбе с фашизмом, о борьбе до последнего, смертного часа. Даже в протокольном перечислении «преступлений» Фучика, сделанном бесстрастным чиновником, встает могучая фигура борца с фашизмом.

«Фучик, подданный протектората, чешской национальности, — пишут фашистские судьи в своем приговоре, — был известен в Чехословакии как образец коммуниста «прекрасной души». Он являлся членом КПЧ и был дважды в Советском Союзе. Один раз примерно в течение двух лет. О Советском Союзе он написал пропагандистскую книгу, которая была хорошо известна в Чехословакии.

После включения Богемии и Моравии как протектората в состав Германской империи он дважды отказывался от предложения руководителей чехословацкой компартии эмигрировать. Опасаясь быть арестованным, он несколько месяцев не покидал своей квартиры и сам не открывал двери, когда раздавался звонок. Не выдержав жизни в одиночестве, он пошел в клуб художников, где всегда бывало много писателей и политиков с коммунистическими взглядами, и стал разыскивать единомышленников. Здесь он встретил Крейчи — одного из главных руководителей подпольной КПЧ — и предложил ему свое сотрудничество.

С Крейчи он имел еще несколько встреч. Потом связь временно прервалась. С помощью врача-коммуниста Недведа Фучик снова восстановил эту связь. Теперь он получил задание работать в организации интеллигенции, которая ставила себе целью восстановле-

Листы из гестаповского дела Юлиуса Фучика.

ние Чехословацкой республики. Это задание Фучик выполнял с большой настойчивостью и имел много встреч с руководителями подпольной коммунистической партии и руководителями групп интеллигенции. При встречах он строго соблюдал правила конспирации, всячески предохранял себя от неожиданностей и предательства. Порой он организовывал эти встречи в квартирах, которые готовили для этого,— например, квартиру коммуниста-трамвайщика Елинека или квартиру Баксовой».

В гестаповском деле подробно рассказывается о деятельности Фучика по организации групп сопротивления среди чехословацкой интеллигенции.

«Группы интеллигенции,—указывается в приговоре,— надо было снабжать пропагандистским материалом. Для этой цели Фучик передал Клекану рукописи нелегальных газет, пропагандистские речи, как, например, выступления на славянском конгрессе в Москве, а также нелегальные газеты — «Руде право» и другие, со статьями, написанными самим Фучиком...

Кроме этой важной деятельности, Фучик занимался и другой коммунистической работой».

Далее в приговоре сказано:

«Крейчи при одной из встреч передал Фучику новое задание — наряду с руководством группами интеллигенции стать редактором подпольной газеты Центральной Моравии «Правда». При этом он должен сотрудничать с функционером Яном Выскочилом, который проживал под фамилией Тонда Едличка, а также с бывшим редактором «Руде право» Станиславом Брунциком.

Еще в июле 1941 года Фучик через врача Недведа получил сообщение, в котором указывалось, что он должен явиться для встречи к гостинице «Славия» в Праге — Подол. Здесь он встретился с бывшим районным руководителем подпольной КПЧ Яном Зикой. Они договорились снова встретиться в августе 1941 года. На эту встречу явился бывший редактор Карл Валес, который работал связным центрального руководства.

Фучик имел еще шесть встреч с Валесом. Валес информировал его о том, что создано руководство Центрального революционного совета, который ставит своей задачей координировать работу всех чешских подпольных групп сопротивления. Далее Валес сообщил Фучику, что в помощь ему назначен новый сотрудник. В конце сентября или в начале октября Валес устроил встречу обвиняемого Фучика с Клеканом в квартире знакомой ему Анны Ирасковой. Клекан был уже обо всем осведомлен, и Фучик дал ему указания, касающиеся дальнейшей работы.

В октябре 1941 г. Фучик написал статью о русской революции, которую должны были опубликовать в годовщину революции.

В материалах, которые Фучик передал Клекану, содержалось указание по пропагандистской работе среди интеллигенции и задание основать специальную газету для интеллигенции под названием «Творба».

В октябре и ноябре 1941 года Фучик имел еще две встречи с Зикой и рассказывал ему о подпольной работе в группе врачей. Зика дал новые инструкции и передал Фучику для группы врачей выступление Сталина. В дальнейшем связь с Зикой была временно прервана, и Фучик решил продолжать работу самостоятельно. В ноябре и начале декабря он два раза встречался с Выскочилом и передал ему старое поручение Зики о руководстве организацией «Солидаритет», созданной для поддержки родственников арестованных товарищей».

«Фучик,— продолжают его фашистские судьи,— вел подготовительную работу среди интеллигенции для создания фронта солидарности, который должен был помогать не только родственникам арестованных товарищей из группы интеллигенции, но также и всем членам семей арестованных товарищей из единого фронта. Это означало, что восстанавливалась «красная помощь» для единого фронта.

Перед рождеством Фучику удалось встретиться с Зикой. С этого времени и до своего ареста подсудимый имел постоянную связь с Зикой и Выскочилом. По поручению Зики Фучик писал статью для «Руде право» о Ленине. После того, как Зика просмотрел статью, Фучик передал ее через Клекана в группу врачей...

В марте 1942 г. Зика передал Фучику задание создать архив подпольных изданий, выяснить, кто издает нелегальную газету под названием «Руда фронта», а также добыть оружие.

В апреле 1942 г. Фучик по поручению Зики редактировал проект первомайского обращения и сам написал небольшую статью.

От Выскочила Фучик узнал, что тот имеет собственный аппарат для размножения листовок. Поэтому в ноябре 1941 г. Фучик передал ему для размножения выдержки из речи Сталина, полученные от Зики, а в 1942 г.— обращение Центрального революционного совета.

В дальнейшем, в связи с возрастающими случаями арестов, Фучик получил распоряжение вооружиться, чтобы в случае надобности можно было оказать сопротивление».

Обстоятельства ареста Фучика описываются в приговоре так:

«Фучик был арестован в квартире Елинека во время свидания. Он имел при себе два заряженных пистолета. Хотел было стрелять в полицейских, но потом отложил пистолеты. Фучик сделал это потому, что полицейские занимались другими присутствующими и повернулись к нему спиной, а он считал нечестным стрелять в спину. Во время ареста Фучик имел при себе два пистолета и 18 патронов».

«Надо считать,— заключает приговор,— что Фучик являлся одним из главных сотрудников предохранительной сети, созданной вокруг Центрального Комитета КПЧ. Как высоко его ценили в руководстве КПЧ, видно уж из того, что ему сообщили о том, что он выдвинут депутатом в новый парламент и что это выдвижение утверждено. Он знал, чем он занимается. Он знал также, что его государственная измена причиняет тяжелый урон боевым силам нашей империи в тотальной войне. Поэтому его нужно наказать за совершенные действия смертной казнью».

Судебное дело Юлиуса Фучика проливает свет на то, каким образом гестаповцам удалось выяснить детально почти всю подпольную деятельность Фучика. Арестованный вместе с ним Ярослав Клекан находился в курсе всей подпольной работы и после первого же допроса выдал имена подпольщиков, раскрыл явки, одним словом, рассказал все, что знал.

Все, кого только знал Клекан, вскоре были арестованы гестапо. Встретив их на допросах, Фучик понял, что подпольную организацию предал его связной Клекан, которого, однако, трусость и предательство не спасли от смерти.

Чехословацкие патриоты, во главе с коммунистической партией сражавшиеся против фашизма, понесли огромные потери. За шесть лет борьбы сменилось пять составов Центрального Комитета компартии Чехословакии. Первый состав ЦК был арестован в феврале 1941 года. Из всех членов ЦК уцелел только один Зика. Он вместе с Фучиком и Черным вошел в новый состав ЦК, который был разгромлен гестаповцами в апреле 1942 года. Но гестапо так и не узнало, что сам Фучик был членом Центрального Комитета КПЧ.

Компартия Чехословакии в борьбе с фашизмом потеряла 25 тысяч своих лучших сынов, 42 члена ее ЦК погибли в фашистских застенках, среди них и Юлиус Фучик.

В конце гестаповского судопроизводства о последнем часе Фучика сохранилась стандартная справка, наспех заполненная каким-то чиновником. В ней сообщалось:

«Главный прокурор верховного суда.

Берлин, 14 сентября 1943 г.
Срочно (для канцелярии)
Секретно!

Доложить господину министру юстиции, главному советнику господину Ульриху или его заместителю.

По делу об исполнении смертных приговоров против Юлиуса Фучика и Ярослава Клекана, за подготовку к государственной измене и содействие врагам.

Исполнение: На основе устного распоряжения 7 сентября 1943 г.

Ответственный за исполнение: первый прокурор Небель.

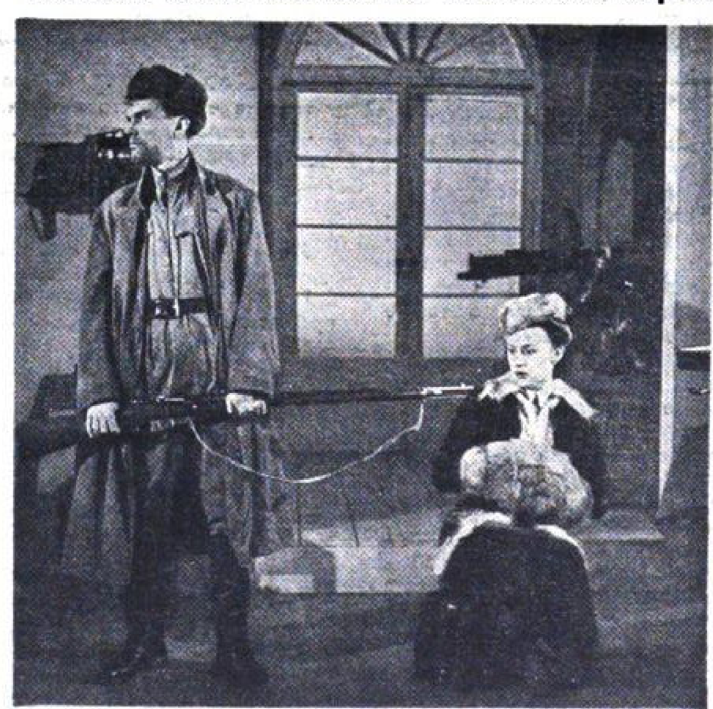
Приговор вынесен 1 сенатом верховного суда 25 августа 1943 г. по делу Юлиуса Фучика и Ярослава Клекана. Оба из Праги. Приговор согласно предписанию приведен в исполнение 8 сентября 1943 г. Казнь произошла без инцидентов».

* * *

Так погиб чешский патриот и коммунист, верный и преданный друг Советского Союза Юлиус Фучик. Борьба Юлиуса Фучика, борьба всего чехословацкого народа с помощью Советской Армии завершилась полной победой—установлением народной демократии. Тяжелые жертвы были понесены не напрасно. Чехословацкая республика пошла по социалистическому пути, который прокладывали погибшие герои.

В Чехословакии учрежден «значок Юлиуса Фучика» для молодых строителей демократической республики. Имя и подвиг Фучика стали символом юности и светлого будущего чехословацкого народа.

ПЬЕСА о С. М. КИРОВЕ НА ПРАЖСКОЙ СЦЕНЕ

Сцена из спектакля «Крепость на Волге» И. Кремлева в Театре государственного фильма в Праге.

Одним из крупных событий театральной жизни Праги была недавняя постановка на сцене Театра государственного фильма пьесы И. Кремлева «Крепость на Волге» — произведения о славных днях обороны Астрахани в 1919 году.

Патриотический сюжет пьесы, выведенные в ней образы соратника и друга великого Сталина С. М. Кирова и героически боровшихся вместе с ним советских людей обеспечили спектаклю огромный успех.

Режиссер О. Гаас сумел создать убедительное и жизненно-правдивое сценическое произведение. В роли С. М. Кирова выступил Ф. Ганус, Астахова — Н. Хвалина, Ванечки, секретаря Кирова,— Р. Дейль.

Это вторая постановка советской пьесы в Театре государственного фильма: пражские зрители видели уже здесь «Победителей» Б. Чиркова.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Доктор исторических наук
Н. Н. ВОРОНИН

В степях Хакассии возвышаются огромные каменные насыпи. Их называют чаатасы — «камень войны». Раскопки советских археологов раскрыли тайну чаатасов. Это могилы кыргызской знати VI—VIII веков. В могильниках были найдены драгоценные изделия кыргызских ювелиров (см. рисунок заголовка и в тексте). Это — одно из последних крупных открытий.

Советские археологи, вооруженные марксистско-ленинской методологией, планомерно умножают коллекции предметов материальной культуры — источников, освещающих узловые проблемы древней истории СССР. Археологические открытия ежегодно обогащают науку выдающимися памятниками древности. И не случайно, что среди советских ученых, увенчанных в этом году высшей наградой—Сталинской премией,—как и в прошлые годы, видное место занимают археологи. В рядах славных представителей передовой науки мы находим новые имена: Сергея Владимировича Киселева, Татьяны Сергеевны Пассек, Алексея Павловича Окладникова. Тесно связаны с археологией и два других лауреата: Валериан Иннокентьевич Громов и Михаил Михайлович Герасимов.

Древности Сибири привлекли к себе внимание свыше 200 лет назад: их начали собирать еще при Петре I. В музеях росли собрания разнообразных случайных находок. Но весь этот материал был нем: дореволюционная наука не могла исторически осмыслить накапливаемые археологические факты. Сибирь казалась буржуазным ученым страной «извечной первобытности» и «отсталости».

Советские археологи не только систематизировали и подвергли критике весь старый материал, но и неизмеримо обогатили его. Крупных успехов добился С. В. Киселев: за 20 лет его экспедиционной деятельности (1927—1947 годы) фонд археологических находок в Южной Сибири удвоился.

Благодаря точности и мастерству методики раскопок этот новый материал отличался от собранного прежде своей научной документальностью: вещи получали точный хронологический и топографический «паспорт», становились полноценным историческим источником. Ученый заставил «заговорить языком истории всю массу сибирских древностей». Они-то и легли в основу его капитального труда «Древняя история Южной Сибири», удостоенного Сталинской премии.

Можно сказать, что это награда не только за самую книгу, но и за многосложный, 20-летний труд, который Киселев начал еще молодым ученым: Сибири посвящена его кандидатская диссертация; Сибирь стала темой его научной деятельности.

Автор воссоздал историю Южной Сибири от конца III тысячелетия до нашей эры и до XII века нашей эры. Чтобы написать это гигантское историческое полотно, обнимающее развитие общества от каменного века до образования средневековых государств, нужно было всесторонне знать археологию Старого Света и включить в изучение труднейшие письменные источники — памятники местной орхоно-енисейской рунической письменности, китайские летописи. Всем этим Киселев блестяще овладел, построив свой труд на солидном фундаменте всех видов источников.

Киселев развеял в прах вымышленный расистской лженаукой миф об «извечной застойности» и «первобытности» народов Южной Сибири, миф о том, что «двигателями прогресса» здесь якобы являлись чужеземные завоеватели. Прослеживая шаг за шагом историю важнейших районов Южной Сибири — Саяно-Алтая и Минусинской котловины, — Киселев вскрывает непрерывность этой истории и органическую связь этапов культурного роста местных племен — далеких предков современных народов Сибири. В этом глубоко самостоятельном процессе не остается места для порожденных реакционной историографией пришлых «народов-господ».

Прошлое Южной Сибири предстает перед нами во всем своем своеобразии, со многими живыми подробностями быта. Киселев устанавливает, что еще в раннюю пору бронзовой эпохи — во II тысячелетии до нашей эры — рядом со скотоводством возникает земледелие, совершенствуется металлургия, ширится обмен между районами, заселяется Минусинская котловина.

В следующем тысячелетии производительные силы поднимаются на новую ступень: крепнет земледелие, прокладываются разветвленные оросительные системы; бронзовая индустрия достигает большого мастерства, создавая подлинно художественные изделия; развивается производство железных орудий труда и оружия; важной отраслью хозяйства кочевых, скотоводческих районов становится коневодство.

В это же время родовой строй дает трещину: выделяется племенная знать. О ней позволяют судить монументальные могильные сооружения — курганы, поражающие пышностью погребального ритуала. Огромный интерес представляют могилы вождей, раскопанные советскими учеными С. И. Руденко и М. П. Грязновым на Алтае, в урочище Пазырык. В погребальных камерах, вырытых в слое вечной мерзлоты, сохранились в полной неприкосновенности саркофаги с телами вождей, пышно убранные кони в масках с золотыми оленьими рогами, драгоценные ткани и узорчатые седла, чудесные произведения местного искусства.

Золотые сосуды на серебряном блюде (Копёны. VIII век).
Раскопки С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой

Киселев показывает, как в сложной международной обстановке, когда в Центральной Азии складывается государство хуннов, а Китай начинает наступление на Среднюю Азию, племена Южной Сибири подходят к грани классового общества.

Заключительная часть труда посвящена истории Южной Сибири в первом тысячелетии нашей эры. Автор воскрешает сложный процесс формирования алтайских тюрок и енисейских кыргызов, возникновение и историю каганата тюрок и кыргызского государства. Он обнажает скрытые экономические пружины становления государственности и ее своеобразие на Алтае и Енисее.

Особенно ярка, красочна и многогранна культура кыргызов, создавших свое государство на основе высоко развитого ремесла и плужного, ирригационного земледелия. Ученый показывает преемственную связь культуры кыргызов с культурой их предшественников, быстрое развитие и расширение земледельческих районов, появление земельной собственности и установление господства местной знати и аристократии.

В эту эпоху необычайно расцветают ремесла, преимущественно обработка железа: оружие, выкованное кыргызскими мастерами, столь совершенно, что им вооружается армия китайского императора. Кыргызское искусство достигает высокого уровня. Обмен связывал государство кыргызов с отдаленными областями Азии, с Тибетом, с арабами. К VIII веку появляется кыргызская руническая письменность.

Значение труда С. В. Киселева выходит далеко за пределы древней истории Сибири. Выдающийся знаток археологии Старого Света, он сопоставил сибирские памятники с евразийскими.

Важнейший итог его исследований—установление мощного культурного взаимодействия племен и народов Южной Сибири с племенами и народами Кавказа, Средней Азии и Восточной Европы, установление в далеком прошлом прочных связей между народами нашего отечества. Автор не раз отмечает это единство — и в эпоху бронзы, и в скифо-сарматский период, и в позднейшую пору, когда на юге Сибири складывались своеобразные формы культуры и государственности тюрок и кыргызов.

Оценивая эти черты общности, С. В. Киселев справедливо подчеркивает глубокую историческую связь древности с современностью. «В наше время,— говорит он в заключение,—на Енисее и Тянь-Шане кыргызы-хакасы вновь соединили свои силы в построении союза свободных народов с потомками тех, кто в далекие времена на севере и юге, на востоке и на западе нашей страны закладывал первые камни великого тысячелетнего единства».

Поэт горного Таджикистана

В начале первой сталинской пятилетки, когда таджикский народ только приступил к строительству знаменитой гидростанции в Вахшской долине и, усмиряя бешеную горную реку, возводил надежную плотину, среди комсомольцев на стройке выделялся своей самоотверженной работой юноша-горец Мирсаид Миршакар, житель далекого кишлака Поршинева, Горно-Бадахшанской автономной области. Работая на рытье котлованов, он стал комсоргом и редактором газеты для молодежи. Здесь, на стройке, были опубликованы его первые юношеские стихи о радости освобожденного труда.

Теперь Мирсаид Миршакар — один из передовых писателей советского Востока. На цветущих плантациях таджикских колхозов распевают его песни. Стихи и сказки этого первого детского писателя-таджика заучивают в школах. Из далеких горных кишлаков спускаются старики послушать красочную повесть поэта о сегодняшнем, советском Таджикистане, повидать картины «Золотого кишлака» — его поэмы, инсценированной в театре.

Небольшой сборник стихов и поэм Мирсаида Миршакара, вышедший в Москве в издательстве «Советский писатель»,— это исполненный советского патриотизма поэтический рассказ о новых людях горного Таджикистана, об их героическом труде на «Крыше мира», как называли некогда неприступный Памир.

Здесь, в горах, до революции находилась провинция эмирской Восточной Бухары — край предельного социального бесправия, потрясающей нищеты и горького бессилия человека перед суровой природой. Гонимые нуждой, с жадной мечтой о лучшей человеческой доле, горцы искали счастье в далеких плодородных долинах или уходили в ущелья добывать драгоценный рубиновый камень — «красу для храма и дворца — кровь, заключенную в кристалле». Но поиски неизменно оставались тщетными. Горец был обречен на тяжелую долю батрака у бая либо на полуголодное существование в захолустном городке Средней Азии.

«Они возвращались нищими, чтоб умереть в родном гнезде, но дети с упрямой верой повторяли судьбы отцов, и так создавались в горах Памира прекрасные, печальные песни странствий, — «гариби» — народные стихи, не имеющие себе равных по грустной силе скорбного напева»,— пишет А. Адалис в своей вступительной статье к сборнику. Как горестное воспоминанье, звучит эта тема в жизнеутверждающей поэзии Миршакара, органически сочетающей в себе традиции песенно-народного творчества и новаторство советского поэта.

Трагически звучит в поэме «Люди с крыши мира» рассказ старика-жунганца о том проклятом времени, когда горец-таджик «родину своей назвать не смел».

Эту родину вместе с жизнью и свободой дала таджику Великая Октябрьская социалистическая революция.

В неторопливой речи «древнего, медленного» старика в поэме Миршакара «Ключ к счастью» оживает старинное таджикское предание о забытых, утерянных волшебных словах — ключе к сокровищнице гор. Тщетно тысячелетиями искал человек эти заветные слова, пытаясь добраться до «сердца пламенного скал, где счастья тайная руда». Подлинное счастье открылось посланцу таджикского народа в отеческом взоре вождя, при встрече великого Сталина с народными избранниками в Кремле:

И говорил орлиный взор:
«Крепись, памирец!
В недрах гор
Грядущее твоей страны...
...Крепись, памирец. Ты — могуч.
Бессилен камень. Воля — ключ».

Перед целеустремленной волей трудового народа раскрылись несметные богатства памирских недр.

В жизненно-правдивых образах поэзии Миршакара, в живых речах его героев мы узнаем нынешние черты характера таджикского народа — открытую и мужественную душу трудолюбивого горца, ставшего за годы советской власти покорителем природы. Большая заслуга поэта состоит в том, что он в национальных формах своей поэзии раскрывает социалистическое содержание культуры и труда освобожденного народа.

Дарование Миршакара ярко сказалось в его лучшей поэме «Золотой кишлак».

Из поколения в поколение переходила легенда о скрытой в неприступных горах земле, где человеку покорны зима и лето, камень и вода.

Там братья все, там злобы нет следа.
Там, как мужчина, женщина горда.
Никто не хочет избежать труда:
Не потрудившись — не вкусишь плода!

Соблазненные легендой, бедняки-горцы и вправду уходили на поиски этой заветной земли, находя подчас смерть на безвестных горных тропах. Так ушли из своей развалившейся землянки и братья в поэме Миршакара «Золотой кишлак». По каменистым тропам они проходили край за краем, нанимались в батраки за корку хлеба, стерегли чужую баранту, побирались в чайханах; оборванные и нищие «как дервиши входили в города».

И всюду, проходя за далью даль,
Одну и ту же видели печаль,
Одну и ту же горе-нищету,
Одну и ту же суету-тщету.

Они состарились в пути. Умер старший брат. Младший жил в пещерах — «стал коршуна голодного худей». И вот, когда последние силы подходили уже к концу, однажды на рассвете младший брат вдруг увидел сквозь туман сказочно-прекрасное, утопающее в плодоносных садах горное селение, окруженное полями белоснежного хлопка. Оно было залито ослепительным электрическим светом. Но это был не легендарный Золотой кишлак, а его собственное родное селение, преображенное дружным колхозным трудом его односельчан. Хозяевами своей судьбы стали люди кишлака. Родной сын, которого с трудом узнает странник, обратился к изможденному скитаниями отцу:

— Ты двадцать лет отсутствовал, ата!
Тобой владела древняя мечта...
...Но счастья нет готового нигде,
Ни на земле, ни на другой звезде...
...Ты — у себя... Все то, что видишь здесь:
Гирлянды роз, и этот хлопок весь,
И каждый плод, и каждый новый дом —
Добыты нашей волей и трудом...
...Был труден каждый шаг,
Не весь достроен Золотой кишлак,
Но в ясный край мы знаем путь прямой...

Древняя мечта народа, воплощенная в социалистической действительности, стала содержанием жизненно-правдивой поэмы Миршакара, глубокой по своей идее, стройной по композиции, написанной образным, точным народным языком, лишенным, как почти вся поэтическая речь Миршакара, экзотической цветистости и традиционно-восточных литературных «украшений». Читатель чувствует эти характерные особенности выразительного стиха Миршакара и в переводном тексте.

Можно пожалеть, что в сборник не включена поэма «Непокорный Пяндж», в которой советский Таджикистан ярко противопоставлен поэтом ограбленному англо-американскими колонизаторами Востоку. За эти две лучшие поэмы — «Золотой кишлак» и «Непокорный Пяндж» — Мирсаид Миршакар удостоен в нынешнем году Сталинской премии.

Н. ВЕНГРОВ

Мирсаид Миршакар. СТИХИ И ПОЭМЫ. Перевод с таджикского. Издательство «Советский писатель». 1949. 87 стр. Цена 4 р. 50 к.

Путешествие за три моря

Имя португальского мореплавателя Васко да Гама, наряду с именами Колумба и Магеллана, известно каждому грамотному человеку. О португальце, «открывшем» сказочную «страну чудес» — Индию, написано немало научных трудов, монографий, романов и повестей. Но немногие знали о том, что задолго до его путешествия, как и до открытия Колумба и Магеллана, в Индии побывал наш соотечественник — тверской купец Афанасий Никитин,— оставивший потомству ценные записки о своем «хожении за три моря».

Сто с лишним лет назад эти записки обнаружил историк Карамзин. Они поразили его. «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших описанных европейцами путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века»,— писал Карамзин. Он подчеркивал, что индусы услышали о России «прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже путешествовал по берегу Малабара».

Путешествие Васко да Гама принято считать делом героическим. Внешне оно таким и выглядит: корабли португальцев шли по неведомому океану в невиданные страны. Но Васко да Гама и его спутники были превосходно по тому времени оснащены и вооружены, а Никитин двигался в одиночку, безоружный и без всяких средств, так как его на первом же этапе пути ограбили разбойники. Несомненно, Никитину пришлось проявить во много раз больше смелости, отваги и находчивости, чтобы зачастую пешком преодолеть гигантские расстояния и неимоверные трудности и опасности путешествия.

Он вышел из Твери летом 1466 года, спустился по Волге к Каспию, пересек море, побывал в Дербенте, Шемахе, Баку, добрался до северного побережья Ирана, прошел всю страну и в начале 1469 года достиг морем Индии.

Он уехал оттуда только в 1472 году, за двадцать лет до открытия Америки. Утлое суденышко, на котором возвращался Никитин, было занесено ветрами к восточным окраинам Эфиопии, а затем, держась берегов Аравии, достигло острова Гурмыз (Ормуз). Никитин избрал для возвращения на родину новый путь — через Малую Азию: дошел до Трапезунда на Черном море, пересек его, пристал к Балаклаве, затем к Гурзуфу, потом к Кафе (Феодосия), принадлежавшей тогда генуэзцам, и отсюда уже двинулся на родину. Поднявшись по Днепру до Киева, он продолжал свой путь, но дальше след Никитина теряется. Летописец кратко отметил, что Афанасий, «Смоленска не дошед, умер».

Три года спустя русские купцы, ехавшие в Москву из Литвы, привезли с собой толстую тетрадь Никитина. Она попала в руки великого князя Ивана III Васильевича, и, очевидно, по его же приказу известие о столь необыкновенном событии — путешествии русского человека в далекую, загадочную Индию — было занесено в летопись 1475 года.

Никитин пробыл в Индии около четырех лет. Простой русский человек видел в индусах не дикарей, которых могли угнетать белые люди, а в Индии — не страну, чьи богатства принадлежат тому, кто первый из белых людей ее «нашел». Для Никитина это была чужая земля, и населяли ее такие же, как и он сам, простые люди, нравы и обычаи которых следовало уважать. Он был не открыватель, а гость в прямом и в переносном смысле слова: «гостями» на Руси в средние века назывались торговые люди — купцы. Старинная русская пословица «Гость недолго гостит, да много видит» как бы прямо относится к любопытному и наблюдательному тверскому купцу, увидевшему Индию не извне, а изнутри.

По незнатному положению своему Никитин общался с купцами, ремесленниками, и потому записки его являются едва ли не единственным свидетельством очевидца о тяжкой жизни индусов. «Сельские люди очень бедны, — писал он,— а бояре богаты и роскошны». Все симпатии русского путешественника были на стороне народа; в его лице индусы увидели настоящего друга, и, как пишет Никитин, «они не стали от меня таиться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах».

Везде простому человеку чинят притеснения, всюду обижают его — вот к какому выводу приходит Никитин в результате своих странствий. Не лучше обстоит дело и на Руси. И у бояр русской земли тоже не найдешь правды. Но эти мысли Никитин высказывает не прямо, а зашифровывает их: он пишет на особом языке, представляющем смесь многих восточных языков. К этому шифру ему приходится прибегать в тех случаях, когда мысли его становятся «еретическими», запретными.

Таковы рассуждения Афанасия Никитина о сильной и могучей, единой Руси. В годы странствований Никитина Русь состояла еще из разрозненных княжеств, но мысли о единстве страны уже жили в умах передовых современников. По запискам Никитина можно судить не только об остроте его наблюдений, о любви к родной земле, но и о широте его политических взглядов.

Подлинной поэзией веет от бесхитростных записей путешественника, когда он рассказывает о своей тоске по родине. В Индии он не спит ночами и глядит на звезды, которые хотя и те же, что светят на небе родного края, но стоят совсем по иному. Прекрасна индийская страна, обильна земля Турции, дешева жизнь в Волошской земле (в Румынии), рассказывает Никитин. Он вспоминает Ормуз и Бахрейнские острова, Джидду, Баку и Египет, города Ирана, Вавилон (Багдад), Дамаск, Алеппо... И все же ничего не может быть лучше родины. «Русскую землю бог да сохранит, — пишет Никитин. — На этом свете нет страны подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Но да устроится Русская земля и да будет на ней справедливость».

Эту восторженную хвалу родине, эту мечту об устроении русской земли и грядущей справедливости Никитин также высказывает не по-русски, а на диковинной смеси арабского, персидского, турецкого и русского языков.

К небольшой книге М. Виташевской приложена полная запись Афанасия Никитина, переведенная на современный нам язык Н. Чаевым, и читатель может познакомиться с этим замечательным документом.

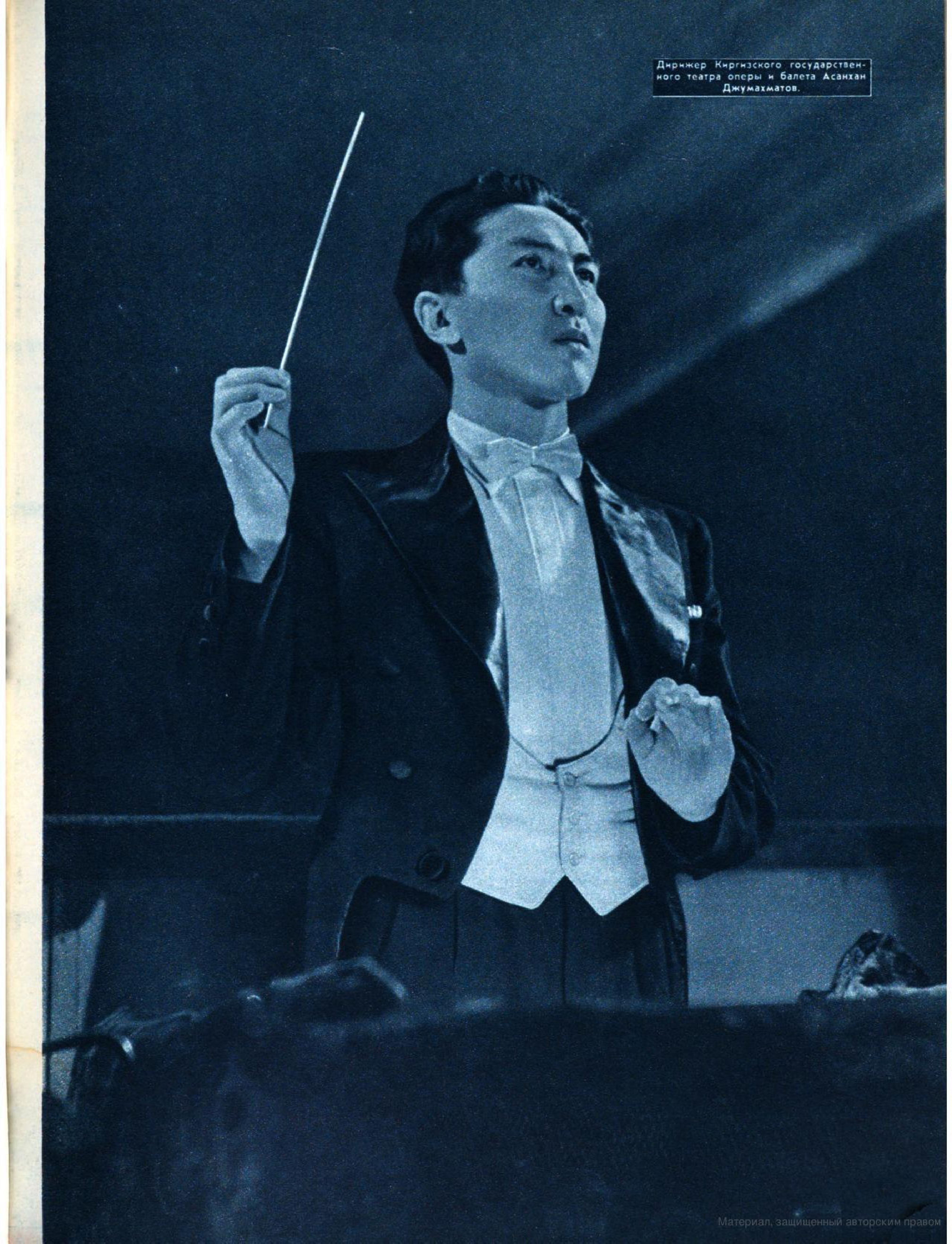
Автор книги как бы раздвигает тесные рамки никитинской записи, вводя живые зарисовки русской жизни XV века, описывая тогдашнюю Русь, совершая экскурсы в средневековую историю стран Ближнего и Среднего Востока.

Книга о хождении за три моря сочетает в себе два важных достоинства: научность и популярность. Автор широко использует подлинные записки нашего путешественника, язык которых звучит сегодня несколько архаически. Но эти извлечения из тетради Никитина, порою весьма значительные, введены в ткань повествования умело и тактично. Они нисколько не затрудняют чтения и в то же время придают тексту книги особый колорит, помогающий читателю почувствовать дух времени, когда создавал свои записки замечательный русский путешественник.

Следует посетовать, что Географгиз отнесся к выпуску такой ценной книги весьма небрежно: плохая бумага, серая печать, слепые, нечеткие концовки и заставки. Достойно сожаления, что издательство поскупилось и на иллюстрации — в книге нет ни одного рисунка, а их не так уж трудно было бы отобрать из богатого материала, раскрывающего облик средневековой Руси и Индии XV века.

Иван СЕРГЕЕВ

М. Виташевская. ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ТРИ МОРЯ АФАНАСИЯ НИКИТИНА. Географгиз. 1949. 120 стр. Цена 2 р. 25 к.

Дирижер Киргизского государственного театра оперы и балета Асанхан Джумахматов.

Лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета СССР, народный артист СССР А. А. Хорава.

Фото Г. Вайля

АРТИСТ ГЕРОИЧЕСКОГО ТЕАТРА

При имени Акакия Алексеевича Хоравы, выдающегося артиста грузинского театра, перед глазами встает образ мощного, широкоплечего человека. Природа, как скульптор, изваяла его могучую фигуру. Все крупно в облике и движениях Хоравы. Крылатый жест рук, величественная осанка, упругая, пружинистая походка. У Хоравы густой, звучный голос; его взгляд энергичен и пристален. Видя Хораву в жизни, сразу думаешь о нем, как об актере, чье назначение — героические роли на сцене.

И в самом деле, что бы ни играл Хорава в спектаклях Театра имени Руставели, он всегда героичен, монументален, патетичен. И при всем том никогда не чувствуешь, что Хорава оторван от живой правды и парит где-то в заоблачных высотах. Его героика напоена соками земли, полнокровна, почвенна. Хорава никогда не отрывается от реальной обстановки, будь то легендарная старина или современная, советская действительность. Он признает только ту героику, которая крепкими узами связана с чаяниями и думами народа.

Еще в 1936 году Хорава в своих «Мыслях о героическом театре» писал: «Героическое я отнюдь не отождествляю с исключительным, редко случающимся, наоборот, именно героические будни являются, должны являться главной темой нашего театра. Но будни, в которых будничное не скрывает героического...» И далее: «Нам нужен героический театр! В этом театре каждый зритель должен почувствовать величие нашей эпохи и ее лучших людей...»

Такой возвышенный взгляд на театр Хорава осуществляет и в своей артистической практике. Его лучшие роли как бы высечены резцом. Даже не зная грузинского языка, покоряешься силе выразительного таланта Хоравы, огню его темперамента, разнообразию оттенков его сценических интонаций.

Образы Хоравы — всегда законченные человеческие характеры. «Действующие лица» Хоравы всегда динамичны; он хорошо помнит, что театр есть действие. Не созерцательность, а движение, не покой, а порыв — вот стержень игры Хоравы.

В обширном круге ролей Хоравы прежде всего отмечаешь его выступления в пьесах грузинских драматургов. Вспоминаешь партизана Анзора в драме «Анзор», переделанной Сандро Шаншиашвили из пьесы «Бронепоезд 14—69» Вс. Иванова. Уже не Сибирь, а Дагестан служит местом действия этого эпизода гражданской войны. Не Вершининым, а Анзором именуется предводитель партизанского отряда, но суть образа от этого не меняется. Только у Хоравы дагестанец в противовес неторопливому сибиряку сверкает, как молния, и, точно горный обвал, обрушиваются партизаны Анзора на врагов.

Вслед за Анзором — Арсен, герой крестьянского восстания первой половины XIX века. Какая сложная и вместе с тем какая понятная для всех разработка роли! Здесь гармонично сочетались ум, воля, сердце. В игре Хоравы то пушкинское «упоение в бою», то нежность любовных песен, то поступь богатыря.

И еще значительнейший исторический образ Георгия Саакадзе, переносящий нас в Грузию XVI—XVII веков. Любовь к родине, ненависть к иноземцам-захватчикам, проницательность государственного деятеля, талант полководца, тонкость дипломата — все это поэтически прочувствовал и понял Хорава, и все это он сумел уравновесить, придав драме о Саакадзе эпическую завершенность.

А. А. Хорава в роли Анзора.

В роли генерала Муравьева.

В роли Ивана Грозного.

Когда Театр Руставели решил поставить драму В. Соловьева «Великий государь», посвященную Ивану Грозному, не могло быть никакого сомнения, что Грозного должен играть Хорава. И образ Грозного стал одним из ярчайших созданий Хоравы.

Вот сцена в шатре на берегу Варяжского моря, за выход к которому борется великий государь. Кольчуга облекает царя-воина. И, смотря на Хораву, слушая его властную речь, кажется, что слышишь звон мечей только что отшумевшей битвы. А в последующих картинах, где Грозный — и великий государь, и дипломат и, наконец, разгневанный отец,— сколько самых различных переходов и вместе с тем какая скупость, лаконичность, как все заковано в броню внешне сдержанной, а внутренне раскаленной игры!

Не раз Хорава выступал и в современных пьесах русских и украинских драматургов. Платон Кречет в пьесе Корнейчука, капитан Берсенев в «Разломе» Лавренева нашли в лице Хоравы умного, искреннего и тонкого исполнителя. Но самым значительным образом в этом ряду советских людей был генерал Муравьев в пьесе Чирскова «Победители». Вот где Хорава убедительнейше сочетает героическое начало со скромностью и простотой внешних средств выражения! Созданный им образ военачальника великой сталинской школы покоится на подлинном знании жизни и на глубоком чувстве действительности. Мысль, сосредоточенная на решении стратегических задач, — зерно образа.

Особенно отчетлива сцена, когда Муравьев хочет раскрыть генералу Кривенко величие стратегического плана Верховного Главнокомандующего. В штабной комнате расставлены схемы, скрытые шелковыми занавесями. Сильными движениями откидывает их Хорава одну за другой. И в каждом его жесте сквозят уверенность в победе, энергия, ум. Зрителю ясно: с такими генералами нельзя не победить, Муравьев — это действительно один из тех, кто овладел гениальной сталинской наукой победы.

Актер трагический и героический, Хорава должен был рано или поздно попробовать свои силы и в трагедиях Шекспира. И здесь Хорава оказался на высоте. Его Отелло по справедливости войдет в историю самых совершенных исполнений знаменитой роли. Счастливейшим из смертных играет Хорава венецианского мавра в первой половине трагедии и смертельно раненным орлом — в последних сценах. Посылая на смерть Дездемону, он прежде всего обрекает на гибель себя. Но какая просветленность во взоре Хоравы, когда Отелло пронзает себя кинжалом! Здесь все: и суд над собой, и приговор, и смерть, как чувство вечного покоя.

Искусство Хоравы получило всенародное признание. Когда 6 сентября 1936 года было установлено высокое звание народного артиста СССР, то в первом списке почета, состоявшем из 13 прославленных имен, значилось и имя Акакия Хоравы.

Книга творчества Хоравы далека от своего завершения, и советский зритель еще увидит много величественных образов, созданных этим выдающимся художником героического театра.

Н. ВОЛКОВ

Выступление Государственного уральского народного хора. Фото Е. Умнова

Творческие сокровища Урала, его художественные «самоцветы» — сказы, легенды, песни, пляски — своеобразны по содержанию и колориту. Они всегда правдиво отражают быт, надежды и думы тружеников этого сурового сказочного края.

Литературный фольклор Урала нашел своего неутомимого и талантливого пропагандиста в лице писателя Павла Петровича Бажова. Значительно меньше собирались, обрабатывались и пропагандировались народные музыкальные богатства Урала. До последних лет они лишь изредка привлекали внимание композиторов и случайно доходили до широкой аудитории.

Тем более ценна деятельность Уральского государственного народного хора — пропагандиста своего краевого народно-песенного фольклора. Недавно Уральский хор с огромным успехом закончил гастроли в Москве.

Ансамбль этот возник в 1943 году из двух самодеятельных колхозных хоров — села Измоденова, Белоярского района, и села Покровского, Егоршинского района (оба Свердловской области). В состав сложившегося ансамбля вошли знатоки и любители уральской песни, изустно передававшейся из поколения в поколение. Нынешние участники хора с уважением вспоминают своих учителей, которые уже в преклонном возрасте покинули ансамбль, оставив ему многие сотни старинных народных песен и драгоценные традиции народно-вокального исполнения. Таковы старейшие «песельницы» хора: Александра Ивановна Широкова, Ксения Григорьевна Каштанова, Мария Акимовна Плеханова, Агриппина Маркеловна Фадеева.

В последние годы хор, пополнившись танцевальной группой, побывал в ряде братских республик: в Белоруссии, Латвии, Эстонии, Литве, в западных областях Украины. Ансамбль возглавляют композитор Н. Хлопков (художественный руководитель) и руководитель плясовой группы О. Князева; со дня основания работают в хоре консультант по народному творчеству Л. Христиансен и руководитель хоровой группы Н. Мальгинова.

В репертуаре хора свыше двухсот народных уральских песен (в том числе и современных) и произведений уральских композиторов.

Программа хора, показанная в Москве в концертном зале имени Чайковского и в ряде рабочих клубов, как и своеобразное исполнительское мастерство ансамбля поистине пленительны. Огромный интерес вызывает самый репертуар — мало известные нам образцы уральского вокального и хореографического народного искусства.

Для народного творчества вообще характерно сочетание простоты и экономии исполнительских средств с глубокой эмоциональной выразительностью. Уральской песне, полностью сохраняющей эти замечательные черты, свойственна кроме того особо привлекательная тонкость в воплощении эпических и лирико-драматических образов, а также и в передаче юмористических эпизодов. Исполнительскую манеру ансамбля отличают непосредственность чувства, выразительная передача содержания песен. В этом кроется причина подлинного волнения, которое охватывает слушателей, когда хор исполняет современную народную песнь «Ой, вы, горы». Песня эта повествует об огромных богатствах Урала, ставших достоянием народа, о мудрой сталинской воле, управляющей строительством новой, счастливой жизни. Трогает аудиторию и полная драматизма народная девичья песня «Черемуха», исполняемая просто и взволнованно.

Так же просто, ровно, внешне даже, кажется, равнодушно поет хор и шуточные песни «Комарочек», «Куманек». А смех в зале все время не прекращается. И в памяти остается мастерское чередование раздольного пения, речитатива и простого говорка, а все вместе создает исключительно яркое впечатление.

Столь же талантливо исполняет хор и произведения уральских композиторов. Для него систематически пишут (обработки фольклора и оригинальные песни) композиторы Н. Хлопков, Л. Лядова, Б. Гибалин и другие.

Недостает в ансамбле мужских голосов, особенно низких. Несколько обедняет исполнение и однообразное музыкальное сопровождение отдельных номеров — только баяны, без других русских народных инструментов.

В Уральском государственном хоре нет ни одного певца-профессионала. Возникнув из народного исполнительства, этот хор и по сегодня пополняется из числа лучших представителей сельской музыкальной самодеятельности. Новых хористов на местах тщательно и любовно отбирают руководители ансамбля. Между тем в исполнении этого хора все законченно-профессионально, начиная от чистоты и ясности звука и интонаций и кончая мастерством отделки деталей сложнейшего чисто народного многоголосия.

Вспомним, что такое же законченное профессиональное мастерство мы наблюдали и у Северного народного хора, гастролировавшего в Москве, и у Воронежского, и у других аналогичных коллективов.

И мы снова и снова вспоминаем о драгоценном опыте замечательных русских певцов О. А. Петрова, Ф. И. Шаляпина, А. В. Неждановой и многих, многих других, так тщательно изучавших и тонко воспроизводивших народные приемы пения. То же можно сказать и о заслугах многих русских хоровых организаций, хранивших и продолжающих хранить народно-песенное исполнительство в его чистом виде.

Изяществом и содержательностью отличаются и темпераментные уральские пляски хореографической группы ансамбля. Особенно порадовали зрителей «Байновская кадриль», «Шестера», «Большой уральский перепляс», а также разнохарактерные и грациозно-красочные танцевальные сюиты.

Гастроли Уральского хора в Москве — радостное художественное событие, еще одно яркое доказательство того, насколько необъятны творческие богатства нашей Родины. Пожалуй, никогда еще в истории народного искусства не расцветало столь разнообразнейшее, как в наши дни, песнетворчество, выражающее самые сокровенные думы, чувства и устремления социалистических народов нашей страны.

С. КОРЕВ

Большой уральский перепляс.

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

Арташес Петросян. Барельеф.

Среди выступавших на большом концерте в Ереване оказались семидесятилетний старик и семилетний мальчик. Старик не был маститым деятелем искусства, мальчик не был «вундеркиндом». Это были простой колхозник — опытный виноградарь — и обыкновенный дошкольник. И тем не менее оба они уверенно и с достоинством вышли на сцену.

Шел концерт, подготовленный силами республиканской самодеятельности.

В Армении около четырехсот театральных коллективов, созданных инициативой рабочих, колхозников, служащих, свыше трехсот оркестров народных и духовых инструментов, ансамблей песни и пляски, хоровых и танцевальных кружков, сотни художников, ковроделов, скульпторов, резчиков по дереву и по металлу. Десятки тысяч людей труда отдают свой досуг искусству.

Хоровые ансамбли, составляя свой репертуар, широко используют произведения советских композиторов Москвы и Киева, Тбилиси и Еревана. Но они обращаются и к вечно живому источнику народного творчества.

Если вы хотите услышать самые старые и самые новые народные песни Армении, поезжайте в районный центр Октемберян, спросите на хлопкоочистительном заводе мастера Мариам Грджян и ее дочь Амалию. Никто не помнит столько песен и сказок, сколько эти народные певицы.

В селе Маралик, Агинского района, живет восьмидесятитрехлетняя колхозница Ханум Газарьян. Ее имя известно по всей Армении: она слагает песни о новой жизни, и эти песни звучат в городах и селах республики. Катин Петросян из села Патев, Горисского района, рассказывает замечательные сказки — в их старинную вязь легко вплетаются события наших дней.

Свободно и широко звучат под мелодичный аккомпанемент саазов песни стариков-гусанов Шагена из Гукасяна, Ашира из Гориса, Ашхужа из Абарана, слепого Аваси из Амаси. Традиция гусанского творчества не увядает, и пятнадцатилетний ереванец Максим Галустян из ремесленного училища перенимает у Сероба, одного из старейших певцов-сказителей, искусство слагать дастаны...

Бережно сохраняют народные традиции и хореографические ансамбли. Славится своим ансамблем село Айгехат, Алавердского района. Среди колхозных танцоров селения особенно выделяются члены большой семьи Шавердяннов,— старшему из четырнадцати Шавердянов уже за шестьдесят.

Радостны вечера в Айгехате! То пленительно плавная, то пылкая, горячая пляска веселит колхозников. Они гордятся своим ансамблем так же, как учителя Еревана гордятся своим замечательным хором, текстильщики Ленинакана — ансамблем народных инструментов, рабочие Кировакана — драматическим коллективом.

Многообразны и плодоносны таланты Армении. Вот барельеф, высеченный из камня инвалидом Великой Отечественной войны Арташесом Петросяном. Девушка-армянка поднимает тост за здоровье великого Сталина, на ее груди Золотая звезда Героя Социалистического Труда. За ее спиной панорама новой Армении.

С любовью работница Парандзем Аветисян вышила шелком картину «Ленин и Сталин в Кремле» и портрет товарища Сталина на многоцветном фоне победного салюта. Огромный ковер с портретом вождя выткан руками Арменуш Матинян. Каменные вазы, чаши из зеленого туфа, изделия из серебра и кости, из меди и дерева — все это работы народных мастеров Армении.

«Самодеятельность» — слово недостаточно выразительное, оно уже не в состоянии вместить то огромное содержание, которое вдохнула в него новая жизнь. С каждым днем ширится и наливается новыми силами искусство, создаваемое людьми труда.

К. МУРАВЬЕВ

Ереван.

Танец «Назпар» исполняет Седа Хачатрян, школьница города Октемберян.

И. Кудрявцев. Скульптурный портрет чувашского поэта К. В. Иванова.

Чувашский скульптор

Нет сильнее человека
В целом мире никого.
Он хозяин здесь от века.
Суша, воды — все его.

Эти строки принадлежат родоначальнику чувашской поэзии, автору классической поэмы «Нарспи», Константину Васильевичу Иванову.

В тяжелые годы царской реакции он воспевал стремление народных масс к свободе. Он познакомил свой народ со стихами Лермонтова и других русских поэтов Чуваши с гордостью и любовью хранят в своих сердцах память о поэте-гражданине К. В. Иванове.

В этом году Чувашия отмечает тридцатилетие образования Чувашской автономной республики и шестидесятилетие со дня рождения К. В. Иванова. В ознаменование этих юбилеев народ решил воздвигнуть своему любимому поэту памятник работы чувашского скульптора И. Ф. Кудрявцева.

Скульптор Кудрявцев родился в 1908 году в маленькой деревушке Ойкасы, неподалеку от Чебоксар. Тяжелое детство выпало на его долю. Родители трудились в поте лица на пашне, чтобы как-нибудь прокормить большую семью. При советской власти Илья пошел в школу, потом на рабфак.

В 1936 году Чувашию посетили скульпторы. Кудрявцев увидел, как из бесформенной глины люди создают живые человеческие образы. Его увлекла эта работа, и с этого дня он начинает лепить. 1938 год приносит первые плоды: Кудрявцев создает бюсты Пушкина, С. Орджоникидзе, Чкалова. Тогда же скульптор задумал изготовить памятник поэту К. В. Иванову.

На всесоюзной выставке, посвященной темам обороны СССР, скульптурная группа Кудрявцева «Сталин и Ворошилов на борту корабля» была высоко оценена и получила первую премию. Следующая его работа — бюст М. Горького, находящийся сейчас в музее писателя в городе Горьком. В годы Великой Отечественной войны, сражаясь в рядах Советской Армии, Кудрявцев задумал и позднее выполнил новые темы: «Спасение русского командира», «Фронтовая связистка» и другие.

После демобилизации И. Ф. Кудрявцев приступил к работе над скульптурами, отражающими мирный труд Чувашии. Более тридцати вариантов сделал он, чтобы верно передать образ героини социалистического труда Лаврентьевой. Но все эти годы работа над памятником К. В. Иванову не прекращалась. Гипсовый бюст поэта отливается сейчас в бронзе.

Скульптору, безусловно, удался облик народного поэта. Это образ борца за правду, человека неукротимой воли и неподкупной честности.

В. РОМАНОВ

Чебоксары.

Леонид БРАСЛАВСКИЙ

Несколько месяцев тому назад, приехав из Москвы в Тбилиси, мастер спорта Надежда Шитикова, может быть, сильнее, чем всегда, ощутила свою любовь к фехтованию. Предстояла борьба за звание чемпиона страны. Как обидно, что она себя неважно чувствует! Вероятно, сказалась перемена климата. Или ее просквозило в поезде? Во всяком случае, не было той легкости в теле, свободы в мышцах, ясности сознания — всего того, что обычно создавало превосходное настроение и уверенность в себе.

А между тем ее неудержимо тянуло надеть фехтовальный костюм и взять в руку клинок. Ей даже на секунду почудилось, что клинок у нее в руке, и чаще забилось сердце! Она стояла в дверях большого гимнастического зала, словно рапирами пронизанного яркими лучами солнца. Прислушиваясь к волнующему шуму скрещенных клинков, она наблюдала за стремительными движениями фехтовальщиков.

Многие из них были знакомы Надежде по прошлым встречам. И даже сейчас, «на разминке», она отмечала, как они «выросли» за год. Много нового появилось в приемах боя, в манере наступать и защищаться. Ее любимый спорт — фехтование — развивался так же неудержимо и бурно, как и все виды советского спорта. Невозможно было не радоваться этому.

Наслаждение, какое она испытывала, созерцая фехтование мастеров: неуловимая красота молниеносных движений, изящество, ловкость, сверкание клинков, — было близко тому наслаждению, которое доставляли ей хорошие книги, удачные картины, прекрасная музыка — то, без чего Надежда не мыслила жизни и что составляло значительную часть ее интересов.

Шесть лет тому назад, привлеченная веселыми возгласами за оградой, она заглянула во двор Центрального института физкультуры в Москве — и с того дня жизнь ее, чертежницы конструкторского бюро, пошла иным путем.

По площадке, перебрасываясь мячом, бегали загорелые юноши. Чуть дальше, послушные счету преподавателя, шестеро девушек слаженно, как одна, выполняли на зеленой траве гимнастические упражнения. Еще дальше вертелись на турниках трое гимнастов, каким-то чудом удерживаясь на стальных прутьях. И столько было во всем этом привлекательного, что Надежда долго не могла уйти, борясь с искушением присоединиться то к одним, то к другим, то к третьим!

И действительно, став студенткой Института физической культуры, живая, энергичная от природы, она с одинаковым увлечением занималась и ручными играми, и гимнастикой, и легкой атлетикой. Ее руки стали гораздо крепче, ноги гораздо сильнее. Она начала чувствовать себя уверенно и на стадионе, и на баскетбольной площадке, и в бассейне.

Но наступил день, когда было сказано:

— Теперь вы достаточно подготовлены к тому, чтобы выбрать вид спорта, в котором надо совершенствоваться, стать специалистом.

Выбор оказался для Надежды делом нелегким. Размышляя над тем, как ей быть, она заглянула однажды после занятий в фехтовальный зал. Студенты только что разошлись. У стойки с рапирами стоял преподаватель Виталий Андреевич Аркадьев, заслуженный мастер спорта, юношески стройный, прямой. Надежда заговорила с ним:

— Виталий Андреевич, посоветуйте, на чем остановиться?

— На фехтовании, — не задумываясь, ответил он.

— Но ведь фехтование так устарело! — воскликнула она, повторив сказанные кем-то слова, и сейчас же спохватилась.

На лице Аркадьева выразилось возмущение:

— В таком случае устарели не только рапира и шпага, но и копье, и диск, и ядро, и эстафетная палочка! Все дело в качествах, какие воспитывают эти атрибуты. Что может быть насыщенней, напряженнее боя двух человек, вооруженных клинками?! В любом другом единоборстве для решительных действий и исправления ошибок даны минуты, а в фехтовании время исчисляется мгновениями. Какое неустанное внимание, какая молниеносная сообразительность нужны для того, чтобы успешно действовать под мелькающей перед глазами рапирой противника! Вы говорите, рапира устарела... А качества, какие она воспитывает, тоже устарели?!

— Нет! — смущенно улыбнувшись, ответила Надежда.

Она оказалась старательной ученицей. Дома, повесив на стену мишень, она усердно колола ее, стараясь попасть в середину, и рука с каждым днем все больше привыкала к рапире. Приемы, которые Виталий Андреевич показывал на тренировке, Надежда отрабатывала неустанно.

Но истинное удовлетворение, радость, вкус к фехтованию пришли тогда, когда после сумбура первых схваток она начала находить и создавать в бою такие единственные, исключительные положения, при которых проведенный ею прием достигал цели, давал результат. Сухие, академические приемы словно оживали! Этого-то и добивался Виталий Андреевич.

На первых крупнейших соревнованиях Надежда Шитикова заняла десятое место. Через два года она была уже на третьем месте. Последний год Шитикова готовилась под непрестанным наблюдением и руководством Аркадьева к встрече с сильнейшими мастерами, готовилась упорно, как никогда раньше.

И вот теперь этот день наступил, а она не в форме! Придется пока оставить мечту стать чемпионом. Но сражаться она будет. И сделает все возможное! Ею овладело спокойствие, которое — она знала — пытались обрести сейчас многие участницы соревнования. Самообладание было одним из самых сильных оружий в ее боевом арсенале.

Пятнадцать предварительных встреч с соперницами, совершенно разными по манере фехтования, по уровню мастерства, по темпераменту, Надежда провела до финала с исключительным хладнокровием и во всех пятнадцати поединках победила.

Первая встреча в финале была с Башук, которая фехтовала левой рукой. Для Башук было привычно встречаться с противницами, фехтующими правой, они же, сражаясь с ней, чувствовали себя неуверенно и неудобно. Пытаясь приспособиться к ее стойке, Надежда дважды в этом году терпела от нее поражение.

Едва судья дал знак, как она бросилась в атаку. Укол! Башук не ждала его: она рассчитывала на осторожность противницы. Их рапиры вновь скрестились. Нанося и парируя удары, они передвигались по дорожке, пытаясь прижать друг друга к задней линии. Это не удавалось ни одной, ни другой. Надежда сделала ложный выпад. Башук отпрянула и тотчас, вдогонку, получила второй укол.

Замешательство Башук не продлилось и секунды, но Надежда успела нанести третий укол! Башук предприняла яростную атаку. Ее рапира угрожающе замелькала в воздухе. Казалось, не один, а десяток клинков действовали одновременно против Надежды. Два раза рапира Башук коснулась ее груди. Но Надежда хладнокровно выискивала моменты, когда Башук забывала о защите, и поразила ее в четвертый и в пятый раз. Победила Надежда Шитикова.

Еще несколько встреч, не менее ожесточенных, она закончила с победой.

Основные претенденты на первое место, сильнейшие фехтовальщицы страны, имели уже по нескольку поражений.

Но путь к победе редко бывает прямым. Оттого, должно быть, что ее спокойствие перешло в излишнюю уверенность, она в двух последующих встречах, допустив до критического счета 4 : 4, не сумела нанести пятые, решающие уколы и проиграла. Это сразу же отодвинуло ее на второе место.

Впереди, лишь с одним поражением, успешно, как никогда прежде, шла Карманова из Азербайджана, настойчивая, необычайно упорная в обороне. Но ей еще предстояла встреча с Башук...

Волнуясь, следила Надежда за их поединком. Если Карманова победит, она чемпион Союза, если проиграет, то ей придется еще оспаривать это звание у нее, Надежды Шитиковой.

Карманова проиграла Башук.

Итак, бой за первое место!

Они приняли боевые позы. Легкие, грациозные движения фехтовальщиц, то плавные, скользящие, то резкие, полные наступательного порыва, обрели в этот напряженный момент

Н. Шитикова (справа) на тренировке.

Тренер В. Аркадьев объясняет Шитиковой правильное положение руки при защите.
Фото А. Бочинина

соревнования еще бóльшую завершенность и красоту. Противницы пока еще изучали друг друга. Вот они ринулись в атаку одновременно, но рапира Надежды первой уткнулась в белую защитную куртку соперницы.

Четверо угловых судей на вопрос главного судьи: «Ваше мнение?» — единодушно ответили: «Был укол». Значит, она превзошла свою соперницу в быстроте. Минуты три Надежда вела бой, построенный на непрерывных ложных атаках и вызовах. А затем вновь с дальней дистанции неожиданно нанесла укол — и снова Карманова не успела защититься: счет — 2 : 0.

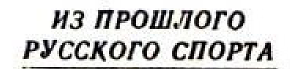
Поняв, что она уступает в стремительности, что ей гораздо выгоднее вести ближний бой, Карманова решительно сблизилась с Надеждой. Они обменялись уколами. Счет стал 3:1, затем 3 : 2 в пользу Надежды. Судья объявил: до конца схватки осталось две минуты!

Сквозь густую сетку фехтовальной маски не было видно выражения лица соперницы, но по движениям тела и рапиры Надежда безошибочно определила, что Карманова нервничает. Конечно, можно было тянуть время и выиграть с тремя уколами, но это было не в характере Шитиковой. Тем более, что уверенность Кармановой поколеблена.

Безошибочно выбрав момент, Надежда нанесла четвертый укол. Зрители зашумели. Ее приветствовали, поощряли. На последней минуте, преодолев необычную, упорную, цепкую оборону соперницы, Надежда завершила схватку пятым уколом.

Пока главный судья опрашивал своих помощников, Надежда посмотрела в сторону публики. Молодые, возбужденные лица, восторженные, сияющие глаза!.. Должно быть, ее борьба и удачи захватили зрителей. Не это ли лучшая награда, результат ее трудов, ее призвание быть примером стойкости и мастерства, звать молодежь к спорту, воспитывающему мужество, непреклонную волю, стремление к победе?

Когда ей вручили золотую медаль чемпиона Советского Союза — самую большую награду в ее жизни — и букет цветов, она передала цветы Кармановой, своей сопернице.

КРУЖОК А. Ф. КРАЕВСКОГО

Зарождение в России тяжелой атлетики относится к очень отдаленным временам. В современной же форме тяжелая атлетика начала развиваться у нас в последней четверти прошлого века. Один из пионеров гиревого спорта в нашей стране — петербургский доктор А. Ф. Краевский, которого еще при жизни называли отцом русской атлетики.

В молодости, будучи студентом-медиком, Краевский стал заниматься физическими упражнениями. Позже, в зрелые годы, он особенно интересовался поднятием тяжестей. 10 августа 1885 года в Петербурге на квартире у Краевского собралось несколько таких же, как он, энтузиастов тяжелой атлетики. Они решили в дальнейшем заниматься спортом совместно и всячески его пропагандировать. Так был создан первый в России «Кружок любителей атлетики». Краевский был избран его председателем.

Для занятий кружка доктор Краевский оборудовал у себя на квартире «атлетический кабинет». Это был большой зал с мягким ковром на полу, гимнастическими кольцами и огромной коллекцией спортивных гирь, считавшейся лучшей в Европе. Здесь изо дня в день происходили тренировки тяжелоатлетов-любителей.

Многим из кружка Краевского удалось достигнуть значительных для того времени спортивных результатов. Например, художник Н. Кравченко брал на грудь одним движением 124 килограмма, вырывал каждой рукой по 75 килограммов, а двумя выжимал 100. Ф. Орешкевич жал двумя руками 96 килограммов и толкал около 112. Все члены кружка очень увлекались упражнениями с так называемыми «бульдогами» — гантелями большого веса. Многие занимались не только гиревым спортом, но и борьбой, гимнастикой, фехтованием, акробатикой.

Руководимый Краевским «Кружок любителей атлетики» приобрел популярность и за пределами Петербурга. За помощью и советом к доктору Краевскому часто приезжали спортсмены из других городов. Тяжелой атлетикой с начала девяностых годов стали заниматься в Москве, Киеве, Харькове, Нижнем-Новгороде.

В 1895 году члены кружка устроили первый большой спортивный вечер для широкой публики. Вечер прошел с огромным успехом и помог привлечь к занятиям тяжелой атлетикой и вообще спортом много новых любителей.

В 1898 году в Петербурге состоялся всероссийский любительский чемпионат по поднятию тяжестей. Первое место занял воспитанник кружка Краевского уроженец Прибалтики атлет К. Гаккеншмидт. Годом позже на всемирном чемпионате в Милане победителем оказался другой участник кружка — гиревик С. Елисеев.

«Кружок любителей атлетики» просуществовал до 1898 года и был затем реорганизован в «Петербургское велосипедно-атлетическое общество», председателем которого был избран тот же А. Ф. Краевский.

Год от года тяжелая атлетика развивалась в России все шире. В 1905 году только в Москве и Петербурге уже насчитывалось восемь тяжелоатлетических кружков. Следом за питомцами кружка Краевского быстро приобрели себе мировую славу и другие русские силачи.

С. МИНАЕВ

В одной из басен И. А. Крылова говорится, что когда

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло,
...крысы хвост у ней отъели.

Но такой печальный случай с зубастой, как известно, произошел в амбаре. Что же касается водоемов, то тут она полная хозяйка и нагоняет страх не только на карасей, плотву, окуней и пескарей, но и на утят и гусят. Большая щука дерзко набрасывается даже на старых уток. Во время жора она не щадит и себе подобных.

О том, насколько бывает жадной щука, мне и хочется рассказать. Дело происходило в моей родной деревне Слепцове, Андреевского района, Смоленской области, расположенной на крутом правом берегу Днепра.

Наш Днепр — не та широкая и могучая река, которую воспели Гоголь и Шевченко. Здесь это узенькая речушка, которая на своем коротком пути в 25 километров впитала в себя только три небольших притока — Днепрец, Жердь и Молинку — и не успела еще набрать силы. Но какой только рыбы не водилось в ней!

Немало в нашей деревне было и рыболовов-любителей. Такие старики, как дед Филипп, дед Дмитрий, Василий Соколов, Василий Яковлев, редко возвращались домой без рыбы, а такой замечательный наблюдатель природы, каким был мой друг и учитель Ефим Васильев, всегда, бывало, подсидит какого-нибудь солидного, лобастого голавля или горбача-окуня.

В том году в начале июня клев был вполне удовлетворительный, но к концу месяца, перед самым сенокосом, он неожиданно прекратился.

Ефим Васильев нас успокаивал. Он нюхал своим широким носом воздух и, расчесывая пальцами густую сивую бороду, приговаривал:

— Месяц на ущербе. Потерпите маленько, скоро должно клевать.

И мы терпеливо ждали.

...Как-то в один из солнечных дней мы с матерью вдвоем оставались в избе. Старушка хлопотала по хозяйству, а я приводил в порядок спиннинг. Моя старшая сестра, Елена, пошла на Днепр полоскать белье.

Не прошло и десяти минут, как она, запыхавшись, вбежала в избу. Щеки ее пылали ярким румянцем, в руках она держала мокрый подол своего фартука.

— Что с тобой?! — удивленно спросил я.

— Эх, ты-ы... рыболов!.. Трещишь, трещишь на своей трещотке и ничего не натрещишь!.. Вот!

Она выпустила из рук подол фартука, и на пол упали две живые щуки. Одна была примерно в два килограмма, другая — поменьше. Я взял рыб в руки. Они представляли собой нечто целое. В пасти большой щуки скрывалась голова меньшей.

Сестра не без волнения рассказала: она только спустилась было к воде, как увидела, что в осоке кто-то возится. Заметив щук, она вскочила в воду и зачерпнула их фартуком.

...А через несколько дней произошел другой, не менее интересный случай.

Косили приднепровские заливные луга. Василий Яковлев у реки ворошил сено. Как страстный рыболов, он время от времени подходил к реке, чтобы полюбоваться голавлями, приближавшимися к берегу погреться на солнышке.

И вот он заметил неподалеку от берега неподвижно стоявшую щуку. Она вытянулась между двух широких листов кувшинки и всплыла так высоко, что ее спинное перо выглядывало из воды.

Недолго думая, Василий Яковлев сделал из своего тонкого пояса петельку, привязал ее к концу рукоятки граблей и эту снасть осторожно подвел к щуке. Щука будто дремала. Когда петелька оказалась на средине ее длинного тела, он сильно рванул граблиной вверх, и рыба, описав в воздухе дугу, упала на землю.

Сбежались люди. Многие брали щуку в руки, чтобы определить ее вес. И тут заметили, что в брюхе у нее находится какой-то комок, не то большая картошка, не то мяч. Щука весила около двух килограммов. Когда принесли домой и вскрыли живот, в желудке у нее оказалась крупная водяная крыса.

...Зная обжорство щуки, рыболовы-любители применяют для ее лова снасти самые примитивные, даже грубые.

Щука не принадлежит к разряду рыб «хитрых». Кроме того она очень быстро забывает обиды, наносимые ей рыболовами.

Интересный случай произошел однажды на реке Воре, в которой в свое время любил лавливать рыбу Сергей Тимофеевич Аксаков.

Мы, несколько рыболовов, сидели на берегу обширного и глубокого омута в нижнем течении этой замечательной реки. К нам подошел спиннингист. Попросив разрешения, он сделал один заброс, затем второй. На третий раз удилище согнулось, и леса загудела. Спиннингист, как мы потом убедились, оказался опытным. Хладнокровие и выдержка заставили зубастую сдаться. Вскоре она, вытянувшись, лежала на траве. В ней было не менее четырех килограммов.

И что же? Мы заметили, что, помимо той блесны, на которую вытащил щуку рыболов, у нижней губы хищницы блестела еще одна. Такая «серьга», повидимому, нисколько щуку не тревожила и не влияла на ее аппетит.

Рыболов уверял, что первая блесна принадлежит также ему, и поэтому особенно радовался удаче.

Два рассказа

Ярослав ГАШЕК

Рисунки Л. Бродаты

Грех священника Андрея

Вот уже восемнадцать лет, как священник Андрей сидит в чистилище, не зная даже, почему. До сих пор еще не вынесен ему приговор, хотя за последние годы наплыв душ в чистилище был не так уж велик. Большинство попадало сюда только мимоходом и затем под скрежет зубовный отправлялось в ад. Иногда Андрей набирался храбрости и спрашивал ангелов-смотрителей: «Почему вы меня здесь держите, господа?»

Ангелы пожимали крыльями и говорили: «Судебное следствие по вашему делу не вполне еще закончено, преподобный отец».

От этих слов ему всегда становилось жутко, как только может быть жутко душам в чистилище, ибо он не знал за собой никаких грехов. Он был из тех всеми уважаемых благочестивых священников, которых описывает Райс. На земле он имел все положительные признаки этого описания: длинные волосы, дрожащий старческий голос, морально чистую душу первой степени.

И несмотря на это, он все еще сидит в предварительном заключении, в чистилище. Последнее время его компаньоном был один приходский священник, который рассчитывал получить десять тысяч лет. Бедняга, он четверть часа любовался на девушек, которые, лежа на тобаггане и задрав ножки, с веселым криком скатывались с искусственной горы. Это было на юбилейной выставке.

«Настоящие брюссельские кружева, отец благочинный», — вздыхал несчастный священник. Однако чистая душа Андрея не понимала разницы между обыкновенной юбкой и кружевной.

Ангелы тихо порхали вокруг Андрея, им было жалко его, они пели ему чудесные песни на слова святых отцов и говорили: «Извольте подать апелляцию, отец благочинный». Вняв ангельским советам, он подал апелляцию в письменном виде:

«Славный страшный суд!

Нижеподписавшаяся душа, благочинный Андрей, настоящим покорнейше просит отпустить его из чистилища и подкрепляет свою покорнейшую просьбу следующими доводами:

А. Нижеподписавшийся не находит на своей совести ничего, что могло бы его опорочить. Жил так, как написано в священных книгах.

Б. Совершенно благонадежен, что может подтвердить староста села Палушка, находящийся в данное время в котле № 253 в умеренном отделении чистилища, снабженном вентиляторами.

В. То же самое, т. е. благонадежность и безупречность поведения, может доказать жандармский вахмистр Иосиф Лоукота, в настоящее время проживающий в блаженстве в раю у пятого турникета.

Г. Нижеподписавшийся обнаружил чудотворный источник и бесплатно снабжал его водой приюты и исправительные дома.

Д. Учился с отличием, что может подтвердить директор гимназии Алексиус, прикомандированный к ангелам, сторожащим гимназистов в чистилище.

Е. Нижеподписавшийся в совершенстве владеет латинским, греческим, древнееврейским и арамейским языками.

Ж. Никогда ни в чем не сомневался.

На основании этого прошу отпустить меня из чистилища и обещаю в случае милостивого удовлетворения моей почтительнейшей просьбы приложить все старания, чтобы оправдать это доверие».

Прошение было ему возвращено. «Недостает титульного листа», — сказал ангел, передавая ему прошение. Между прочим, этот ангел при жизни был чиновником министерской канцелярии.

Тогда священник Андрей написал титул: «Прошение души священника Андрея об освобождении ее из чистилища. Приложены пункты А, Б, В, Г, Д, Е, Ж».

В годовщину своей смерти (раньше даже на земле, как правило, прошения не рассматриваются) он получил ответ:

«Ваше благородие! Позволяем себе обратить ваше внимание, что страшный суд в ближайшее время заседать не будет, по какой причине ваше прошение мы направили в судебную палату чистилища с предложением по возможности принять во внимание все обстоятельства дела и после расследования ваших грехов свое заключение препроводить в священный суд. За подготовительный комитет страшного суда: Гавриил».

И тихо потекли годы под вопли душ и трогательное пение ангелов, убаюкивающих в чистилище некрещеных младенцев.

Наконец священник Андрей получил повестку: «Явиться в священный суд».

Внизу, на небесных сводах чистилища, восседали судьи, видимые только ангелам-хранителям, которые и привели сюда обвиняемого. В воздухе висела книга жизни священника Андрея, перелистываемая невидимой рукой.

— Священник Андрей! — раздался голос. — Ты видишь здесь книгу своей жизни. Она чиста, кроме одной страницы. Ответь теперь честно на вопрос: был ли у тебя брат в Австралии?

— Был, славные судьи.

— Теперь следующий вопрос: писал ты своему брату в Австралию?

— Да, славные судьи. В 1882 году, в Сидней.

Книга закрылась, и раздался глубокий голос, принадлежавший по всем признакам председателю суда:

— Изучил ли ты основательно все писания святого Августина, учителя церкви?

— Да!

Послышался шум крыльев, и суд отправился на совещание. Затем — новый шум крыльев, и голос сверху прогремел:

— Священник Андрей приговаривается к 15 тысячам лет принудительного пребывания в чистилище с зачетом 22 лет предварительного заключения.

Мотивировка

В своей книге, написанной в 415 году нашей эры, «об изложении, или же о толковании книг» учитель церкви Августин объявил веру в антиподов ересью. См. стр. 23. Ввиду же того, что Австралия принадлежит к антиподам, то и вера в существование Австралии является богохульством, кое преступление совершил обвиняемый священник Андрей фактом послания письма своему брату, принадлежащему к антиподам и живущему в австралийском Сиднее. Облегчающее вину обстоятельство суть: безупречное поведение и чистосердечное признание обвиняемого».

«Не плачьте, — утешали ангелы приговоренного, — нечто подобное могло бы с вами случиться и в земном суде...»

О рае

Попал один австрийский министр юстиции в рай, где его назначили помощником св. Петра у входных ворот.

Покуривал он трубку, поплевывал вниз, прямо в ад, и наблюдал за душами, которым хотелось попасть в рай.

Одни души вели себя очень самоуверенно, а другие держались униженно и робко просили впустить их.

Некоторые колотили изо всех сил в ворота и нахально кричали, что они невинные, как лилии.

Бывший министр каждую душу обыскал, допросил, что да как, а потом помог св. Петру открыть ворота, так как за многие столетия, что св. Петр просидел у них, замок совсем заржавел и туго отпирался.

Один раз говорит министр юстиции:

— Дорогой Петр, хорошо бы твои ворота вазелином смазать. А то не годится так. Уж больно скрипит твой замок, просто беда.

— Да я уже лет шестьсот сам об этом думаю, — сказал Петр, — но ведь ты же знаешь, что я не мог отсюда отойти, пока у меня помощника не было. Иногда я и получал помощника, но один из них уж слишком старательно обыскивал святых мучениц, всходивших на небо, хе-хе!.. Потрепывал и щекотал их, а ведь, понимаешь, души-то, они неодетые. А некоторые душечки, молодые мученицы бывают, ваше превосходительство, такие сдобненькие, х-хе! Тело, ну прямо алебастр.

А другие головы свои руками держат, ну просто посмотреть приятно. Одна из них так стала смеяться, когда мой помощник за ней приударил, что голова ее упала и пришлось ее в рай без головы пустить. Это та самая безголовая святая, что на дереве у фонтана сидит и по вечерам все себе ноги моет.

Вызвало это большое негодование, и пришлось выгнать моего помощника. Получил я другого. Служил он мне верой и правдой двести лет, как вдруг в один прекрасный день явились два здоровенных ангела и выкинули парнишку из рая прямо в чистилище. Дело в том, что жили на земле два однофамильца: один — негодяй, а второй — честный человек; и этот вот негодяй пробрался в рай, а честный опоздал и попал в ад. Потом, после того как его двести лет в кипящем навозе купали, выяснилось, что он святой. И от этого днем и ночью такое от него благовоние исходило, что даже несколько чертей раскаялось

и в господа бога поверило. Сами видите, ваше превосходительство, сколько мне с этим хлопот.

Говорю я вам, одному богу только известно, сколько столетий я двинуться не мог от райских ворот. Надо мной даже и на земле уже посмеиваются, что я, точно папа римский,— никуда не выхожу. А теперь, уж вы меня извините, пойду погулять. Кстати, и вазелин раздобуду — ворота смазать. Знаю, ваше превосходительство, на вас могу спокойно положиться. На ночь извольте ворота всегда хорошенько запирать, а то как бы к нам черти не пробрались. Один раз ведь, знаете, что случилось: отмычкой отперли и проскользнули в отделение, где кое-какие души под наблюдением обретаются. И сидела там одна весьма привлекательная молодая дама, которая от самого парижского архиепископа имела удостоверение в своей полнейшей невинности. А дело было довольно-таки запутанное, и верховный небесный суд дело это расследовал. И вот один чорт, из тех, что в рай пробрались, перелез через ограду прямо в это самое отделение и... произошла беда! Ровно через девять месяцев родился маленький чертенок.

Дама в наказание получила 900 тысяч лет адских мук, а чертенка торжественно и с молитвою я сам утопил. Так смотрите, ваше превосходительство, не обращайте внимания на жалобные вопли. Пусть лучше праведник подождет несколько столетий, чем попадет в рай грешник.

— Понимаю, — ответил бывший министр юстиции.

— Да вот еще что, ваше превосходительство. Когда будете кого-нибудь в рай впускать, так извольте его хорошенько обыскать, а то еще пронесут к нам что-нибудь против церкви или против законной власти. Может, они захотят пожаловаться на то, как теперь бесцеремонно о небесах пишут, и вырезки из газет принесут. Ведь теперь человек даже святым верить не может. Ну, пока прощайте, я за вазелином пойду.

Бывший министр юстиции остался у райских ворот один-одинешенек и пристально стал следить за окрестностями. Глубоко под ним проплывали миры, а когда появился земной шар, то Австрия оказалась повернутой к нему спиной. Министр с досадой отвернулся и стал поджидать прибытия душ.

Наконец у ворот раздался смелый стук.

— Кто там?

— Я, вождь социал-демократов!

Бывший министр юстиции улыбнулся:

— Ну, какой вы там социалист... Входите!

Вошла душенька, поклонилась глубоко. А как увидела заместителя св. Петра, так сразу же и узнала его.

— Уж если мы с вами на земле заодно были, так будем заодно и на небе, — сказал бывший министр. — Не хотите ли табачку или трубочку закурить?

Новый небожитель закурил и стал наблюдать за вновь приходящими. Пришли еще две души. Министр юстиции хотел уже было впустить их в рай, но старый приятель схватил его за руку:

— Что ты, друг, этих двух нельзя: они ведь однажды против правительства голосовали.

И в ту же минуту подхватили их черти подмышки и в ад потащили, а там на веки вечные посадили в кипящую смолу.

Да, видно, что от высшей справедливости никому не уйти и хоть здесь, на земле, с этими противниками законной власти ничего не случилось, но по мудрости небесной попадут они не в рай, а в кипящую смолу.

В царстве зверей

СОБАЧИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Этот пес был вынужден принять участие в минувшей избирательной кампании в Англии. Ему на спину нацепили плакат — «Голосуйте за Черчилля». Собаке было вдвойне неудобно: таскать на спине такой необычный груз да еще пропагандировать матерого поджигателя войны.

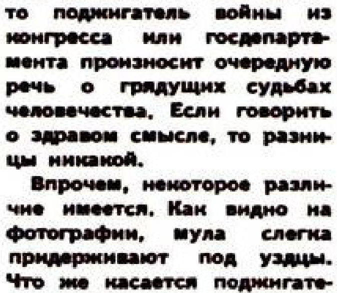
В ПЛЕНУ У АМЕРИКАНСКОЙ «МОДЫ»...

Вылупившись из яйца, эти птички вряд ли представляли себе, какое унылое существование ожидает их. На этом фото они показаны сидящими в шляпе, превращенной в клетку, или, точнее, в клетке, переделанной в шляпу.

«ВЫ СЛЫШИТЕ ГОЛОС АМЕРИКИ»...

Мул из Голливуда выступает у микрофона радио. Радиослушатели, без сомнения, уже выключили приемники: услышав рев мула,

они решают, что это какой-то поджигатель войны из конгресса или госдепартамента произносит очередную речь о грядущих судьбах человечества. Если говорить о здравом смысле, то разницы никакой.

Впрочем, некоторое различие имеется. Как видно на фотографии, мула слегка придерживают под уздцы. Что же касается поджигателей войны, то их пока еще не обуздали, и они беснуются у микрофонов, не зная удержу.

УДАЧЛИВЫЕ ЧЕТВЕРОНОГИЕ И НЕСЧАСТНЫЕ ЛЮДИ

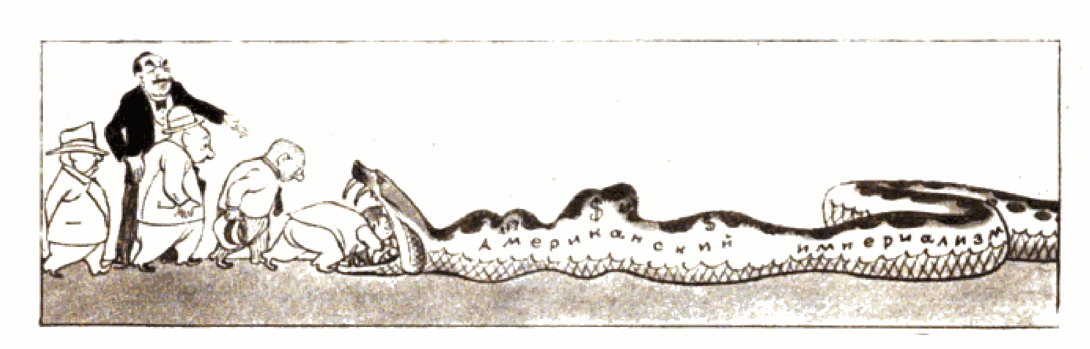
Это скаковой жеребец. Ему дали кличку «Удачливый». Рядом с ним — певица Сусанна Валес из Голливуда. Она никак не может назвать себя удачливой: у нее, как и у миллионов других американцев, нет работы.

Сусанна пошла на ипподром и попросила дать ей напрокат жеребца Удачливого. На снимке: Удачливый от имени Сусанны ставит доллар в рулетку. Для чего понадобилась певице игра в рулетку на пару с конем? Конечно, для рекламы, с помощью которой она рассчитывает найти работу.

В дипломатических кругах Вашингтона указывают (как передает Франс Пресс), что «теперь западному полушарию следует пойти дальше, чем план Маршалла и Атлантический пакт, и на базе этих двух союзов объединиться в однородное целое»

(Из журнала «Сторонники мира».)

Ачесон: — Господа маршаллизованные! Проходите дальше! Объединяйтесь в одно целое!..

Рис. В. Васильева

Уссурийские пчелы

Солнце скупо пробивалось сквозь густые заросли маньчжурского ореха, пробкового дерева и громадных папоротников. Кое-где в яркой листве дикого винограда чернели гроздья спелых ягод.

После долгих поисков и блужданий по тайге москвичи нашли, наконец, громадный, в два обхвата, кедр, в дупле которого обитал рой уссурийских пчел.

— Эге, да тут уже произвел разведку «четвероногий лакомка»,— заметил проводник, указывая на свежие следы когтей медведя, оставленные на стволе кедра.

Разбили палатку. Надев на голову предохранительные сетки, приступили к сложной работе — выемке из дупла пчелиного роя. Зазвенела пила. Разъяренные пчелы жалили руки пришельцев. Отпилив верхнюю часть дерева и расширив отверстие дупла, изъяли из него рой и водворили в переносный улей.

Экспедиция Московского университета имени Ломоносова закончила в таежных дебрях верховьев Имана работы по изучению биологии дикой уссурийской пчелы. На другой день участники экспедиции: доцент Ф. Лаврехин, студенты Л. Иванова, В. Сафьянова, Н. Гроховская и Р. Вылиток — тронулись с ценной поклажей в обратный путь, на колхозную пасеку села Введенка, расположенного недалеко от города Имана. На пасеке готовили к отправке пчел, а также и добытую ранее колоду-улей, выпиленную из липы вместе с находящимися в ней пчелами.

Необычный груз — дуплянка весом в 200 килограммов с живыми пчелами — был сдан в багаж. Пчелы проделали путь в 10 тысяч километров от Имана до Москвы и затем были водворены на Останкинскую зоологическую станцию Московского государственного университета.

Ф. Лаврехин путем наблюдений и опытов доказал возможность акклиматизации диких уссурийских пчел в средней полосе России в дуплянках на открытом воздухе.

Дикие уссурийские пчелы обладают полезными биологическими особенностями. В отличие от своих европейских сородичей они могут летать в солнечный день даже при температуре минус 3 градуса. В период похолодания, когда деревья стоят в цвету, в туманы и в дождь уссурийские пчелы могут принести большую пользу, обеспечив перекрестное опыление многих ценных плодовых культур.

Дальневосточные пчелы отправляются в активный полет (т. е. берут взяток) при температуре плюс 4 градуса, в то время как обыкновенные пчелы вылетают только при температуре плюс 8—10 градусов. Помимо того уссурийские пчелы не подвержены кишечным заболеваниям. Так называемый «очистительный» вылет уссурийских пчел происходил на подмосковной пасеке в ноябре — феврале и в марте, то есть в период, когда обычные пчелы не способны к вылету.

Положительно решен и вопрос о возможности содержания диких уссурийских пчел в рамочных ульях. Для этого известный полтавский агроном-пчеловод Ф. К. Бабаев изготовил специальную искусственную вощину с уменьшенной ячейкой.

Вл. МИНКЕВИЧ

Обо всем

БОГАТСТВО МОРЕЙ И ОКЕАНОВ

Едва ли кто, за исключением специалистов, представляет себе, как велик мировой промысел водных животных. Ежегодно вылавливается 182 миллиона центнеров рыбы, моллюсков и ракообразных, что по своей пищевой ценности равно стаду рогатого скота не менее чем в сто миллионов голов. Подавляющая часть улова приходится на долю рыбы — 170 миллионов центнеров,— главным образом сельдевых, тресковых и лососевых.

Наибольшие уловы дают Японское, Северное и Восточно-Китайское моря, а из рек, добыча на которых в общем невелика,— Ян-цзы-цзян и Амур, но самым продуктивным оказывается Азовское море, каждый квадратный километр которого за год приносит 78,9 центнера рыбы.

Интересно отметить, что ежегодно вылавливается 260 тысяч центнеров осьминогов и 51 тысяча китов. Лов последних производится преимущественно в Антарктике.

СССР в мировом промысле водных животных занимает одно из ведущих мест.

★

В СВОБОДНЫЕ МИНУТЫ

Стакан молекул

Как известно, молекулы любого вещества чрезвычайно малы. Только наиболее крупные из них (например, белка) можно увидеть (сфотографировать) с помощью электронного микроскопа.

Представим, что удалось проделать такой опыт: все молекулы воды в одном стакане окрасили особой, несмывающейся краской. Затем эту воду с окрашенными молекулами вылили из стакана в какое-либо море и равномерно перемешали с водами всех океанов и морей земного шара.

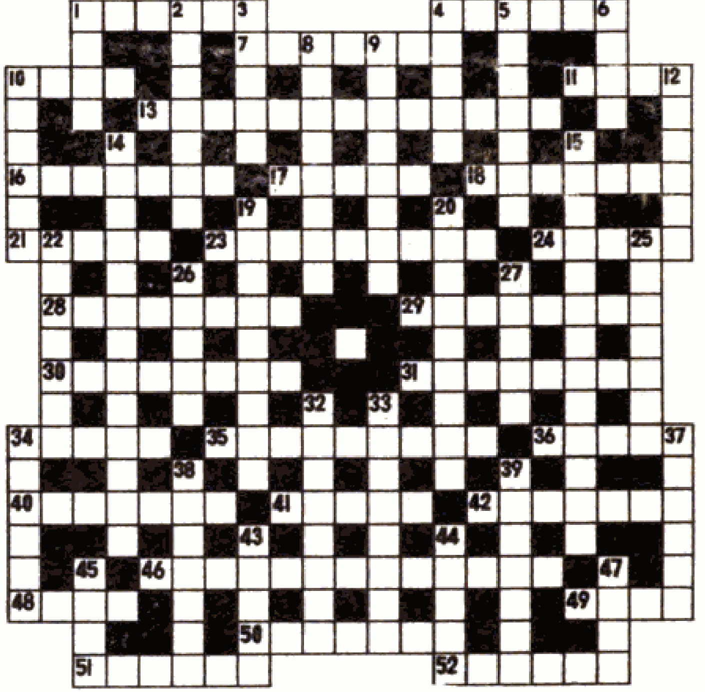
Как разыскать теперь в мировом океане эти окрашенные молекулы?

Затмение Марса

Ближайшая к Земле внешняя планета Марс оказалась в таком положении по отношению к Солнцу и Земле, в каком бывает Луна, когда жители Земли наблюдают полное лунное затмение.

Произойдет ли в этот момент затмение Марса и какое?

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Город в РСФСР. 4. Группа учащихся, окончивших курс. 7. Защита. 10. Морская рыба. 11. Хлопчатобумажный бархат. 13. Конно-спортивные упражнения. 16. Род войска. 17. Мера прежнего аптекарского веса. 18. Автотягач. 21. Участник игры. 23. Охрана общественной гигиены. 24. Мешок. 28. Птица. 29. Прибор для нивелирования. 30. Прибор для определения удельного веса жидкостей. 31. Изобретатель паровой машины. 34. Пастух. 35. Основоположник русской науки. 36. План расходов. 40. Защитник. 41. Материя, вытканная золотом и серебром. 42. Совокупность приемов, применяемых в мастерстве. 46. История своей жизни. 48. Сельскохозяйственное орудие. 49. Музыкальный инструмент. 50. Устный приказ. 51. Река в СССР. 52. Минеральная вода.

По вертикали:

1. Род невода. 2. Русский композитор. 3. Единица напряжения электрического тока. 4. Знаменитый болгарский поэт. 5. Рыбка. 6. Большой мешок. 8. Указатель. 9. Подлинник. 10. Область в Африке. 12. Древнегреческое государство. 14. Печь для производства генераторного газа. 15. Музыкальное сопровождение. 19. Спортивная игра. 20. Вратарь одной из футбольных команд Москвы. 22. Огромный предмет. 25. Печенье. 26. Установленная мера. 27. Пористое вещество. 32. Показатель степени. 33. Герой романа Н. Островского. 34. Великий советский летчик. 37. Минерал. 38. Пьеса М. Горького. 39. Озеро в СССР. 43. Небольшое судно. 44. Прием воздушного боя. 45. Остаток от сжигания твердого топлива. 47. Город в Московской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали:

1. Таджикистан. 8. Барто. 9. Ахундов. 10. Корма. 11. Эмбрион. 13. Штурман. 14. Удилище. 17. Хнума. 19. Силос. 21. Бревно. 22. Плавка. 23. Канна. 24. Вискоза. 25. Дирижер. 26. Вираж. 27. Виадук. 31. Лавина. 33. Арбуз. 34. Итиль. 37. Еруслан. 39. Печорин. 40. Анапест. 43. Пресс. 44. Яковлев. 45. Виола. 46. Ковалевская.

По вертикали:

1. Теория. 2. Жэхэ. 3. Консоль. 4. Стог. 5. Нокаут. 6. Грибачев. 7. Премьера. 12. Нукус. 13. Шелли. 15. Здравница. 16. Макаренко. 17. «Холопка». 18. Анабиоз. 19. Сунгари. 20. Спираль. 28. Докучаев. 29. Ибсен. 30. Лиана. 32. Васнецов. 35. Условие. 36. Бросок. 38. Латвия. 41. Икра. 42. Кекс.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 25

ГОРЯЧИЙ ЛЕД

При очень высоких давлениях, например, свыше 20 тысяч атмосфер, температура плавления льда повышается до плюс 76 градусов Цельсия.

СОЛНЦЕ И ВРЕМЕНА ГОДА

Изменение времен года на Земле вызывается не изменением расстояния от Земли до Солнца, а наклонением земной оси. Благодаря наклону оси Земля подставляет лучам Солнца в большей мере то северное полушарие, то южное.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 04346. Подписано к печати 20/VI 50 г. Изд. № 421. 5½ печ. л. Тираж 406.000. Заказ 1686. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Государственного 3% внутреннего выигрышного займа

МОЖНО ВЫИГРАТЬ 100.000 рублей

Приобретайте облигации!

ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДИТСЯ шесть основных тиражей выигрышей — 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября и 30 ноября и один дополнительный тираж выигрышей — 30 сентября.

В основных тиражах участвуют все облигации, независимо от срока их приобретения. В дополнительных тиражах участвуют облигации, приобретенные не менее чем за 9 месяцев до срока тиража.

В каждом тираже на один разряд займа в один миллиард рублей разыгрывается следующее количество выигрышей:

Размер выигрыша	В основном тираже	В дополнительном тираже
100.000 рублей	—	1
50.000 рублей	2	5
25.000 рублей	5	25
10.000 рублей	25	80
5.000 рублей	80	800
1.000 рублей	700	2.300
400 рублей	7.688	8.289
ВСЕГО	8.500	11.500

Облигации продаются и покупаются сберегательными кассами.

Цена 3 руб.